ПИОНЕР

'91

АПРЕЛЬ

ISSN 0130—8009

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
Москва, 1991
Издательство «Правда»

4

ЧИТАЙ В АПРЕЛЕ

На обложке:
композиция П. Мокроусова.

?+?=!

РАЗМИНКА

108 МИНУТ И 30 ЛЕТ

Конечно, многодневное и даже многомесячное пребывание космонавтов на околоземной орбите давно уже воспринимается нами как обычная работа, хотя и в необычных условиях. Нелегкая, связанная с риском, полная неожиданностей, но все-таки работа. Да и земные наши заботы, которых в последнее время заметно прибавилось, как-то не позволяют подолгу задерживать свое внимание на жизни обитателей орбитальных станций. И все же... И все же каждый новый запуск космического корабля — событие не рядовое. И, вероятно, еще не скоро станет таковым.

А теперь попробуйте представить, что творилось в стране и мире, когда 12 апреля 1961 года, ровно тридцать лет назад, гражданин СССР на советском корабле «Восток» преодолел земное притяжение. 108 минут Юрия Гагарина стали эпохой, потому что это был первый полет человека в космос.

Сколько раз за эти годы произносилось слово «первый»!

Первая женщина в космосе!

Первый космический экипаж!

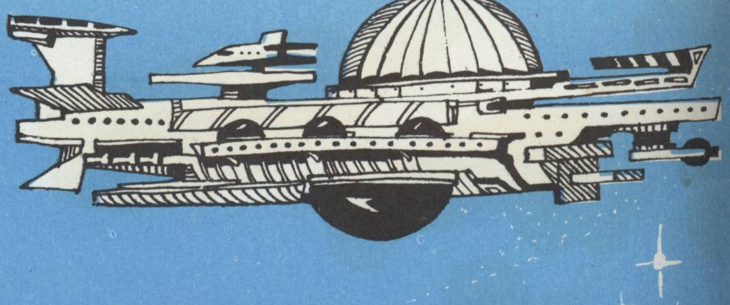
Первый выход человека в открытый космос!

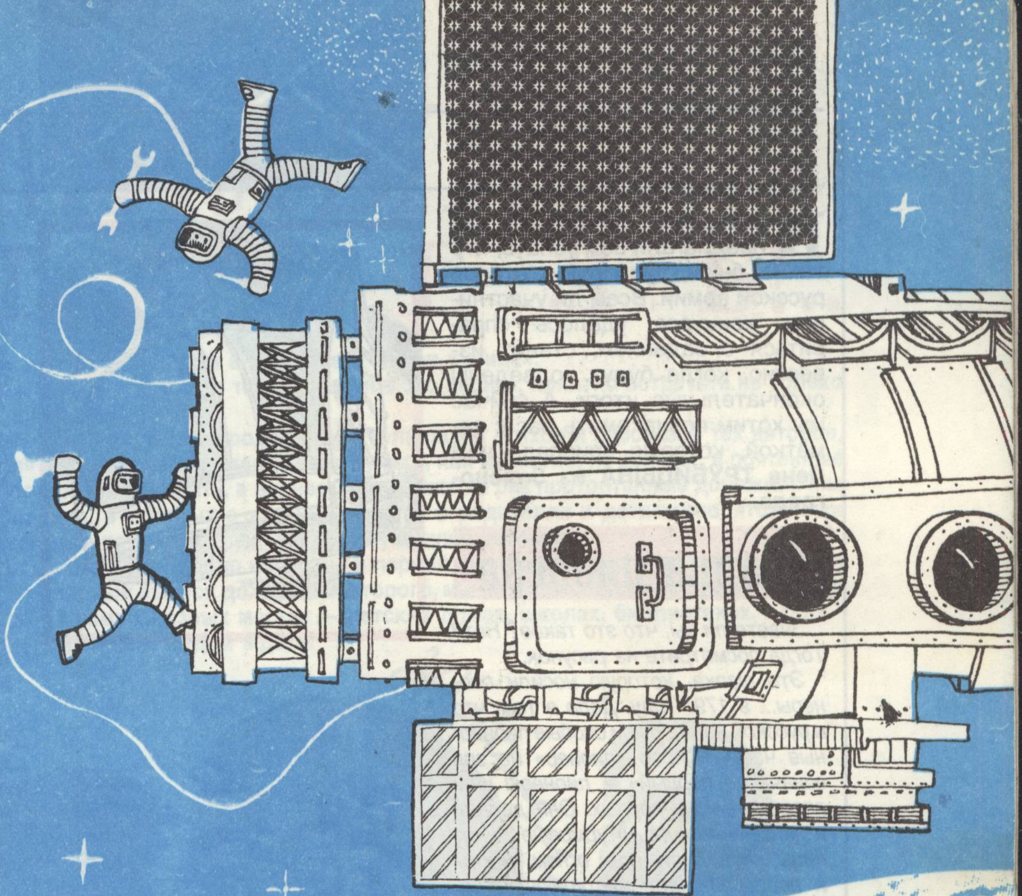
Первый одновременный полет трех космических кораблей!

Первые работы на орбитальной станции!

Первый автоматический транспортный грузовой корабль!

Перечень этот можно было бы продолжить. Но мы решили предложить сделать это вам, наши читатели. Вот вам четыре вопроса «космической» разминки.

1. Когда проходил первый совместный полет космонавтов двух стран на различных космических кораблях? Назовите его участников.

2. Известно, что вначале в космических полетах участвовали лишь космонавты СССР и астронавты США. Кто стал первым исследователем космоса из третьей страны?

3. «Маленький шаг для человека. Но какой огромный шаг в истории человечества!» Кто, когда и по какому поводу произнес эти слова?

4. Что вы знаете о серии межпланетных автоматических станций «Пионер»? Для каких целей они предназначались?

Ответы на вопросы «космической» разминки присылайте до 1 июня 1991 года.

Желаем всем успехов!

А теперь пора спуститься с космических высот на Землю. Вы часто упрекаете нас, что журнал запаздывает и что не все желающие успевают принять участие в предлагаемых конкурсах.

Но, во-первых, с января мы продлили на полмесяца срок присылки ответов. А во-вторых, скажем по секрету, и до этого мы старались учесть письма всех ребят, опоздавших не по своей вине.

В оправдание мы хотели бы добавить также, что редакция по-прежнему своевременно готовит все материалы. Но из-за перебоев с бумагой для обложки еще в сентябре прошлого года был нарушен график выпуска журнала, и его не удалось восстановить до сих пор.

Сообщаем результаты разминки «Ретро» («Пионер» № 11,1990 г.).

Правильные ответы:

Ребус без картин — великий русский поэт М. Ю. Лермонтов и его произведения «Демон» и «Бородино».

Метаграмма — «слива» и «слова».

Задача слогов — 1,2 — забор; 3,4 — Рона; 3,1 — роза; 4,2 — набор; 2 — бор; 1 — за; 4 — на.

Шарада — хи, барка; хибарка.

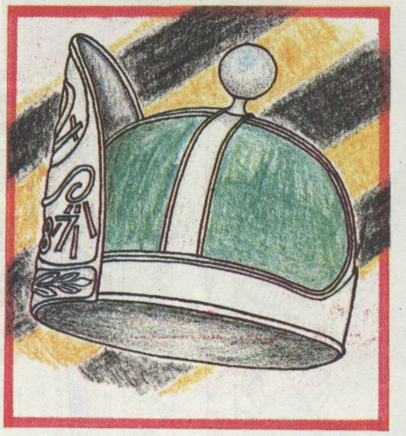
А победителями на этот раз стали Лена Титова из Чебоксар, Оля Иванова из поселка Красное-на-Волге Костромской области и Маша Кузнецова из Иванова.

Поздравляем!

Рисунок И. КЛИМОВА.

В январской разминке мы предлагали вам узнать, кто такие были пионеры в старой русской армии. Всем ли участникам конкурса удалось справиться с заданием, станет известно, когда будут подведены окончательные итоги. А сейчас мы хотим познакомить вас с заметкой, которую прислала нам **Лена ТРУБИЦЫНА из Зеленограда.**

Шапка пионера

Знаете ли вы, что это такое? Нет? Тогда посмотрите на рисунок.

Это шапка, которую носили пионеры... в 1797 году. Дело в том, что в русской армии были особые пионерные части. Слово «пионер» не зря означает «первый» — пионеры шли впереди самых первых. Они делали и устанавливали штурмовые лестницы, наводили под огнем мосты и переправы для наступающей армии. И пионер, конный или пеший, должен был владеть лопатой и топором не хуже, чем ружьем и саблей. У всех родов войск были в то время большие, красивые кивера, каски, треуголки. А у пионеров — небольшая шапочка. Почему? Да потому, что попробуй в кивере помахать топором, когда наводишь мост,— обязательно заденешь за кивер. А вы обратили внимание на то, что на макушке шапки оловянный шарик? Это для того, чтобы не поранить руки во время работы топором об острие, которое обычно было на военных головных уборах. Вот как умно была сделана шапка пионера!

«Как бы маленькая энциклопедия...»

На конкурс «Современная карта» («Пионер» № 8, 1990 г.) пришло столько работ, что жюри все еще никак не может решить, кому отдать предпочтение. Задача оказалась не из простых.

«Третий год я выписываю журнал «Пионер» и с удовольствием читаю его,— написала в предисловии к своему «исследованию» **Лена ВИНЯРСКАЯ из Минска.** *— Карту игры «Захват колоний» увидела сразу. Стала читать условия и обратила внимание на конкурс.*

Задание понравилось, но выполнить его оказалось нелегко...

Я начала с того, что обратилась к Детской энциклопедии и картам,

которые были дома, затем отправилась в библиотеку.

Вместе с авторами книг «По материкам и океанам» побывала в жилище папуасов и на месте стоянки Миклухо-Маклая, на коралловых островах. Любовалась царицей пальм — сейшельской, которая дает в год только около 30 орехов, но весом каждый до 25 килограммов. Плоды — знаменитые «двойные кокосы» — океанские волны выбрасывали на берега Западной Индии, где не знали их происхождения, и они считались магическими.

Из книги «Страны, хозяйства, люди» узнала об еще одной индусской традиции — почитании коров. Побывала на плавучих рынках Бангкока.

Узнала, что Сингапур — самый чистый город на Земле. Если, например, шофер из окна машины плюнет или бросит бумажку, то будет оштрафован на 1000 сингапурских долларов (304 руб. 60 коп.). Что Аомынь (Макао) и Сянган (Гонконг) до сих пор — колонии. Они будут возвращены Китаю в 1999 и 1997 годах, но еще в течение 50 лет не смогут поменять общественный строй.

Особенно мне понравилась блестяще иллюстрированная книга английского писателя А. Киста «Австралия и острова Тихого океана». Вместе с автором совершаешь увлекательное путешествие.

Австралия — «страна-убежище», где сохранились животные, которых можно назвать животными-ископаемыми. Например, утконос и ехидна. Интересна ящерица-молох, шипы-наросты на ее теле служат для поглощения влаги из воздуха. Большинство млекопитающих — сумчатые. Это кенгуру, белка, куница, коала, а на Тасмании живут сумчатый волк и дьявол.

Травянистые деревья, баобабы, мангровые деревья, эвкалипты, длинношеие черепахи. Где еще увидишь такое? А термитники? Массивные постройки высотой до 3 метров, диаметром в 2,5 метра, длинной осью всегда повернутые с севера на юг.

А бесследно исчезающие реки и озера? Они появляются только в редкие влажные годы и в сухой сезон пропадают.

Национальная эмблема Австралии — щит, поддерживаемый с одной стороны рыжим кенгуру, а с другой — страусом эму.

Настоящим бичом Австралии стали некоторые из завезенных растений. Кактусу так понравилось в Южном Уэльсе, что он иссушил 20 миллионов гектаров плодородных земель. Хорошо, что на помощь пришли 3 миллиарда гусениц южноамериканской бабочки. За пятнадцать лет маленький «хищник» почти полностью справился с кактусами. А вот с кроликами не справились до сих пор. Потомство пяти пушистых зверьков, завезенных на континент, достигло 1 миллиарда. Они приносят огромный вред.

Хотя англичане считают, что честь первооткрывателя Австралии принадлежит Дж. Куку (XVIII в.), но до него, еще в XVII веке, там побывали голландцы. По имени судна «Арнем», которое было занесено в залив Карпентария бурей, назван полуостров Арнемленд.

Рассказать обо всем невозможно. И я решила сделать как бы маленькую энциклопедию, включив в нее рассказ о политическом строе каждой страны, ее природе, экономике...»

Вот эти «маленькие энциклопедии» изучают сейчас члены жюри. Итоги конкурса «Современная карта» будут напечатаны в 6-м номере журнала «Пионер».

МИЛЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!..

Ты держишь в руках второй выпуск альманаха в журнале «Черная курица».

Новая встреча! И если ты уже знаком с нами, то тебе, хочется в это верить, приятно встретить не только новых, но и старых друзей и приятелей.

Общество детских писателей «Черная курица» продолжает публикацию стихов и рассказов тех авторов, чьи книги пока «не помещаются» в издательские планы (ведь бумаги, как известно, не хватает, а почтенные мэтры, дай им Бог здоровья, продолжают творить, а вернее, торить уже не раз протоптанные дорожки). Мы продолжаем искать те произведения, в которых о жизни, о школе, о родителях и детях говорятся вещи честные, без оглядки на «возрастные рамки» и «нежную ранимую душу ребенка».

О том, почему мы так делаем, хорошо и подробно написано в первой книжке «Черной курицы» («Пионер» № 4 за 1990 год). За то время, пока первый выпуск дожидался второго, мы не только писали и тусовались, но и выступали перед школьниками в самых разных местах — детских домах, школах, библиотеках.

Если мы тебя заинтересовали, пиши нам. Будем ждать!

ЧЁРНАЯ КУРИЦА

Тамара ЛОМБИНА

Единогласно

Все ушли вперед, а Таня, постепенно замедляя шаги, осталась одна в коридоре. Она открыла классный журнал, но, оглянувшись, закрыла его опять. Куда идти? А что если под лестницу, там, где у тети Кати стоят швабры.

Из второго класса выбежали огромные банты, и ветер их унес вместе с хозяйками. Таня опять подумала, что лучшее место — это там, под лестницей. Она незаметно проскользнула туда. Ничего не видно, но она помнила, что ее фамилия под 14-м номером, а нужную страницу Таня заложила пальцем. Сердце стучало в ушах. Вот сюда она нарисовала кривую пятерку — по химии. Фу!

В учительскую занесла журнал, когда сердце чуть-чуть успокоилось.

Прошло два дня. Обе ночи Таня плохо спала, на уроках не слышала объяснения. Но пока что все было спокойно. На третьем уроке Лаврухина — беду всего класса — вызвали зачем-то к директору. Он вернулся к концу урока заплаканный, забрал учебники и молча ушел. «Отправили за матерью»,— прошептала Ленка Шевченко. Этот эпизод никого не взволновал, дело привычное, Лопух — так звали все Лаврухина — был не столько хулиганом, сколько невезучим, и на него постоянно сыпались неприятности.

После уроков классная велела задержаться: будет разбираться поступок Лаврухина. Лопух привел с собой маленькую, с испуганным лицом мать. Она все вскакивала с парты и хватала своего длинного сына за чуб, молча дергала и опять садилась за парту, а сын даже наклонялся пониже, чтобы матери было удобнее. Он очень любил ее и мучился всегда от ее страдания.

— У нас очередная встреча, которую мы проводим в честь нашего уважаемого Владимира Лаврухина,— начала привычно в ироническом духе Валерия Степановна.— После всего, что он совершил в своей бурной жизни, это новый шаг: Лаврухин теперь занялся подделкой документов.

Класс в недоумении присмирел. Обычно за ним числились самые невинные и самые нелепые грехи: разбил кто-то стекло и убежал, а Лопух стоял, разинув рот, его и ловили как главного преступника. То на спор просил прикурить у директора, в то время как его тошнило от дыма и он сигарет в рот не брал.

— Ах, так ты теперь и фальшивомонетчик,— встрепенулась после слов учительницы мать и опять оттаскала сына за чуб.

— Ничего я не подделывал,— загудел было в ответ Лопух, но учительница открыла журнал и ткнула пальцем в страницу, на которой Таня увидела свою пятерку, но стояла она... напротив фамилии Лопуха. Ей мама обещала ко дню рождения магнитофон, если закончит год отлично, но по химии у нее не получалась пятерка, а Василий Петрович не признает вытягиваний за уши. Учитель был старенький, всегда забы-

вал имена, фамилии, вот Таня и подумала, а что если приписать еще одну пятерку, у нее и выйдет за четверть и за год «пять». Было очень трудно решиться на это, но хотелось иметь свой магнитофон.

— Я ставлю вопрос об исключении Лаврухина из школы или вы сами заберете в конце года документы и отдадите сына в ПТУ,— продолжала Валерия Степановна.

— У него мечта: поступить в театральный институт, ему надо школу кончить,— сквозь слезы проговорила мать Лаврухина и опять протянула руку к сыну, который тут же наклонил голову, но женщина махнула рукой.

У Тани загорелись уши, ей показалось, что все это заметили. Так, значит, она не в свою строчку вписала пятерку!..

Таня сжалась в комок и ждала, когда Лопух скажет, что это не он, и все поймут, что это она... Нет, на нее никто не подумает, ведь она гордость класса, у нее только по химии четверка. А может, сказать? И потом навсегда к ней прилепят это прозвище — «фальшивомонетчица». А как же потом еще год с Валерией? Она ведь, если повесит ярлык, то на всю жизнь. А характеристика? Для Лопуха этот случай ничего не прибавит к его «славе».

— Он должен закончить школу,— начала опять Вовкина мать.

— Если бы хотел, то кончил,— отрезала учительница,— пусть ребята сами решат, нужен ли классу такой... человек. Кто за то, чтобы Лаврухин забрал документы?

Руки подняли четыре человека.

— Интересно,— сжала губы в белую полосочку Валерия Степановна. Она переводила взгляд с одного на другого, и, как под гипнозом, поднимались руки ребят.

Вот учительница глянула на свою любимицу Таню, улыбнулась знакомой улыбкой: «А, это ты». Губы ее разжались: эта девочка не подведет. Но, отведя уже взгляд, она с удивлением опять посмотрела на Таню:

— Что такое, Хорошанова?

— А я воздерживаюсь,— ответила Таня, и сердце ее заколотилось, как тогда, под лестницей.

— Что это за болото такое у нас в классе завелось, люди без своего мнения нам не нужны. Мы так и будем их ха-рак-те-ри-зо-вать в конце года.

Танина рука онемела. Она не могла ее поднять, Вовка с матерью встали и вышли из класса. На них никто не смотрел, все смотрели на Таню и Валерию Степановну. Кто-то прошептал: «Вот молодец...»

Все даже забыли про Лопуха. Но вот Таня громко всхлипнула и подняла руку.

— Так вот, видите.— Учительница только сейчас заметила, что Лаврухина и его матери уже нет.— Все, единогласно!!!

Рисунок А. СИМОНОВОЙ.

Игорь ШЕВЧУК

Упрямый Сидоров

(СТИХИХИАДА)

**В классе учитель делится наблюдениями
Над различными атмосферными явлениями.
Ребята наполняются ценными научными впечатлениями.
Хихоньки-хахоньки смолкли давно.**

**В глазах у некоторых наблюдается понимание.
У остальных в глазах наблюдается внимание.
У Сидорова тоже наблюдается оно.
Только он смотрит не на учителя,
А в окно.**

**— Что это, Сидоров, интересного увидели?
Может, вас, Сидоров, на перемене обидели?
Или, Сидоров, ваши родители
Не заходили в школу давно?
Сидоров на учителя — ноль внимания.
И соответственно — ноль понимания.
Так как во внимании у Сидорова по-прежнему одно —
Сами понимаете:
Окно.**

**Наконец учитель теряет терпение:
Разворачивает макушку Сидорова в требуемом направлении —
А именно: в направлении от окна к доске...
НО
Тут, к всеобщему удивлению,
Происходит необычайнейшее атмосферное явление:
Вместе с макушкой в требуемом направлении
Ровно на 90 градусов разворачивается и оно —
Имеется в виду
Окно!**

**А вместе с ним — к всеобщему непониманию —
Все прилежащие к школе здания.
Там, где был фруктовый ларек ранее,
Красуется теперь здание РОНО.
Вместо пустыря высятся современные строения...
Тут должно бы подняться у всех настроение,
Но тем не менее
Все в полном недоумении.
А Сидоров все равно
Упрямо смотрит
В окно.
Вскоре стали поступать печальные сообщения,
О том, что макушка Сидорова
стала центром земного вращения
И что ровно на 90 градусов претерпела смещение
Вся земная кора и все океанское дно.
Первым протест заявил премьер-министр Гвинеи,
Увидев Северное сияние над нею,
Заметил, что стало значительно холоднее
И хождение в набедренных повязках существенно затруднено...
А Сидоров все равно
Упрямо смотрит
В окно.**

Далее, чукчи Таймыра телеграфировали из Дели:
«Куда это чукчи вдруг улетели?
Скажите чукчам — это все в самом деле
Или это такое приключенческое кино?»
За ними телеграфировали эскимосы с Аляски:
«В результате всей этой вашей свистопляски
Оказались все в одной детской коляске
Вместе с японским ансамблем песни и пляски...»
А Сидоров все равно
Упрямо смотрит
В окно.

Неизвестно, сколько бы шли телеграммы,
А Сидоров смотрел бы в окно упрямо,
Если бы наконец не пришла телеграмма от мамы:
«Нахожусь южнее Панамы
Под ручку с директором фирмы «РЕНО».
Принимай меры, пока еще не темно.
Если не примешь меры
зэ-пэ-тэ
Не буду помогать решать примеры
зэ-пэ-тэ
А папа наверняка
Вечером даст тумака.
Пока
тэ-че-ка
«А вот это исключено»,—
подумал Сидоров
И попросил повернуть обратно макушку,
А вместе с ней заодно
И окно.
«Вот так бы и давно!» — сказал учитель.
Повернул макушку в обратном направлении,
После чего, к удовлетворению
Многочисленного земного населения,
Вернулись на место горы, моря и селения,
А также здание РОНО,
пустырь
и фруктовый ларек...
— Продолжаем урок.
Сидоров, смотри в окно и не двигайся!!!

Рисунки А. БАЛДИНА.

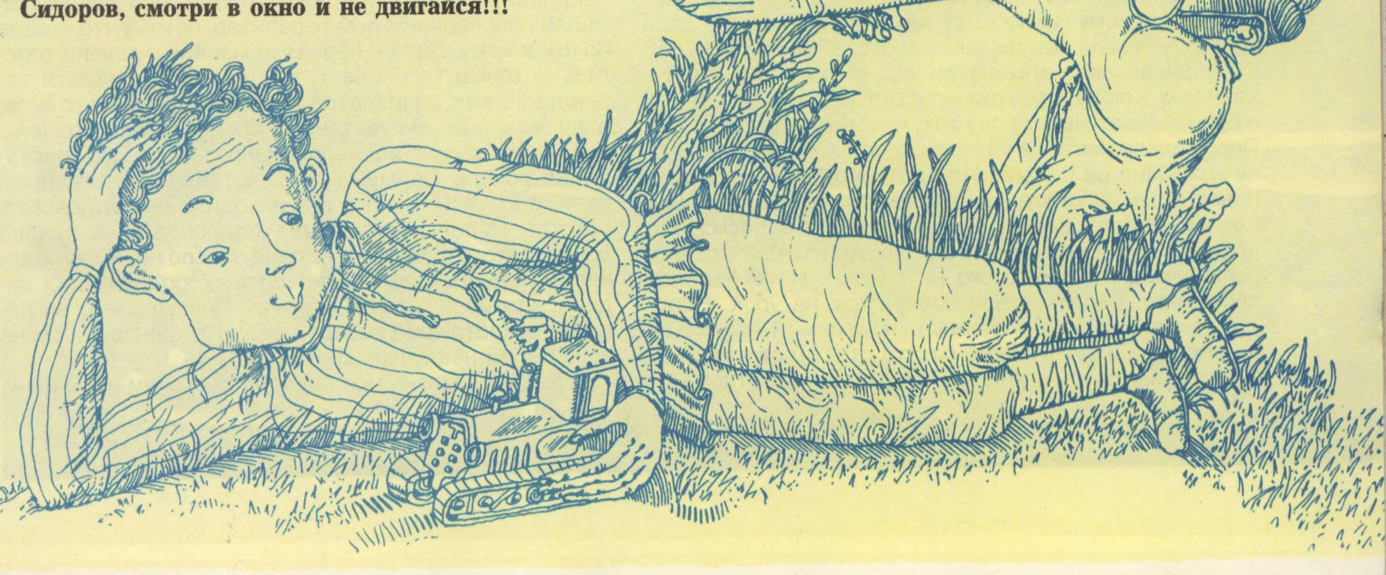
На перемене

На земле лежал
Федя Земляков.
Из него торчал
Степа Стебельков.
Расцветал на нем
Леня Лепестков,
Да порхал орлом
Мотя Мотыльков.

Вдруг как налетел
Витя Ветерков —
Охнуть не успел
Леня Лепестков.
Мотя Мотыльков
Хоть и отскочил —
Но Семен Сачков
Половчее был.
Напоследок встрял
Ножницын Иван —
Скошенный упал
Стебельков Степан.

Только Земляков
Все себе лежал.
Может, Земляков
Тракторова ждал?
Вовсе не его.
Думал Земляков:
«Ох, и далеко
Мне до облаков...»

Раиса СКРЫГАН

Чучело

Если б вам удалось взглянуть на меня, то сразу б вы поняли, что я — утка. Я птица с плоским клювом и перепонками на ногах — для плавания и ловли рыбы. Мое тело, покрытое пестрыми перьями, не мокнет в воде и — оп! оп! — легко поворачивается, рассекая воду, когда я ныряю. Оп! оп! — только хвостик торчит вверху. А на крыльях иссиня-зеленые зеркальца — яркие пятна, видны издалека. Я — утка. Любому ясно, что я утка. Только, представьте себе, бывшая. Потому что стою я в запертом на ключ шкафу — без света, без воды — хранюсь. Раньше я стояла в шкафу в кабинете биологии. Маленькие, незаметные гвоздики держали мои перепончатые ноги на зеленой деревянной подставке, и сбоку висела металлическая бирка с номером. Она и сейчас при мне.

Учительница выставила меня на всеобщее обозрение, и все были довольны. Чем плохо: я гляжу на всех и все — на меня. После звонка, словно бурная волна врывается в дверь кабинета, ребята пришли на урок. И так же быстро убегает волна, чтоб уступить место новой... А я любуюсь свысока, и школьники тыкают в меня пальцами. Год прошел, другой — они все не могут привыкнуть, все тянутся руками к моим крыльям и хвосту, а иной раз возьмут и дернут, пока биологичка не заметила. Это неприятно.

Совсем уж худое событие произошло месяц назад. Ничто не предвещало беду. Я как раз загляделась на солнышко в окне, вспомнила молодость, когда в подмосковном пруду плавала, ведя за собой группу желтых писклявых утят... Взгрустнула. Тут и почувствовала, что кто-то снимает меня со шкафа. Гляжу, это ученик седьмого класса. Взъерошенный, словно мой утенок. Чувствую, он дышать боится, потому что знает: меня руками трогать нельзя: Учительница придет, будет ему трепка. И как он вообще в класс проник? Обычно дверь закрывается. Забыли, что ли?

Испачканным пальцем он водит по моим лапам, крыльям, клюву. Смотрит пристально... И вдруг берет и сворачивает мне голову так, чтобы смотрела назад. Перья разлетаются в разные стороны — фьюить! Я — чучело. Мне не больно. Но противно быть с клювом, повернутым к хвосту, и чтобы вата свисала с шеи клочьями. А проказнику понравилось. Он посмотрел на меня с улыбкой и поставил на место. А сам пошел посвистывая. И никто его не словил. Потом звонок прозвенел. Ребята стали собираться на урок. Вдруг кто-то увидел меня. Показал пальцем. Тут уж все посмотрели и захохотали. Кто-то схватился за живот и начал икать. А я стою и гляжу в стену, потому что голова вывернута. Мне-то что? Я — чучело.

Учительница подбежала ко мне, схватила в охапку и скорей унесла в лаборантскую. Пока несла, две крошечные слезинки из ее глаз на меня упали — очень она расстроилась. Вот тогда меня и упрятали в шкаф. На вечное хранение. Поскольку на подставке у меня железная бирка с номером. Я инвентарь, меня так просто не выкинешь, даже со свернутой головой.

Учительница хорошая, но молодая. Она не застала те времена, когда еще не было и в помине этой железяки. Я тогда жила не в классе на шкафу. У меня был свой дом, своя семья.

Я стояла на черном старинном пианино с двумя медными подсвечниками, позеленевшими от времени. Подсвечники крепились на вертикальной крышке, их можно было крутить влево-вправо. Но свечи в них уже никто не ставил. Иногда тряпкой пианино протирали, но я-то со своей высоты видела, как на дне глубокой свечной чашечки годами скапливается и спрессовывается пыль. Добрая, домашняя пыль, до которой не доходили руки. Эта пыль до сих пор прячется под моими крыльями. Ее, родную, из меня, наверное, никогда не выбить.

Когда я попала в этот дом? После того как меня подстрелили в Подмосковье. Лысый маленький человек принес меня в подарок своей семье. Собратья мои лежали на блюде, и девочка-школьница в кухонном переднике все суетливо бегала по комнате с полотенцем и вскрикивала: «Ой! Папа! Как вкусно пахнет!»

А меня поставили на инструмент и быстро обо мне забыли. Все это произошло за год до первого полета человека в космос и за два — до появления второго ребенка в этой семье.

Я знаю все, что произошло. Я слышала все, что передавало радио. Я плохо видела, что показывал маленький черно-белый телевизор, потому что стояла боком к нему. Зато я первая замечала пушинки тополей, которые устраивали танцы перед окном, я наблюдала, как сочиняется морозный узор на стекле, я видела, как пустеет небо после отлета грачей... Черными ночами во дворе напротив добела раскалялся фонарь. Порывы ветра заставляли мертвенный свет трепетать — и все это походило на колдовство.

Когда маленькая девочка подросла, она начала бояться этого фонаря. Я видела, как по ночам, окутанная сопением безмятежно спящих родных, она сидела, втягивая голову в плечи. Пристальным взглядом она неотрывно смотрела на этот фонарь, и спина ее в белой ночнушке дрожала...

В то время жизнь моя приобрела совсем иную цену.

На Новый год, в день рождения и в обычные дни на крашеную мою подставку кто-нибудь из взрослых подбрасывал сюрпризы: большую подарочную конфету, шоколадку, игрушку... Я делала вид, что ничего не понимаю. Что-то сладко замирало в моей ватной груди, когда большой капроновый бант медленно поднимался над крышкой пианино, пока девочка взбиралась на стул. Едва сдерживалась я, чтобы не крякнуть, когда пухлая рука с растопыренными пальцами жадно схватывала подарок. Победный вопль оглашал пространство комнаты, долетая до высокого лепного потолка,— добыча!

— Уточка! Уточка! Ай да уточка! — прыгал по комнате капроновый бант.

Вот так из простого чучела я стала волшебницей.

«Уточка моя, принеси мне, пожалуйста, завтра маленького пупсика в конвертике и одежке»,— слышала я таинственный шепот.

Да я бы тебе весь мир принесла, если б могла!

Но через какое-то время мама девочки с утра пораньше подбрасывала мне на подставку маленькую куклу — и я слышала: «Ура! Ура — волшебная утка!»

Не знаю, волшебная я или нет. Под старость трудно стало отличать, что было правдой в то время, что обманом. Честно говоря, мне все-таки кажется, что кое-что и мне удавалось. Мы вместе с моей любимицей сочиняли, как вылетаю я, пока все спят, из форточки и машу крыльями над Садовым кольцом, над крышами больших притихших зданий, пока не появится «Детский мир». Там на ступеньках в поздний час встречают уток со всей Москвы колдуны и выполняют все, что нужно. Правда ли это? Не знаю. Не скажу, что целиком выдумка!

Но годы прошли. Маленькая девочка стала старше. Однажды в комнате, где жили мы все, начались сборы. Посуда, книги, вещи — все разместилось в ящиках и тюках. Все это называлось — переезд на новую квартиру. Оставался фонарь и тополя, оставались потолок и стены, и старые чудеса оставались. Поэтому меня решили не упаковывать для отправки, а подарить школе, которая тоже оставалась. Вот тогда и появилась на моей подставке металлическая бирка с номером, и я из волшебной утки превратилась в инвентарь. А потом и школа приступила к упаковке вещей. Нас перевели в новый район. Сюда, где теперь я живу в темном шкафу. Любимица моя больше меня не навещала. А с тех пор как мне свернули голову, я совершенно оторвалась от мира. Не знаю, способна ли я к волшебству, но те годы, когда я была волшебной уткой, вспоминаются мне теперь, как лучшие в моей жизни...

И я надеюсь: может, меня починят?..

Рисунки Е. УСКОВОЙ.

Марина БОРОДИЦКАЯ

* * *

Заземлите меня, заземлите, я больше не буду!
Ну, смеялась над физикой — так не со зла ж, не назло!
Я не верила, что электричество водится всюду,
Чуть притронулась — и затрещало, и всю затрясло.

Кареглазый учитель, явись из глубин лаборантской,
Что-нибудь отключи, расконтачь, эту дрожь пресеки!
Никогда я поступок свой не повторю хулиганский:
Не дотронусь до юной твоей долгопалой руки.

Заземлите меня! Если надо, землей закидайте:
Я читала, ударенных громом так можно спасти!
Ну, хотя бы учебник, учебник по физике дайте —
Там уж, верно, укажут, куда мне заряд свой нести...

Учительский сон

Мне как-то снилось: я иду большая,
Как старшеклассник в стайке первачков,
Ладонями небрежно пригашая
Блеск чьих-то лысин и седых пучков.

Я перешагиваю мостовые,
Маячу в небе, как громоотвод,
И тычутся автобусы живые
Горячими носами мне в живот...

...Будильник. Транспорт. Снова я зажата,
В лицо мне — спин ворсистая броня.
А милые мои акселераты
Все дальше вверх уходят от меня.

Как я седлаю лошадь

Я сую лошадке тре́нзель,
А лошадка не берет.
Трензель — это вам не крендель,
А совсем наоборот.

Трензель — это железяка,
Это просто удила.
Я сую лошадке сахар —
Сахар, умница, взяла!

Я сую лошадке трензель,
Нажимаю на губу...
У нее, как будто вензель,
Метка белая на лбу.

Я топчусь, лошадка рада:
Не берет — и все дела.
Молодец! Так мне и надо!
Я б давно уже взяла.

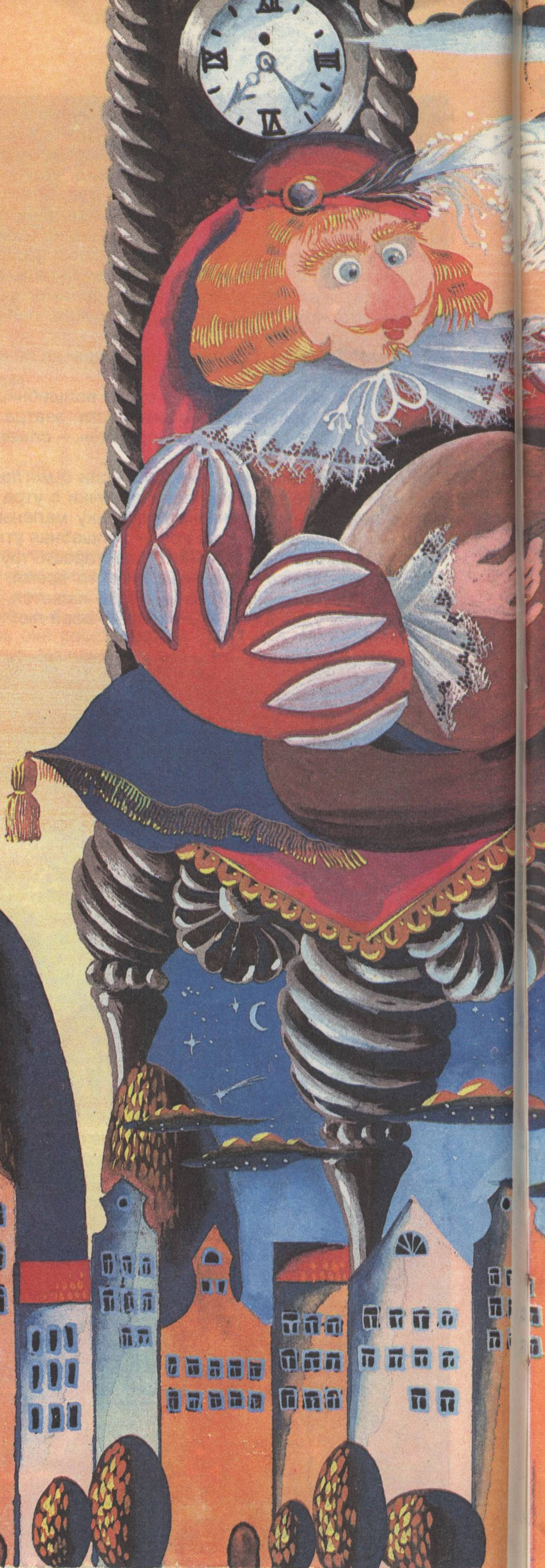

Рисунок Е. УСКОВОЙ

Перевод с английского

**Шпагу мне! Я сегодня играю влюбленного лорда,
Он прощается с милой, поскольку идет на войну.
Он ей пишет стихами: не плачь, мол, решился я твердо.
И других не люби, а вернусь — я бока им намну!**

**Впрочем, что я! Отставить! Он пишет: «Прощай, дорогая,
Слез жемчужных не трать — лучше бусы из них нанижи,
Но верни мое сердце, чтоб радостно шел на врага я,
И, как ладанку, в бой мне сердечко свое одолжи...»**

**Так он весело, лихо, красиво бумагу марает!
Этот странный, старинный костюм я примерить должна:
Мне к лицу и трико, и колет, а жабо натирает,
Мне идет этот слог и размер, только рифма тесна...**

**Ну же! — лихо, легко и отвесно, как в воду вонзиться,
И свободней, свободнее, с радостью в каждом персте —
И уже не лицо мое — облик иной отразится
В этом дьявольском зеркале, в белом бумажном листе!**

**Мертвый лорд подбирает на лютне мотивчик веселый,
Триста лет его нет, а гляди, все такой же шальной.
...Ах, однажды, одетая мальчиком, вскрикнет Виола:
«Это ты, Себастьян? Ты воскрес и вернулся ко мне!»**

Холода

**Не выйдет амнистии нам от зимы,
И солнце о нас позабудет.
Читаю, читаю над всеми дверьми:
«Нет выхода»! Что ж это будет?**

**Я помню, я помню, бредя по пустой,
Просвистанной парковой зоне,
Как лопнула склянка с замерзшей водой,
Оставленная на балконе.**

**...Здесь лыжники спросят, по насту шурша:
«А эта фигура откуда?»
А это — моя голубая душа,
Принявшая форму сосуда.**

Александр ДОРОФЕЕВ

ЩИ

«Щи» — таково было первое слово, произнесенное мной в этой жизни. Наверняка я что-то такое лепетал и прежде. Но именно на «щи» обратила внимание бабушка. «Ребенок сказал осмысленное слово»,— отметила она. Потому-то эти «щи» и вошли в наши семейные предания — вот, мол, мальчик какой оригинал!

Значительно позже я узнал, что у других детей первые слова были куда приличнее. Например, «баба», «диван», «ложка». Да и это не самый высокий полет младенческого разума. У меня была знакомая девушка, которая, не долго думая, выговорила самым первым слово «генерал». Это, видно, так запало ей в душу, что, достигнув зрелого возраста, она и глядеть не хотела на штатских. Конечно, куда уж было мне с моими жалкими «щами».

Первое мое слово выглядело, бесспорно, очень прозаичным и кургузым. По глубокому моему убеждению, внутренне я не соответствовал своему первому слову. И в конце концов пришел к выводу, что бабушка моя расслышала его не полностью, лишь самое окончание. Целиком же мое первое слово звучало вполне ответственно — «товарищи». А может быть, мечтал я, даже — «дорогие товарищи!».

И, честно скажу, сразу жить стало легче. Как-то стремительно наладились связи с окружающим миром. Без особой робости мог я пройтись с девушкой, имевшей «генерала» первым своим словом.

Но длилось это счастье не долго. До тех пор, пока я не начал писать рассказы.

И теперь не могу понять, как это случилось. О славе вроде бы не думал. Когда лет двадцать с лишним назад напечатали первый мой рассказ «Рыба и луна» в журнале «Рыбоводство», я ужасно смутился. Не меньше, пожалуй, чем от первого в жизни слова «щи».

Вновь обнаружилось несоответствие. Внутреннее. На этот раз меня и моего первого рассказа. Прозаичный такой рассказ. Кургузый.

При всем желании его нельзя было посчитать окончанием чего-то большого и прекрасного. Выхода не оставалось — и я решил, что рассказ «Рыба и луна» должен стать началом. Может быть, даже началом какого-нибудь славного творческого пути.

Так несколько отвлеченно я рассуждал.

Рисунок К. ШИПОВА.

Но тем не менее к этому «пути» слегка примеривался. К пути из слов, которые должны были поддержать «Рыбу и луну».

И вот уже тихо и неизвестно куда выходя из молодых писателей, просмотрел я недавно написанные мною слова. Не так уж много их накопилось.

И легко было заметить вычеркнутые редакторами.

Например, в одном рассказе дул у меня ветер «афганец». Есть такой ветер в Средней Азии. Но книжка выходила в 1981 году, и ветры под таким названием в ту пору не дули. «Афганец» дипломатично заменили на «южный ветер».

Странная история произошла и с обычным проводником железнодорожного вагона. Он у меня просто «равнодушно глядел вдоль состава». «Психологическая неточность»,— пояснили мне. «Наши» проводники не могут глядеть равнодушно.

В общем, довольно многих слов я недосчитался, просматривая свои рассказы. Даже слово «щи», к глубокому удивлению, не обнаружил. Если так и дальше пойдет, то вполне может статься, что недосчитаюсь и своего последнего слова.

Александр ТОРОПЦЕВ

Копилка

В спичечном коробке на подоконнике скреблись майские жуки. Они рвались на волю, даже не зная, что ждет их ранним утром.

На кровати у окна сидел мальчик и упрямо смотрел на небо. Оно быстро темнело. На нем зажигались звезды. Они были большие и маленькие.

— Не усну. Обязательно скажу ей, чтобы разбудила в пять часов и чтобы больше не оставалась на вторую смену,— пробурчал он, заваливаясь на бок.

Он бы тут же уснул, не выдержал бы, но вдруг по асфальту застучали мамины шаги: неровные, одинокие.

«Уф, так и знал!» — сжал он зубы и, сбросив сандалеты, свернулся тугим калачиком на байковом одеяле.

Она вошла в комнату — довольная мама с сумкой в руке.

«А то я ее пьяные шаги не узнаю! — возгордился своим чутьем сын, но глаза не открыл.— С пьяной не буду разговаривать. Ну ее. Только кричать зря. Не маленький теперь».

— Спишь, сынок? — виновато спросила мама, но тут же, сменив тон, запричитала.— А я печенку купила твою любимую. Поджарить? Ну тогда завтра потушу ее с картошкой. А сейчас пойду компот поставлю.

Сын решил «проснуться», и нервно ворочаясь, сонно пробормотал:

— Разбуди меня в пять. Окунь клюет отлично. На майского жука. Только точно разбуди. Ребятам обещал.

— Разбужу-разбужу,— вздохнула мама.

Не зная, что еще пообещать сыну, она посмотрела на его серо-зеленые пятки и взмахнула вялыми руками:

— Что же ты ноги не моешь?! Полное ведро воды на кухне, а ты...

Он повернулся к ней лицом и нетерпеливым вздохом перебил ее голос. Она ушла на кухню. Он открыл глаза. Как будто и не было никого — только противный запах в носу.

Мама вернулась с тарелкой супа, поставила ее на стол, но не села.

— Вспомнила! Сейчас, сынок! — улыбнулась она и вышла.

«Лимонад, что ли, купила?» — подумал он.

— Вот, смотри! — затараторила мама, копаясь в сумке.— Премию нам дали. Только мелочь одна. В магазине всучили. Но ничего — деньги они и есть деньги. Вот, на!

Из-под ресниц он хорошо видел, как рылась в сумке мама, как доставала оттуда монеты и складывала их в кучку рядом с горбушкой черного хлеба и тарелкой супа.

— Купи себе печенья или чего захочешь. Ребятам только много не давай. А то как налетят. Тебе же и не достанется.

Собрав монеты в аккуратную желтую горочку, она внимательно посмотрела на нее и сказала:

— Тут же рублей на семь. А то и больше.

«Не нужны они мне! — крепче сжал зубы мальчик.— Знаю я! Опять ты...»

Но он молчал, надеясь на спасительное утро, когда она, трезвая, разбудит его.

«Тогда и скажу ей все!»

— Да больше, какое там!

Счастливая мама села на стол. Громкое ее чавканье, упрямо-пьяная спина и лампочка над головой мешали сыну уснуть. От обиды и злости он чуть не заговорил с ней.

— Ма, я это...

— Разбужу-разбужу! — заверила она его нежно и вышла на кухню.

Сын поднял голову.

— У, жаба! — выдавил он, глядя на желтую кучку монет.

— Может, супу налить? — неожиданно быстро вернулась мама.

— Не надо мне ничего. Спать хочу.

— Да ты хоть разденься.

— Сам знаю.

На табурет полетели брюки, тенниска.

Мама выключила свет, шагнула к дивану.

«А что я такого сделала? — подумала она.— Я же не украла — сами дают. Что тут такого? Зато с Варькой рассчиталась. А то она и пиво в долг не даст... Ой, пойду компот посмотрю».

Сын уже крепко спал, укутанный заботами, тревогами и байковым одеялом. Снились ему желтая лягушка, звонко вышагивающая по столу, майские жуки, мама и черное небо, по которому плавали белые окуни. Под утро, когда сон стал крепче, когда угомонились (не дергались больше) его грязные ноги, увидел он во сне себя самого. В милиции. Там его выслушали, взяли деньги и сказали, что он правильно сделал, что они обязательно поговорят с мамой, и она больше не будет побираться по вагонам... Что было дальше, досмотреть ему не удалось.

— Славка, хватит дрыхнуть! — кричали ребята за окном.— Проспали из-за тебя!

Он проснулся. Мамы нет. На табурете чистые брюки, на диване сверток из бумаги — его завтрак, на столе записка крупными буквами и груда медяков.

— Славка, ты можешь побыстрее!

— Иду-иду!

Есть было некогда. Он дернул из тетрадки двойной лист, сгреб в него мелочь и подумал: «Ну ее, эту милицию. В уборку выброшу, как весной четвертинку ее проклятую, потом сам с ней поговорю».

С бумажным свертком и удочкой выбежал он на улицу, посмотрел на туалет, который зеленел прошлогодней краской в центре поселка:

— Славка, морда! Ты в овраге не можешь?! Место потеряем у водокачки. Побежали!

«Все равно выброшу, сказал! А идти никуда не пойду. И говорить никому не буду. Они только смеяться будут и расстраивать ее. А она из-за этого пить будет больше. Лучше сам»,— думал он, прижимая к груди сверток и стараясь не отстать от друзей.

Но у магазина он вдруг резко замедлил шаг, остановился, спешно додумывая думы.

— Я сейчас, быстро,— сказал он и, прислонив удочку к стене, потянул на себя высокую дверь продмага.

Очереди не было, лишь две старушки судачили у селедочной витрины. Хмурый, с опаской подошел он к большой тете, возвышавшейся над голубыми весами, и, пряча глаза, тихо сказал:

— Мне печенья. На все. Вот.

На прилавок звонко вывалилась мелочь.

— Ой, да где ж ты ее столько набрал?! — спросила продавщица, пересчитывая громкую медь.

— Копилку грохнул! — ответил покупатель и, радуясь своей сообразительности, напомнил: — Только на все!

Через три минуты из магазина вышел огромный куль со Славкиными ногами.

— Бери, робя, вкусное! — сказал куль человеческим голосом, и бойкие руки скрестились над ним.

— Славка, ну ты дал! Откуда деньги?

— А, чепуха! Копилку грохнул.

— Ого!!

Печенье было вкусное! Оно быстро таяло во рту и еще быстрее в кульке, и вскоре он опустел. Славка скомкал его, бросил под ноги и ударил — чуть сандалет не потерял вместе с ним!

— Ура, копилка! — крикнул кто-то, и мальчишки побежали ловить окуней.

А в спичечном коробке на подоконнике мирно спали майские жуки.

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Рисунок Я. ПЕТРАШОВОЙ.

Олег КУРГУЗОВ

Спасатели

Наступил самый волнующий эпизод нашего классного похода — ночевка. Мы ведь должны были все вместе всю ночь в лесу проспать. Это вам не то что дома и каждый в своей кровати по отдельности. В лесу это — о-го-го!

Надо было палатки ставить, и пошли мы колья искать.

А в лесу — муравейник.

Вася Рыжий и говорит:

— Давайте наберем муравьев в целлофановый пакет и к девчонкам в палатку запустим! А потом будем спасать их...

Кому не хочется быть спасателем? Ну, и нам захотелось. Стали мы муравьев в пакет ловить.

Тут Ворона говорит нам:

— Черные муравьи — это мелочь. Они, как зайцы, разбегаются. Я здесь рядом видел рыжих. Крупные и злые как собаки!

— Может, не надо рыжих? — говорю я.— Они ведь и кусаются как собаки.

Тут все заспорили и потом решили, что рыжие все-таки лучше. Девчонкам приятней будет, если мы их от рыжих муравьев спасем.

Насажали мы в пакет рыжих. А они шуршат, челюстями туда-сюда двигают. Жуть!

Потом поставили девчонкам палатку и потихоньку муравьев туда повыпускали. Только девчонки в палатку заселились, как визг начался.

— Ой! Ай! Ой-ей-ей!

Трусихи. Что с них возьмешь. Лишь бы покричать. А мы молча в своей палатке сидим и ждем, когда они нас позовут в спасатели. Позвал нас учитель Федор Васильевич.

— Мужики! — говорит.— Спасайте девчонок! У них палатка, наверно, на муравейнике стоит. Закусали муравьи. Вы уступите им свою, а их палатку на другое место переставьте.

Свою-то палатку мы им, конечно, уступили. Но их палатку переставлять не стали. Чего ее переставлять, если муравьи внутри?!

— Они нас не тронут,— говорит Ворона.— Мы их еще возле муравейника запугали, когда ловили.

Но муравьи оказались не из пугливых.

— Ой! — вскрикнул толстый Сидоров, который первым улегся на свое место.

Потом вскрикнул Ворона. А уж потом мы все вместе стали вскрикивать и дергаться.

— Я говорил: надо было черных брать,— вспомнил я.— Они кусаются меньше.

— Да,— согласился Вася Рыжий.— Хоть я и рыжий, а черных муравьев больше люблю.

Тут толстый Сидоров идею высказал:

— Надо муравьев обмануть. У кого мозгов больше: у нас или у них? У них башка, как точка, а у нас вон какие чердаки!

Конечно, мы с ним согласились. Чердаки у нас о-го-го! Только муравьи тоже хитрые.

— А давайте мы выйдем из палатки и ляжем снаружи,— предлагает Ворона.— Муравьи за нами и выбегут.

Устроились мы сбоку палатки. И на небо смотрим. А там уже луна и звезды поблескивают. Мы звездами залюбовались и сразу про костер вспомнили. В нем угольки также мерцают. И главное, тепло от угольков идет. Не то что от звезд.

— Не жарко,— ворчит толстый Сидоров.— И трава от росы уже сырая.

Ему никто не ответил. Потому что если уж толстому Сидорову не жарко, то остальным и подавно. У меня даже дрожь началась, и зубы друг на друга запрыгали. Чтобы никто зубного стука не услышал, я стал песенку напевать.

— Та-ра-ра-ра...

А Ворона говорит:

— Все ясно насчет муравьев.

— Что ясно? — спрашиваю я с надеждой и даже дрожать перестаю.

— Муравьи не выйдут из палатки,— говорит Ворона.

— Почему? Откуда ты взял? — загалдели мы.

— Что они, дураки, на холод выходить?

Наверное, Ворона был прав. И нам всем сделалось очень грустно.

Но тут появились девчонки.

— Мы вас спасать пришли,— говорят они.— Пойдемте к нам, а то замерзнете совсем.

Конечно, мы не стали ломаться. Пришли к ним. Они нас еще и горячим чаем из термоса угостили. Нам так хорошо стало. Прямо здорово! Правда, лучше было бы, если бы мы их спасли, как сначала задумали. Но и так тоже хорошо. Ведь если они нас спасли, значит, мы им тоже нужны?..

Тут, Здесь, Откуда Ни Возьмись

Стояла жуткая жара. Тут и Здесь купались в озере. Они резвились вовсю.

Тут нырял и выныривал то там, то здесь. И Здесь не отставал от него. Нырял и выныривал то там, то тут. Здесь, тут, там, тут, здесь, там, здесь, там, тут...

Скоро они совсем запутались и не могли разобраться, кто из них Тут, а кто Здесь. Они вытаращили глаза друг на друга и перестали работать руками и ногами. Они начали тонуть.

«Кто из нас тонет: Тут или Здесь?» — пытались сообразить и тот и другой.

В это время на берегу появился Откуда Ни Возьмись. Он сразу почувствовал что-то неладное.

— Эй! — крикнул он.— Тут вылезает на берег здесь! — показал он направо.— Здесь вылезает на берег тут! — показал он налево.

Тут и Здесь сразу разобрались, кто есть кто, и благополучно выбрались на берег.

Так Откуда Ни Возьмись спас своих приятелей.

В ожидании верблюда

Мы играем в футбол в нашем дворе. Мяч летает из угла в угол. У нас во дворе полным-полно углов.

— Им есть где разгуляться! — говорят наши родители.

И мы разгуливаемся вовсю. Дым коромыслом!

А после дождя в футбол играть совсем негде. Посреди двора — большая лужа.

Но вот приходит верблюд и медленно выпивает всю лужу. А потом уходит восвояси.

— Ура! — кричим мы.— Да здравствуют верблюды!

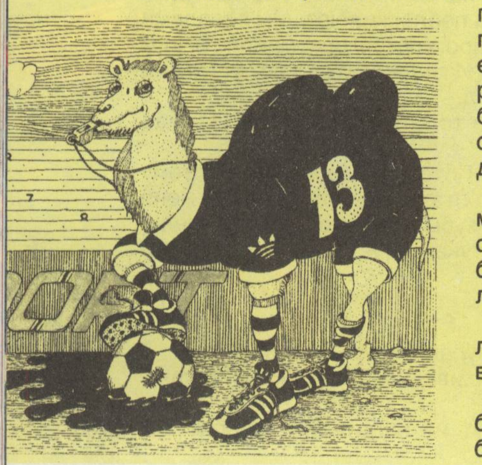
Мы снова играем в футбол. Целое утро, целый день и целый вечер. Потом снова льет дождь, и лужа полным-полна. Мы долго ждем верблюда. Но его нет. А в школе нам рассказывают, что верблюд — корабль пустыни и запасается водой на много дней.

Из-за этого верблюда мы теперь долго не сможем играть в футбол. От скуки мы валяем дурака.

— Им негде разгуляться,— с грустью говорят наши родители.

Они тоже ждут верблюда. Мы ждем верблюда все вместе.

Рисунок М. КАЗАКА.

Про царевну лягушку*

Андрей МАКСИМОВ

Жила-была лягушка и всем своим братьям и сестрам твердила, что она не просто лягушка, а царевна. Разумеется, ей никто не верил. Даже насмехались над ней, говорили всякие обидные слова: мол, видели мы таких царевен, мол, ха-ха-ха, мол, существо твое зеленое!

Тогда наша лягушка расстроилась очень сильно и ушла на дальнее болото, ждать терпеливо, пока прилетит стрела, пущенная царевичем. Она ждала, ждала, ждала...

Ничего не дождалась и умерла обычной лягушкой.

Но не потому, что на самом деле не была царевной,— как раз была! — а просто потому, что никто в целом свете не догадался вовремя выпустить стрелу в нужном направлении.

Да и то сказать: кто ж нынче стреляет из лука?

* Все три вещицы взяты из цикла «Сказки твоего дома».

Боль и Жалость

Боль и Жалость шли по Большой дороге. Одним концом дорога упиралась в горизонт и другим концом упиралась в горизонт. Так что можно сказать, не было у нее ни конца, ни начала.

— Мне плохо,— говорила Боль.— Мне до того плохо, что кажется: никогда не было хорошо. Пожалела бы меня, что ли...

И Жалость жалела Боль. Очень жалостливо.

— Спасибо тебе,— приговаривала Боль.— Но мне все равно так плохо, что кажется: никогда уже не будет хорошо.

И Жалость старалась. Она очень старалась жалеть лучше. И чем больше старалась, тем хуже становилось ей самой. Тем больнее.

— Мне как будто лучше,— впервые в жизни улыбнулась Боль.— Ты не знаешь, почему мне стало лучше? А ты чего сама-то такая невеселая?

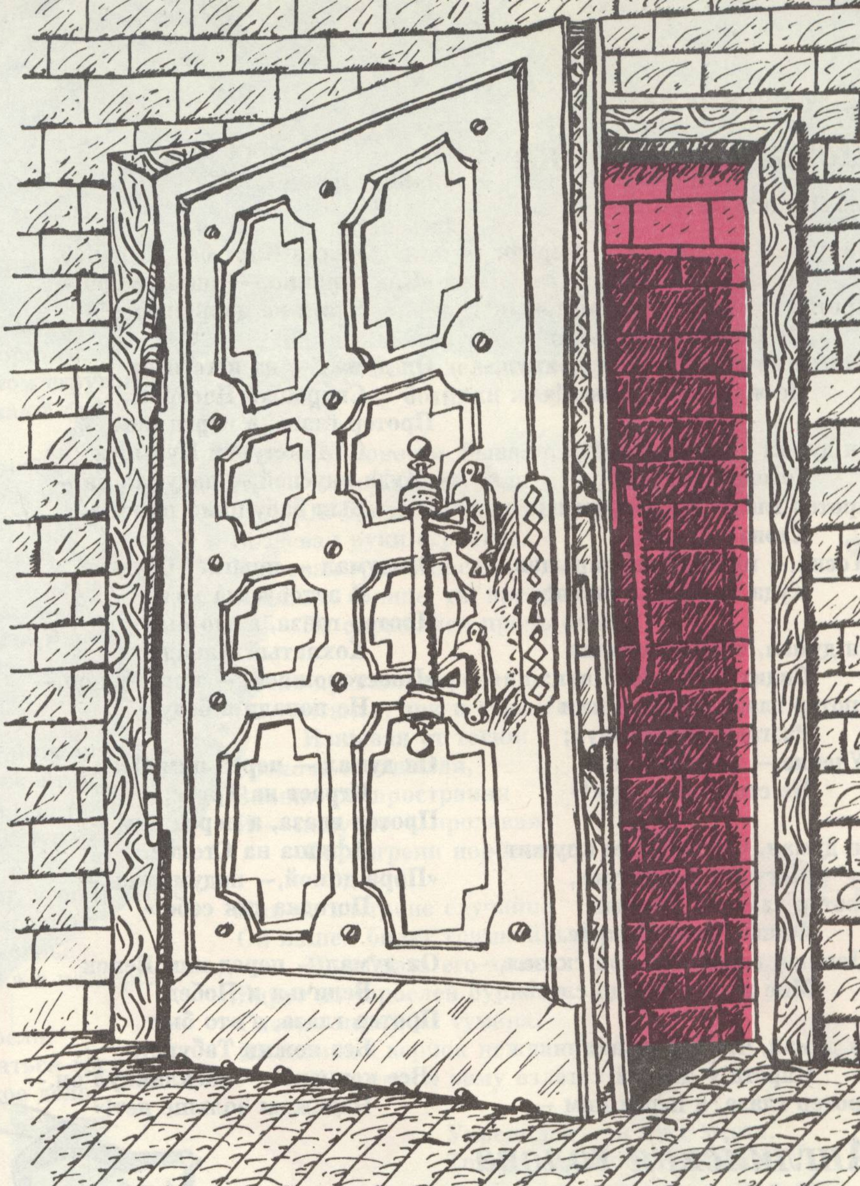
— Мне больно,— ответила Жалость.— Жалела я тебя, жалела, и мне самой стало больно.

— Жаль тебя,— вздохнула Боль.

— Больно мне,— вздохнула Жалость.

Так и идут они по Большой дороге: Боль и Жалость, Жалость и Боль.

Одним концом дорога упирается в горизонт. И другим концом упирается в горизонт. Так что можно сказать, нет у нее ни конца, ни начала.

Про глупую Дверь

Однажды одной Двери надоела ее жизнь.

«Ну что такое в самом деле? — думала Дверь и нервно скрипела.— Работа вредная: все время на сквозняке. Каждый, кому не лень, ногой бьет, уже вся в ссадинах, каждая доска ноет. К тому же никакого творчества! Откройся — закройся, вот тебе и все. И вообще...»

Дверь точно не знала, что именно «и вообще», но так всегда бывает: стоит начать жаловаться самому себе на жизнь — на ум приходит масса всяких мыслей, но всегда остается ощущение, что не пришло еще больше.

«И ведь самое обидное,— нервно скрипнула Дверь,— что, в сущности, никто не обращает на меня никакого внимания. Привыкли: туда-сюда, и все. Они, наверное, думают, что каждый так может — на сквозняке, без творчества, в ссадинах... Ладно-ладно, я заставлю их обратить внимание на себя».

Как известно, чтобы обратить внимание на себя, надо сделать то, чего от тебя никто не ждет. И Дверь закрылась. Плотно. Крепко. Навсегда.

Сначала все удивились. Стали стучать. Колотить. Потом просить. Все без толку. Что оставалось делать? Пришлось рядом со старой Дверью прорубить новую.

А старую забыли. За ненадобностью. И она превратилась просто в часть стены.

По ночам старая Дверь, теперь уже бывшая, вздыхала и говорила новой:

— Не хочешь дать дуба и стать просто частью стены — работай, пока дают. И не жалуйся!

Рисунки А. БАЛДИНА.

Григорий КРУЖКОВ

Песня садовника

(Из Льюиса Кэрролла)

Он думал — перед ним Жираф,
Играющий в лото;
Протер глаза, а перед ним —
На Вешалке Пальто.
«Нигде на свете,— он вздохнул,—
Не ждет меня никто!»

Он думал — на сковороде
Готовая Треска;
Протер глаза, а перед ним
Еловая Доска.
«Тоска,— шепнул он, зарыдав,—
Куда ни глянь, тоска!»

Он думал, что на потолке
Сидит Большой Паук;
Протер глаза, а перед ним —
Разгадка Всех Наук;
«Учение,— подумал он,—
Не стоит этих мук!»

Он думал, что над ним кружит
Могучий Альбатрос,
Протер глаза, а это был
Финансовый Вопрос.
«Поклюй горошку,— он сказал,—
Мне жаль тебя до слез!»

Он думал, что его ждала
Карета у Дверей;
Протер глаза, а перед ним —
Шесть Карт без Козырей.
«Как странно,— удивился он,—
Что я не царь зверей!»

Он думал — на него идет
Свирепый Носорог;
Протер глаза, а перед ним —
С Микстурой Пузырек.
«Куда вкусней,— подумал он,—
Был бабушкин пирог!»

Он думал — прыгает Студент
В автобус на ходу;
Протер глаза, а это был
Хохлатый Какаду.
«Поосторожней! — крикнул он.—
Не попади в беду!»

Он думал — перед ним Осел
Играет на Трубе;
Протер глаза, а перед ним —
Афиша на Столбе.
«Пора домой,— подумал он,—
Погодка так себе!»

Он думал — перед ним Венок
Величья и Побед;
Протер глаза, а это был
Без ножки Табурет.
«Все кончено! — воскликнул он.—
Надежды больше нет!»

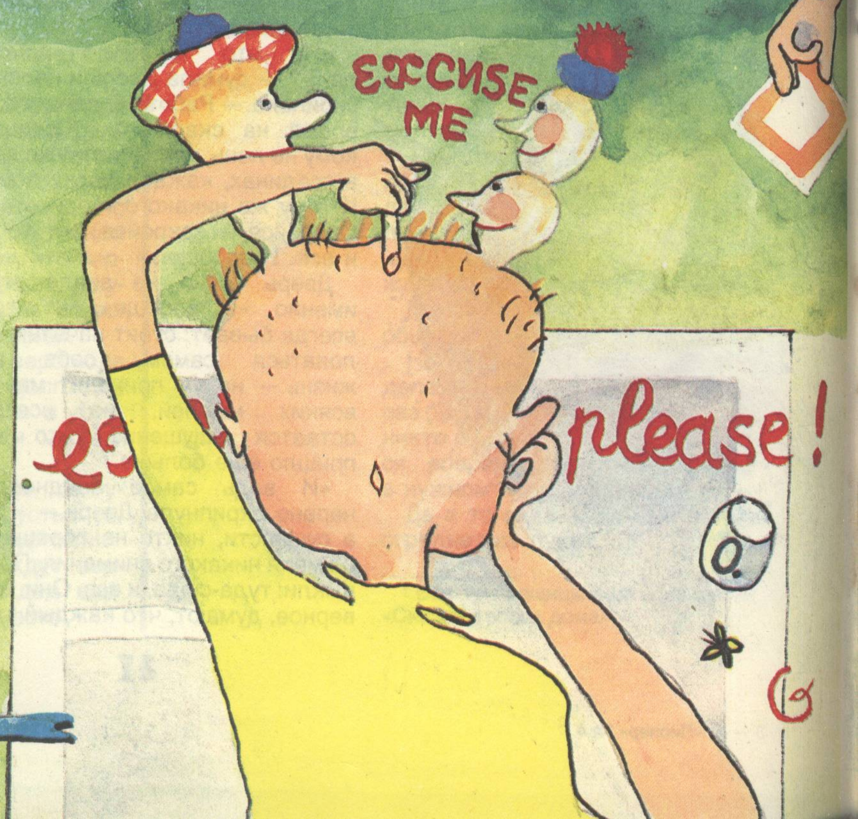
Английская голова

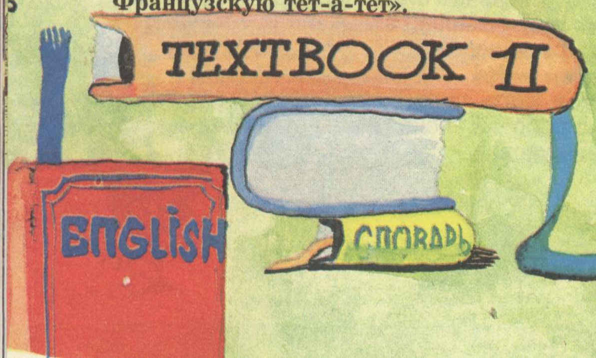
Коля учил
Английский язык
И запоминал слова,
Когда у него вдруг из головы
Выросла голова.

Коля подумал:
Вот так сюрприз!
Потрогал ее рукой.
А вслух сказал: «Икскьюз ми плиз,
Но кто вы, дядя, такой?»

И она в ответ:
«Айм э бритиш хэд,
Английская голова,
Я буду за вас отвечать урок
И повторять слова.

А если когда
Вам придет нужда
Учить французский предмет,
Я выращу вам из английской башки
Французскую тет-а-тет».

Тишина

На корявых на воротах
Буквы крупные видны:
«ПРОИЗВОДЯТСЯ РАБОТЫ
ПО УСТРОЙСТВУ ТИШИНЫ».

То и дело подъезжают
Самосвалы к воротáм,
Что-то с грохотом сгружают,
Что-то разгружают там.

Над забором двухсаженным
Вспышки света, свист и крик:
То ли режут автогеном,
То ли сваривают встык.

Что-то там куют, наверно,
В бубен бьют или в набат,
Выражаются прескверно,
Плачут, «караул» кричат.

Даже ночью — нету мочи! —
Врубят все прожектора —
И как с утречка до ночи,
Так и с ночи до утра —

Гром и скрежет, стон и пенье,
И аврал, и фейерверк...
Будет ли успокоенье
После дождичка в четверг?

Надоело? Надоело!
Только жаловаться грех:
Тишина — такое дело,
Очень нужное для всех.

Дядя А́рли

(Из Эдварда Лира)

Помню, помню дядю А́рли
С голубым сачком из марли,
Образ долговяз и худ,
На носу Сверчок зеленый,
Взгляд печально-отрешенный —
Словно знак определенный,
Что ему ботинки жмут.

С пылкой юности, бывало,
По холмам Тинискурала
Он бродил в закатный час,
Воздевая руки страстно,
Распевая громогласно:
«Солнце, солнце, ты прекрасно!
Не скрывайся прочь от нас!»

Точно древний персианин,
Он скитался, дик и странен,
Изнывая от тоски:
Грохоча и завывая,
Знания распространяя
И — попутно — продавая
От мигрени порошки.

Как-то на тропе случайно
Он нашел билет трамвайный,
Подобрать его хотел;
Вдруг из зарослей бурьяна,
Словно месяц из тумана,
Выскочил Сверчок нежданно
И на нос к нему взлетел!

Укрепился — и ни с места,
Только свиристит с насеста
Днем и ночью: я, мол, тут!
Песенке Сверчка внимая,
Дядя шел, не уставая,
Даже как бы забывая,
Что ему ботинки жмут.

И дошел он в самом деле
До вершины Борли-Мелли,
Там, под дубом вековым,
Он скончал свой подвиг тайный:
И его билет трамвайный
И Сверчок необычайный
Только там расстались с ним.

Там он умер, дядя А́рли,
С голубым сачком из марли,
Где обрыв над бездной крут;
Там его и закопали
И на камне написали,
Что ему ботинки жали.
Но теперь уже не жмут.

РАССКАЗЫ ПЯТЕРЫХ

Сергей СЕДОВ

Николай ЛАММ

Марина МОСКВИНА

Лев ЯКОВЛЕВ

Владимир ДРУК

Вышла, братцы, незадача. Ведь какая была сначала идея? Каждый из нас, из пятерых, пишет рассказ про нас, но как будто мы — не мы сейчас, а мы в детстве. И у нас у пятерых — компания. И получится из пяти историй одна повесть, но как бы с пяти сторон, с пяти точек зрения на пять разных историй. И писать эту повесть мы будем, не советуясь друг с другом, кто во что горазд.

И только одного мы не учли — что вместо пяти рассказов мы напишем пять повестей. Некоторые совсем небольшие, но все равно с мощными финалами и жирными точками. Так что эти рассказы-повести не продолжают друг друга, а спорят, дразнятся, ехидничают, намекают и тому подобное. И получилась вместо одной повести одна литературная игра. Но что-то в этом есть. Не знаем, как вам, а нам интересно было посмотреть на себя со стороны, то есть с пяти сторон. И сравнить ощущения. И сделать кое-какие выводы по поводу единства формы и содержания. И если эти выводы не слишком лестные, мы сами это заслужили и так нам и надо.

ЧАСТЬ

1

Похищение Маринки, или Четверо идут по следу

Эту безумную детективную историю рассказывает Николай ЛАММ

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

ГЛАВА I.
ТАНЦУЙ И ПОЙ!

Это произошло после дождичка в четверг. В нашем дворе появились три загадочные личности.

Вернее, сначала там появились пять совершенно незагадочных личностей. Это были мы. Потому что мы всегда появляемся во дворе после дождичка.

Первой выскочила на улицу Маринка. Она стала одновременно прыгать, размахивать складным японским зонтиком, разглядывать свое отражение в луже и строить рожи.

За Маринкой прискакал на одной ноге Серега по кличке Седой. Посмотрел в лужу, на Маринку, громко засмеялся и начал хлопать себя по коленкам.

Потом пришел Лева и тоже попытался корчить рожи. Но у него ничего не получалось. Леве мешала увидеть себя в луже огромная парусиновая сумка, которую он обеими руками прижимал к животу. А если бы не прижимал, то запрятанный в нее кот Анри-Барбос IV наверняка давно бы оттуда вырвался.

Четвертым во дворе появился Вован и сразу же потребовал, чтобы все прекратили заниматься ерундой.

— У нас дел по горло, а вы дурака валяете и вовремя собраться не можете,— заявил он.— И почему Колямы нет?

Коляма — это я. Меня действительно еще не было. Но недолго. Минуты три. Потом я прибежал. Теперь мы все были в сборе и могли приниматься за дела. А дел у нас в тот четверг поднакопилось немало.

Перво-наперво мы должны были выяснить, права ли Маринка, утверждая, что складной японский зонтик ее бабушки можно запросто использовать как самый настоящий парашют. Затем забраться на чердак и разузнать, водятся ли там привидения. А если водятся, то нельзя ли их оттуда выселить, самим нарядившись в привидения, и таким образом обосноваться на этом чердаке. Также мы хотели проверить, поддаются ли дрессировке коты при помощи валерьянки. Причем не какие-то там посторонние коты, а непосредственно знакомый нам кот Анри-Барбос IV. А еще Вован обещал научить нас работать с часами его папы. Эти часы могли становиться счетной машинкой, телефонной книжкой, будильником и секундомером. В общем, Вован был прав: валять дурака у нас времени не оставалось.

— Ребя,— сказала Маринка, не переставая прыгать, размахивать зонтиком и строить рожи.— Ребя,— повторила она. Ее так и распирало, глаза горели. Маринка у нас красавица.— Ребя,— сказала Маринка в третий раз.— Ребя, давайте я вам спою.

— Правильно, Маринка, спой! — заорал Седой.— Ты спой, а я станцую.

Если честно, нам очень нравится Маринка. И очень нравится, когда она поет. Потому что Маринка поет здорово. С выражением, громко и все песни до конца знает. Но при этом нам не очень нравится, когда Седой танцует. По правде сказать, даже совсем не нравится. Не очень он хорошо танцует, наш Седой. Просто совсем танцевать не умеет.

Но Вован сказал:

— Ладно, Маринка, пой.

И Вован сказал правильно. Потому что когда слушаешь Маринкину песню, можно ведь и не смотреть на Седого. Можно вообще закрыть глаза. С закрытыми глазами даже лучше песню почувствуешь.

И Маринка запела:

За окошком дождичек — тень-тень-тень.
За окошком курочка — ко-ко-ко.
Даже абсолютную дребедень
Сочинять, товарищи, нелегко.

— Ко-ко-ко, ко-ко-ко,— грянули мы в четыре глотки вслед за Маринкой. Хорошо, когда у вас есть подружка, которая так замечательно поет!

Топают солдатики — ать-два-ать,
Дует мальчик в дудочку — ду-ду-ду,—

продолжала во все горло, во всю силу своего большого сердца Маринка. И тут мы заметили, что она поет с закрытыми глазами. Видно, и ей не нравилось, как Седой танцует под ее песню. Тогда мы тоже закрыли глаза и стали подпевать Маринке с закрытыми глазами. И открыли их, когда песня закончилась.

И вот когда мы их открыли, мы и увидели перед собой три загадочные личности.

ГЛАВА II.

ТРИО СОПЕРНИКОВ КИО

Прямо перед нами стоял высокий толстый дяденька в черных очках на носу и с сережками в ушах. Волосы его были сзади стянуты резинкой и свисали наподобие конского хвоста. Из-под полосатого теплого халата, перепоясанного цветастым платком, виднелись вареные джинсы и длиннющие лакированные ботинки с кисточками. Огромная борода полностью скрывала то место, откуда обычно выглядывает рубаха.

По бокам от него стояли два других дяденьки — поуже в плечах, ростом поменьше и одеты поплоше. На правом были кирзовые сапоги, шорты, солдатская гимнастерка под офицерской портупеей и бескозырка с ленточкой крейсера «Аврора». А на левом — детская панамка, повязка на глазу, телогрейка, застегнутая на все пуговицы, ватные штаны и драные шлепанцы на босу ногу.

Лица толстого мы разглядеть не могли. Казалось, его борода растет прямо из-под бровей. А двое других были похожи на близнецов, похожих, в свою очередь, на артиста, который все время в наших фильмах хулиганов и разбойников играет.

В общем, на первый взгляд ничего загадочного в этой троице не было. Зато на второй взгляд кое-что загадочное можно было бы и заметить. Даже не загадочное, а подозрительное. Но мы не заметили. И очень скоро за это поплатились.

— Как ты хорошо поешь, девочка,— сказал высокий и толстый довольно-таки писклявым голосом.— Хочешь конфетку?

— Не хочу,— гордо мотнула головой Маринка.— Я хочу две конфеты. И лучше шоколадных.

— Какая умная девочка! — улыбнулся толстяк, двое других радостно закивали.— Тогда я тебе дам три конфеты. Вот, «Мишка на Севере». Бери, бери, девочка, заслужила. А вы, стало быть, друзья этой во всех отношениях замечательной девочки?

Вопрос явно был обращен к нам. И мы расправили свои не очень широкие плечи, сердца наши переполнились гордостью, потому что все мы — все четверо — могли смело и без зазрения совести сказать: да, мы ее друзья. И мы дружно ответили:

— Да, мы ее друзья!

— Какая же у вас тут отличная компания собралась. Какие вы все тут отличные ребята,— похвалил нас толстяк.

С этими словами мы не могли не согласиться и радостно закивали в ответ. И не обратили внимания, что произнесены они были все тем же писклявым противным голосом и вылетали изо рта, который нам никак не удавалось увидеть.

Хотя, наверное, по-другому и быть не могло. Когда человек говорит слова правды, кто же будет упрекать его за то, что он произносит их не тем голосом и сквозь бороду. А толстяк в данном случае говорил чистейшую правду.

— А не хочет ли столь отличная компания посмотреть самые настоящие фокусы? — продолжал искушать нас писклявый голос.

— А вы что, Кио? — спросила Маринка.

— Нет, я не Кио. Но вы не расстраивайтесь. Перед вами знаменитое трио соперников Кио. Эники-беники, бац,— сказал толстяк и хлопнул в ладоши.

И тотчас оба его дружка повернулись вокруг себя. При этом бескозырка правого совершенно незаметно переместилась на голову левого, а панамка и повязка на глазу, принадлежащие левому, оказались у правого.

Мы разинули рты.

— Итак,— сообщил толстяк,— мы начинаем главную часть нашего представления. Садитесь вот сюда, на лавочки. Не прикасайтесь друг к другу, замрите, выполняйте все мои приказания...

— Стойте, дяденька, подождите! — вдруг закричал Седой.

— Что, мальчик? Ты не хочешь смотреть наше представление?

— Нет, я очень хочу. Только подождите, пожалуйста. Я должен ботинки снять.

— А почему ты не можешь смотреть в ботинках?

— Потому что у меня ботинки особенные. Волшебные, можно сказать. Мне их мама в детстве подарила. Когда я еще совсем маленьким был. С тех пор я их ношу. И они мне ни капельки не жмут. И все потому, что я в них только хожу. А когда сажусь, снимаю. Видите,— Седой показал толстяку подошвы,— совершенно не сносились.

— Да, очень интересные ботинки,— задумчиво протянул руководитель трио соперников Кио.— Ну, если ты их снял, поставь подальше, чтобы они тебе не мешали. Подальше, подальше поставь. А теперь — представление. Слушайте меня внимательно. Закройте глаза, откройте рот, к вам сейчас влезет бегемот...

И мы закрыли глаза и открыли рты... Нам казалось, что пение Маринки продолжается. Что это она, Маринка, своей замечательной песней вызвала в нашем дворе появление трех удивительных фокусников. И вот сейчас произойдет настоящее чудо.

Мы долго так сидели с закрытыми глазами и открытыми ртами. А когда закрыли рты и открыли глаза, то никакого бегемота не увидели. Мало того, мы не увидели также ни загадочной троицы, ни Маринки.

ГЛАВА III.

ПОЧТАЛЬОН ПРИХОДИТ ДВАЖДЫ

— Где же они? — в один голос произнесли Лева, Вован и я.

— Да, где же они? — Седой со слезами на глазах уселся на корточки и начал шарить вокруг лавки и под лавкой.

Полная, страшная тишина была нам ответом. Лишь где-то вдалеке затихало тарахтенье мотоцикла.

— По-моему, Маринку похитили,— сказал Лева.

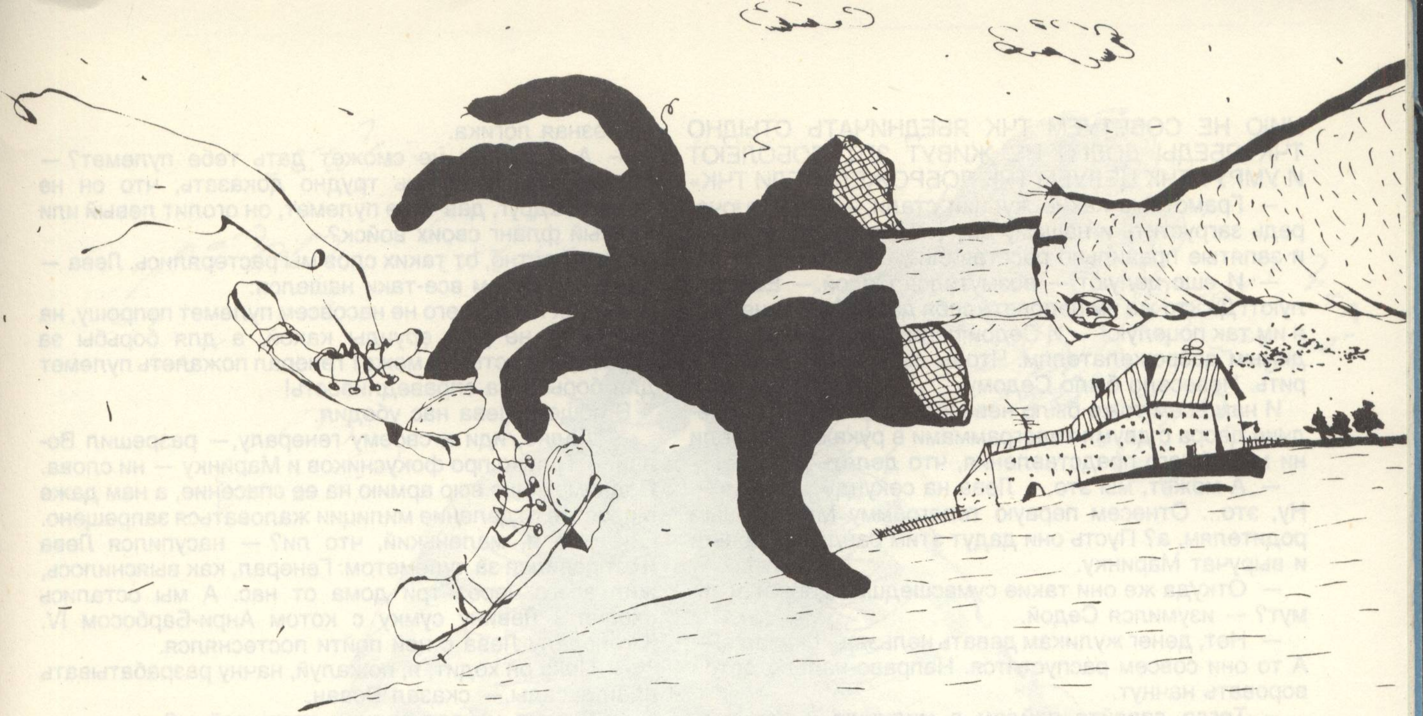
— И мои ботинки — тоже,— всхлипнул Седой.

— Отстань ты со своими ботинками,— одернул Седого я.

— По-моему, нам надо Маринку как-то спасать,— продолжал Лева.

— И мои ботинки.

— Ну что ты лезешь со своими ботинками! — вконец разозлился я.— Сравнил тоже — Маринку и ботинки. Ты вспомни, как Маринка поет.

— И потом, она наш друг,— напомнил Лева.

— И красавица,— добавил я.

— Да может, мне не меньше вашего Маринку жаль. Только ботинки все-таки жальче. Как я без них Маринку искать пойду?

— Ну вот что,— отвлекся от раздумий Вован.— Мы будем искать вместе — и Маринку, и ботинки.

Вован опять был прав. Как мы сами до этого не додумались?!

— У тебя есть план? — поинтересовался Лева.

— Есть. Очень простой. Надо пойти в милицию и все рассказать. Они запишут приметы похитителей и Маринки...

— И моих ботинок,— вставил Седой.

— И ботинок,— согласился Вован.— Разошлют эти сведения по всем отделениям. И похитителей немедленно задержат, ясно?

Ясно, яснее ясного,— обрадовался Седой.— Сообщим в милицию — и готово. Ведь у нас такая милиция... Ведь у нас о-го-го какая милиция! Я недавно по телевизору видел, как они для какой-то тетеньки целых восемь рублей пятьдесят копеек нашли. А уж одну девочку с двумя ботинками разыскать — для них вообще раз плюнуть.

Но до милиции мы не дошли, потому что встретили нашу почтальоншу тетю Аню. Увидев нас, она очень обрадовалась.

— Ой вы сладенькие мои! Вот счастье-то мне, грешной, подвернулось!

Тетя Аня не говорила, а пела. Пела она, конечно, хуже Маринки, но при этом умудрялась не выпускать изо рта папиросу и была очень доброй.

— Уж вы будьте так ласковы! Уж вы помогите мне, старой,— пела тетя Аня,— отнесите эту телеграммочку Мариночкиным родителям. Намаялась я сегодня от этих телеграммочек, просто спасу нету. А у вас ноженьки молодые, быстрые. Только вы уж поспешайте, милые, телеграммочка-то срочная, «молния».

Сунула тетя Аня эту телеграмму Седому в руку и ушла. А мы остались. Как дураки. Стоим, на телеграмму смотрим.

— Не пойду я, пожалуй, к Маринкиным родителям,— сказал Седой. И попытался отдать телеграмму мне. Но я не взял.

— И я тоже не пойду.

Зато телеграмму взял Лева.

— Неправильно это! — закричал он на нас.— Вы что, не понимаете? Телеграммы надо быстро относить по назначению. А вдруг в ней чего-нибудь важное!

— Да,— прищурил глаза Седой,— придешь ты с этой телеграммой, а тебя сразу и спросят: «А где Мариночка?» Посмотрим, как ты выкручиваться будешь!

Лева растерялся:

— Что же делать?

— Надо эту телеграмму сначала прочитать — вот что! — предложил я.

— Чужие письма читать нельзя,— не согласился Лева.

Это письма нельзя, а про телеграммы ничего не сказано.

С этими словами Вован отобрал у Левы телеграмму и вскрыл.

«ЕСЛИ НЕ ПРИНЕСЕТЕ СЕГОДНЯ В ШЕСТЬ ВЕЧЕРА ПОД БОЛЬШОЙ ДУБ ЗАГОРОДОМ 6875 РУБ ТЧК 43 КОП ТЧК ЗПТ ТО НЕ ВИДАТЬ ВАМ ВАШЕЙ МАРИНОЧКИ ЗПТ КАК СВОИХ СОБСТВЕННЫХ УШЕЙ ТЧК ЛЮБЯЩИЕ ВАС ДОБРОЖЕЛАТЕЛИ ТЧК»

Вот что было написано в этой телеграмме. Прочитали мы ее и загрустили. Только Вован не загрустил.

— Очень своевременная телеграмма,— обрадовался он.— Теперь мы отнесем ее в милицию, милиция приедет в шесть вечера к большому дубу Загородом и освободит Маринку...

— И мои ботинки,— добавил Седой.

— Да, и его ботинки,— подтвердил Вован.

Тут мы все очень обрадовались и стали кричать «ура». Все-таки Вован у нас очень сообразительный.

— Эти похитители просто козлы,— веселился Седой.— Приедут они в шесть за своими тысячами, а там уже милиция в засаде с пулеметом. Она их из пулемета — та-та-та-та. И Мариночку нашу с моими ботинками отберет...

— Ой вы, сладенькие мои, я же, дура старая, чуть не забыла.— Перед нами снова откуда ни возьмись выросла тетя Аня.— У меня же и для вас, родненькие мои, телеграммочка имеется. Вот, забирайте.

ГЛАВА IV.

КАКАЯ ЗАСАДА БЕЗ ПУЛЕМЕТА?

«ТЕМ ЗПТ КТО ХОЧЕТ ВИДЕТЬ СВОЮ ПОДРУЖКУ ЦЕЛОЙ И НЕВРЕДИМОЙ ЗПТ ЯБЕДНИЧАТЬ В МИЛИ-

ЦИЮ НЕ СОВЕТУЕМ ТЧК ЯБЕДНИЧАТЬ СТЫДНО ТЧК ЯБЕДЫ ДОЛГО НЕ ЖИВУТ ЗПТ ПОБОЛЕЮТ И УМРУТ ТЧК ЦЕЛУЕМ ТЧК ДОБРОЖЕЛАТЕЛИ ТЧК»

— Грамотные какие жулики стали,— пришла очередь загрустить и нашему другу Вовану.— Все точки и запятые правильно расставили.

— И еще целуют,— возмутился Седой.— Еще целуют! Да кто же им целовать себя даст! Я им поцелую, я им так поцелую! — И Седой погрозил кулаком невидимым доброжелателям. Чтобы себя немного взбодрить. Невесело было Седому.

И нам всем тоже было невесело. Мы стояли посредине двора с двумя телеграммами в руках и не имели ни малейшего представления, что делать дальше.

— А может, мы это,— Лева на секунду замялся.— Ну, это... Отнесем первую телеграмму Маринкиным родителям, а? Пусть они дадут этим бандитам деньги и выручат Маринку.

— Откуда же они такие сумасшедшие деньги возьмут? — изумился Седой.

— Нет, денег жуликам давать нельзя,— сказал я.— А то они совсем распустятся. Направо-налево детей воровать начнут.

— Тогда давайте пойдем в милицию и все расскажем,— не унимался Лева.

— А если они за нами следят и что-нибудь плохое с Маринкой сделают?

— И ботинки мои замечательные изорвут и на помойку грязную выкинут.

Выслушал Лева нас с Седым, наклонил голову, вот-вот заплачет.

— Ну... Ну-у, я не знаю... А у вас какие предложения?

— Обыкновенные у нас предложения. Нам самим придется Маринку с ботинками спасать.

— Правильно, Коляма,— поддержал меня Вован.— Сами прошляпили, сами и выручать будем.

— Где же их теперь искать? И потом, они большие, сильные и фокусы показывать умеют,— засомневался Лева.

— В шесть часов вечера под дубом Загородом — вот где мы их искать будем. И никакие фокусы им больше не помогут. Сами не хуже милиции засаду устроим.

— Не-е, засаду не получится,— протянул Седой.

— Это почему? — не унимался Вован.

— У нас пулемета нет. А какая засада без пулемета?

Делать нечего, нам всем пришлось согласиться с Седым. Действительно, какая засада без пулемета. Только Лева вдруг почему-то заулыбался.

— Стойте, не расстраивайтесь. Я достану вам пулемет.

Мы с удивлением уставились на нашего друга. Сто лет с ним дружим, а не знали, что для него раздобыть пулемет — совсем простое дело.

— Понимаете,— объяснил он,— у меня дядя есть. Генерал.

— Ну и что? — удивился Вован.

— Как ну и что? — в свою очередь, удивился Лева.— У генерала должен быть пулемет. Какой же он генерал без пулемета?

— У генерала есть пистолет.

Седой знал про армию все. Он собирался стать солдатом. И мы решили, что он прав. Но Лева не сдавался:

— Помимо пистолета, у генерала должны быть войска. А в войсках не может не быть хотя бы одного пулемета.

Все с уважением посмотрели на Леву. Оказывается, не один Седой в нашей компании понимал толк в военном деле. К тому же у Левы была совершенно железная логика.

— А вдруг он не сможет дать тебе пулемет? — Седому всегда очень трудно доказать, что он не прав.— Вдруг, дав тебе пулемет, он оголит левый или правый фланг своих войск?

Если честно, от таких слов мы растерялись. Лева — тоже. Но потом все-таки нашелся:

— Так я же у него не насовсем пулемет попрошу, на время. И не для ерунды какой, а для борьбы за справедливость. Не может генерал пожалеть пулемет для борьбы за справедливость!

В общем, Лева нас убедил.

— Ладно, иди к своему генералу,— разрешил Вован.— Только про фокусников и Маринку — ни слова. Поднимет еще всю армию на ее спасение, а нам даже в простое отделение милиции жаловаться запрещено.

— Что я, маленький, что ли? — насупился Лева и отправился за пулеметом. Генерал, как выяснилось, жил всего через три дома от нас. А мы остались охранять Левину сумку с котом Анри-Барбосом IV. К генералу Лева с ней пойти постеснялся.

— Пока он ходит, я, пожалуй, начну разрабатывать план засады,— сказал Вован.

— Значит, мы вступили на тропу войны? — поинтересовался я.

— А? Что? А-а-а... Ну да, вступили.— Вован, видимо, не сразу понял мой вопрос.

— Тогда я сяду сочинять гимн.

— Какой гимн?

— Как какой? Если мы выходим на тропу войны, у нас должен быть гимн. И я решил его сочинить.

— Это ты хорошо придумал,— обрадовался Седой.— Я с тобой буду сочинять. А то ты небось про Маринку сочинишь, а про мои ботинки забудешь.

Не знаю, придумал ли Вован план засады, а мы с Седым свой гимн сочинили. Очень даже у нас неплохой гимн получился.

И только мы кончили его сочинять, как из-за угла появился Лева. Выглядел он как-то странно. Уши у него стали большими-большими, как у слона, и красными, будто флаги в Первомайские праздники. При этом он почему-то все время подтягивал шорты и поглаживал себя правой рукой пониже спины. К тому же Лева был без пулемета.

— Где пулемет? — заорали мы хором.

— Не дал,— объяснил нам, слегка запинаясь, Лева.— Сказал, что никак не может фланги оголять.

— А я что говорил? — гордо оглядел всех Седой.

— Эх ты,— сказал в сердцах Вован,— простую вещь поручили — пулемет достать, и то не смог. Как же мы теперь засаду устроим?

Но Лева на эти слова ни капельки не обиделся. Даже наоборот, обрадовался.

— Вы не переживайте,— сказал он.— Нам теперь никакой засады устраивать не надо. Потому что я знаю, кто Маринку похитил.

— Откуда?

— Понимаете, пока...— Лева задумался, как это лучше объяснить.— Ну, в общем, пока дядя мне втолковывал, почему он пулемета дать никак не может, я на его кровать прилег, и на подушке, прямо перед моим носом, обнаружил папку с секретными агентурными сведениями.

— Что же в них говорилось? — Мы все как один уставились на Леву.

— По секретным агентурным данным,— Лева оглянулся и перешел на шепот,— в нашем городе и его окрестностях находятся только два плохих человека, способных на любое преступление. Это Дракон Горынович Змеев и Галина Васильевна Хорошенькая-Прехорошенькая. Все остальные жители после тщательной агентурной проверки оказались людьми, неспо-

собными на плохие дела. Сведения эти поступили к дяде сегодня в 11.00. То есть совсем недавно. Значит, они абсолютно точные.

— Здорово,— сказал Седой.— Нам теперь остается всего лишь разузнать в справочной адреса этих плохих людей, отправиться к ним на квартиру и...

— Правильно, Седой,— похвалил его Вован.— И разведать, кто из них прячет у себя Маринку, а потом вызывать милицию. Поняли? Милицию можно вызывать, когда разведаем. Чтоб зря людей не обижать. Даже плохого человека напрасно обижать не следует.

Мы согласились с Вованом. Он у нас не только умный, но и справедливый. Вот даже плохих людей зря обижать не хочет.

— Ну, с кого начнем? — спросил он, когда адреса обоих нехороших людей были в наших руках.— Со Змеева или с Хорошенькой-Прехорошенькой?

— Конечно, со Змеева,— предложил Седой.— У него одни имя, фамилия и отчество чего стоят. За версту видно, что злодей. А Хорошенькая-Прехорошенькая в список плохих небось по ошибке попала.

— Верно, Седой! — Вован хлопнул Седого по плечу.— Но не только поэтому. Если ты заметил, то похитителей было трое, а плохих людей у нас только двое.

Мы потрясенно уставились на Вована.

— Да успокойтесь вы,— рассмеялся он.— Ведь даже малым детям известно, что Горынычи запросто могут быть о трех головах. Поняли? Один может быть, как три.

В который уже раз за сегодняшний день мы восхитились вовановскими способностями.

Но если бы все оказалось так просто, как предполагал Вован...

ГЛАВА V.

КУДА ВЕДЕТ ТРОПА ВОЙНЫ

Итак, мы вышли на тропу войны. И она вела нас к дому Змеева Дракона Горыновича. А чтобы нам не очень грустно было по ней идти, мы пели только что сочиненный нами гимн:

Поможем мы в беде Маринке,
Найдем Серегины ботинки.
И в этой битве всем врагам
Дадим по попам и мозгам,
Парам-парам, поверьте нам,
Враги получат по мозгам!

Отличный у нас гимн получился. Мы вкладывали в его пение всю душу. Все наши самые сокровенные желания. Не плачь, Маринка! Конечно, мы тебя спасем. Ведь ты наша подружка, а мы твои верные друзья. И мы не будем мелочиться. Чего уж там! Вместе с тобой мы отыщем и эти дурацкие ботинки Седого. Нам ничего не жаль для друга.

Так мы пели и шли по тропе войны. И Седой тоже пел. Хоть и шел совершенно босой. Он пересилил себя, наш Седой. Он понял: друга надо идти спасать, даже если у тебя не осталось ни одного ботинка. Плохо только, что Маринки не было с нами. С ней наш гимн зазвучал бы гораздо лучше.

— Пожалуй, я с вами в квартиру Змеева не пойду,— объявил Лева возле змеевского дома.— Пожалуй, я вас в подъезде подожду. Во-первых, потому что я сегодня в гостях уже был.— Лева снова погладил себя зачем-то пониже спины.— А во-вторых, как-то неудобно являться в чужой дом с Анри-Барбосом IV. Вдруг хозяин котов не любит?

— Хорошо,— согласился Вован.— Так даже лучше. Ты останешься тут, и если мы через полчаса не вернемся, сообщишь в милицию. Ведь от этого Горыныча всякого можно ожидать.

— А как я узнаю, что полчаса уже прошло?

— На.— Вован достал из кармана замечательные часы своего папы.— Видишь, сейчас они показывают одиннадцать часов тридцать пять минут. Смотри на них внимательно, и когда выскочат цифры: один, два, ноль и пять... Запомнил?

— Ага, один, два, ноль и пять.

— Так вот, когда они выскочат, будет ровно двенадцать часов пять минут, и, если мы еще не вернемся, беги и звони «01».

— «01» — это телефон «Скорой помощи»,— вмешался Седой.— В милицию надо звонить «02».

Но Вована не так-то просто было сбить с мысли.

— Ты звони лучше и «01», и «02». Мало ли что с нами Горыныч сделать надумает. Может, нам и милиция, и «Скорая помощь» понадобятся.

— А может, я тогда и «03» позвоню, пожарникам? — с надеждой поинтересовался Лева.

— Нет, пожарникам звонить не надо,— насупился Вован.— Пожарники в нашем деле совсем ни при чем.

И мы отправились на третий этаж, в квартиру Змеева Дракона Горыновича, а Лева остался нас ждать внизу.

Дверь нам открыл самый обычный дяденька. Ничем не примечательный. Только головы у него было три. Одна большая — посередине, и две маленькие, какие-то сморщенные,— по бокам.

— Здравствуйте, молодые люди. Чем могу быть полезен? — вежливо осведомилась большая голова.

— Нездрасьте, нездрасьте,— крикнула одна из маленьких голов. А другая заверещала: — Кыш, кыш отсюда!

Большая голова побледнела, а дяденька развернулся, подбежал к огромной бутыли, которая стояла в углу, схватил ее и начал пить огромными глотками. К бутыли был приклеен ярлык с черепом, костями и надписью «За все хорошее. Патентованное средство для улучшения. Применять только по назначению участкового милиционера».

Иногда дяденька отрывался от питья и, обращаясь к нам, приговаривал:

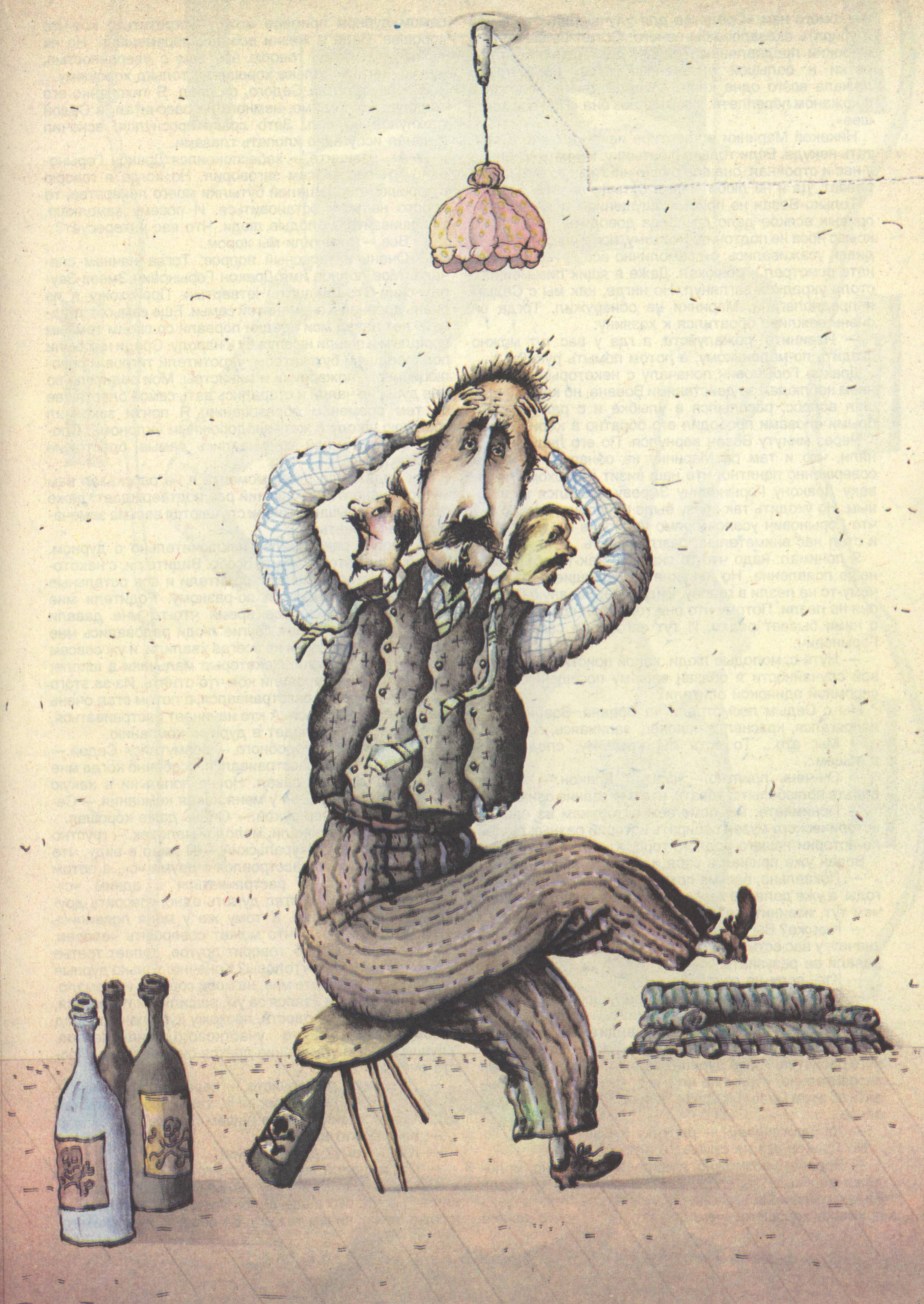
— Извините, извините, скоро пройдет, скоро пройдет...

Потом снова прикладывался к горлышку. И по мере того, как жидкость в бутыли убывала, маленькие головы все больше и больше скукоживались и потихоньку засыпали.

Наконец в бутыли осталось чуть меньше одной четверти, и головы совсем уснули. Дяденька при этом заметно развеселился.

— Теперь порядок,— сказал он.— Вы уж меня извините великодушно. Я, видите ли, прохожу курс очень ответственного лечения. А оно требует полнейшего уединения. Просто полнейшего. Любое нарушение, как вы могли заметить, чревато самыми непредсказуемыми осложнениями. Но тем не менее вы не беспокойтесь, я несказанно рад вашему визиту. Знаете, быть все время в одиночестве, когда привык к шумным компаниям... Ах, вы этого пока просто не поймете... Впрочем, чего же вы стоите? Я так разговорился, истосковавшись по людям, что даже забыл об элементарной вежливости. Прошу меня простить и пройти в комнату... Тут не убрано. Ну да вы, надеюсь, не станете обращать внимания на подобные мелочи...

Квартира у Дракона Горыновича состояла из маленькой комнатки и совсем крошечной кухни. И она действительно была неубранной. Но если бы из нее убрали все пустые и полные бутылки из-под уже

знакомого нам «Средства для улучшения», то в ней и убирать оказалось бы нечего. Остались бы только широкий продавленный диван, две трехногие табуретки и большой письменный стол, на котором лежала всего одна книга. Правда, очень толстая и в кожаном переплете. Называлась она «Про все хорошее».

Никакой Маринки в квартире явно не было. Спрятать некуда. Если только в бутылку. Но хоть Маринка у нас и стройная, она все равно ни в какую бутыль не влезет. Да и не любит она в бутыли лазить.

Только Вован не привык ощущениям доверять. Он привык всякое дело до конца доводить. Так, чтобы комар носа не подточил. Поэтому, пока мы с Седым на диван усаживались, он самолично все бутыли в комнате осмотрел и обнюхал. Даже в ящик письменного стола украдкой заглянул. Но нигде, как мы с Седым и предполагали, Маринки не обнаружил. Тогда он очень вежливо обратился к хозяину:

— Извините, пожалуйста, а где у вас тут можно сходить по-маленькому, а потом помыть руки?

Дракон Горынович поначалу с некоторым удивлением наблюдал за действиями Вована, но когда услышал вопрос, расплылся в улыбке и с разными добрыми словами проводил его обратно в коридор.

Через минуту Вован вернулся. По его лицу мы поняли, что и там он Маринку не обнаружил. Стало совершенно понятно, что наш визит к плохому человеку Дракону Горыновичу Змееву оказался напрасным. Но уходить так сразу было неудобно. Тем более что Горынович уселся прямо напротив на табуретке и стал нас внимательно разглядывать.

Я понимал: надо что-то сказать, как-то объяснить наше появление. Но никакие подходящие слова почему-то не лезли в голову. Видно, и к Вовану с Седым они не лезли. Потому что они тоже молчали, хотя это с ними бывает редко. И тут заговорил сам Дракон Горынович:

— Нуте-с, молодые люди, какой поистине счастливой случайности я обязан вашему посещению моей скромной одинокой обители?

Мы с Седым посмотрели на Вована. Вован долго напрягался, краснел и наконец, запинаясь, соврал:

— Мы, это... То есть мы эти... Ну, следопыты, в общем...

— Оч-чень приятно,— сказал Дракон.— А позвольте полюбопытствовать, что сие звание означает?

— Понимаете, мы помогаем историкам из нашего исторического музея собирать истории разных людей по истории нашего родного города.

Вован уже пришел в себя и врал не запинаясь.

— Похвально, весьма похвально. В такие молодые годы, а уже делаете хорошее и полезное дело. Но при чем тут, извините, я?

— Как же? Вы ведь тоже житель нашего города, и, значит, у вас есть своя история. Вот нам и порекомендовали ее разузнать.

— Кто, если не секрет?

— Секрет! — сделал каменное лицо Вован.

— Виноват, не смею настаивать,— начал извиняться Дракон Горынович.— Но, видите ли, моя история несколько особого рода. Так сказать, отрицательного свойства. А все дурное, уж вы мне поверьте, так заразительно, что даже не знаю, стоит ли рассказывать об этом молодому поколению. Но если вы настаиваете...

— Да, настаиваем! — рявкнул Вован.

Но Дракон его не слушал, он продолжал:

— Впрочем, возможно, я не прав. Возможно, молодежи необходимо знать и отрицательные примеры. Важно только постоянно подчеркивать, что в этих примерах хорошего, а что дурного. Потому что даже в самом дурном примере может встретиться кое-что хорошее. Ведь в жизни все так перемешано. Но на любых примерах, говорю это вам с уверенностью, нужно учиться только хорошему, только хорошему...

Я посмотрел на Седого, он спал. Я тихонечко его толкнул, но, видимо, немного не рассчитал, и Седой грохнулся на пол. Зато сразу проснулся, вскочил и начал испуганно хлопать глазами.

— Ах, извините,— забеспокоился Дракон Горынович.— Я вас совсем заговорил. Но когда я говорю о хорошем после целой бутылки моего лекарства, то просто не могу остановиться. И посему замолкаю. Спрашивайте, молодые люди. Что вас интересует?

— Все,— ответили мы хором.

— Очень интересный вопрос. Тогда начнем сначала. Мое полное имя Дракон Горынович Змеев-Зауральский-Сто-Двадцать-Четвертый. Происхожу я из очень древней и знаменитой семьи. Еще семьсот тридцать лет назад мои предки порвали со своим темным прошлым и пошли на службу к народу. Среди них были полководцы и бухгалтеры, укротители тигров и революционеры, пожарники и министры. Мои родители во мне души не чаяли и старались дать самое блестящее по тем временам образование. Я почти закончил среднюю школу с железнодорожным уклоном... Словом, передо мной открывались самые блестящие перспективы.

Как видите, до этого момента я не рассказал вам ничего дурного. Что лишний раз подтверждает: даже в самой никудышной жизни случаются весьма замечательные моменты.

Но теперь речь пойдет исключительно о дурном. Попрошу вас это отметить особо. Видите ли, с некоторых пор я стал замечать: родители и все остальные люди ко мне относятся по-разному. Родители мне всегда радовались, все время что-то мне давали и хвалили меня. А вот другие люди радовались мне почему-то не всегда, и не всегда хвалили, и уж совсем редко что-то давали. Некоторые мальчики в школе, даже наоборот, норовили кое-что отнять. Из-за этого я поначалу просто расстраивался, а потом стал очень сильно растраиваться. А кто начинает растраиваться, тот непременно попадет в дурную компанию...

— Ну, и ничего подобного,— возмутился Седой.— Я вон сколько раз расстраивался, особенно когда мне кто-нибудь по шее давал. Но не попал ни в какую плохую компанию. Вон у меня какая компания,— Седой показал на нас рукой.— Очень даже хорошая.

— Вы меня не поняли, молодой человек,— грустно улыбнулся Змеев-Зауральский.— Я имел в виду, что поначалу я просто расстроился с двумя «с», а потом стал очень сильно растраиваться с одним «с». Троиться то есть. Я стал думать одно, говорить другое, а делать третье. К тому же у меня появились сразу три головы. А что может совершить человек, который думает одно, говорит другое, делает третье и при этом имеет три головы? Конечно, только дурные поступки. И, поверьте мне, на моей совести их немало.

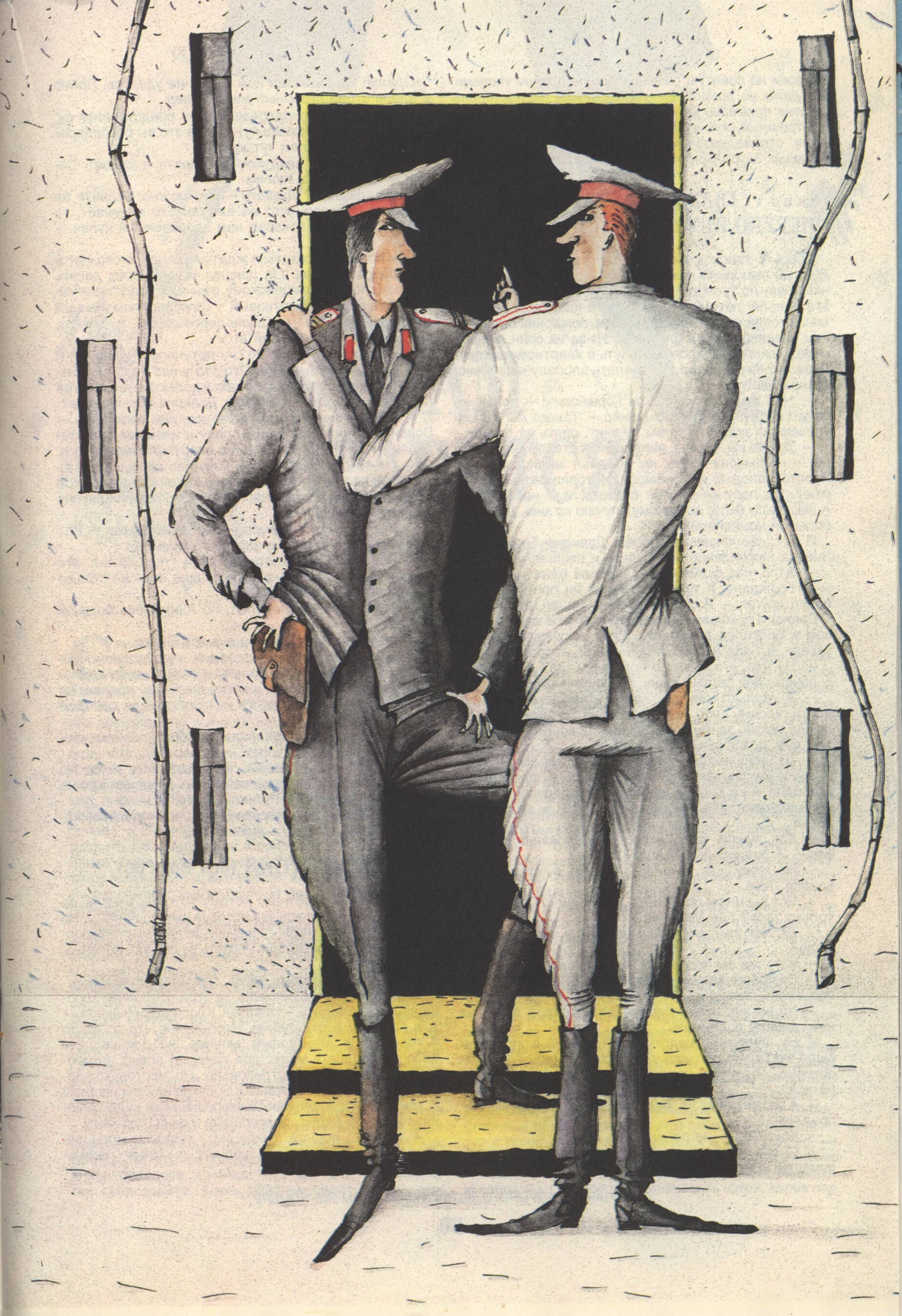
Но вот теперь я взялся за ум, решил, как говорится, искупить грехи молодости, прохожу курс лечения под руководством нашего участкового милиционера. Улучшаюсь. Но улучшение дается очень трудно. Просто очень...

— Извините, пожалуйста,— перебил его Вован.— А вы не знаете еще таких... Ну, таких людей с такой судьбой, чтоб они жили в нашем городе?

— К чему это вам?

— Как к чему? Для истории!

— Ох, молодой человек, что-то вы от меня скрываете,— погрозил Вовану пальцем Дракон Горынович.— Ну, да это ваше дело. Все равно вам помочь, к сожалению, ничем не могу. Во-первых, я вам катего-

рически не советую связываться с плохими людьми. Вы даже не представляете себе, как заразительны дурные примеры. Даже не представля...

Страшный стук в дверь и громкие крики не позволили стодвадцатьчетвертому представителю рода Змеевых-Зауральских закончить свою мысль.

ГЛАВА VI. ГВАРДИИ УЧАСТКОВЫЙ ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ

Дверь с треском распахнулась, и мы поняли, что Лева не выполнил наказа Вована, он все-таки позвонил сразу по трем телефонам — «01», «02», «03». Мы это поняли, потому что на пороге квартиры Горыновича стояли врач с чемоданчиком, пожарник с топориком и милиционер в фуражке. Из-за их спин, вернее между их ног, пытался заглянуть в квартиру наш друг Лева. Но ему мешала это сделать злополучная сумка с Анри-Барбосом.

— Что же это вы, Дракон Горынович! — сразу же начал возмущаться милиционер.— Такого мы с вами улучшения достигли, а вы, значит, опять за старое...

— Да что вы, что вы, милейший! К старому возврата нет.— Горынович чуть не обнимал милиционера.— Просто молодые люди зашли. Истории разные собирают. По поручению, так сказать, и в назидание... А вы, стало быть, по какому случаю ко мне, да столь большой компанией?

И тут две спавшие головы Дракона Горыновича Змеева неожиданно проснулись и оживились.

— Атас, нас окружили,— заорала одна.

— Граждане, я тут совершенно ни при чем,— заорала другая.— Я сюда случайно зашел, пописать.

Дракон Горынович зажал руками рты своим головам и бросился в комнату. Врач и пожарник сразу уехали, а Лева набросился на нас с вопросами:

— Ну что, его взяли с поличным, да? Взяли, да? А почему вас только трое, а? Почему трое-то?

— А сколько нас, по-твоему, должно быть? Двадцать восемь, что ли? — обозлился Вован.— Ты лучше скажи, зачем пожарникам позвонил? Говорили же тебе: пожарники нам не нужны...

— Да, понимаешь, Вован,— оправдывался Лева.— В милиции сначала занято было, а у пожарников свободно. А уж когда я до пожарников дозвонился, то и в милицию телефон освободился. Я ж как лучше хотел...

— Как лучше, как лучше,— передразнил его Вован.— А видишь, как вышло?!

— Не вижу, как вышло,— в свою очередь, разозлился Лева.

— Вот вы мне и объясните, как вышло. Почему вас только трое? Где Маринка?

— Да нет там никакой Маринки,— махнул рукой Седой.

— Чего же вы тогда там столько сидели?

— Разговаривали,— объяснил я.— Разные истории про жизнь слушали.

— Но вы же сами велели через полчаса, если вас нет, тревогу поднимать.

— Ну, велели,— вздохнул Вован.— А откуда нам было знать, что полчаса уже прошло? Часы-то у тебя остались. А теперь вот придется с милицией разбираться!

— А может, мы не будем с ней разбираться? — предложил я.

— Как это? — не понял Лева.

— Очень просто. Вон — дверь. Откроем и — тю-тю, помашем дяде ручкой.

Однако из подъезда нам выйти не удалось. Прямо у двери стоял огромный милиционер.

— Сержант Чернодеревщиков,— представился он, приложив руку к козырьку.— Куда это вы собрались? Командир вам велел тут ждать?

— Да мы так, воздухом подышать,— сказал Седой.— Мы дышать любим.

— Ах, дышать? Дышать — это можно. Дышите на здоровье. Но если кто из вас бежать вздумает, то смотрите,— и он показал нам здоровенный кулак.— Ясно?

Нам пришлось остаться ждать командира сержанта Чернодеревщикова. Он пришел минут через десять и сразу, по их милицейскому обычаю, представился:

— Гвардии участковый оперуполномоченный младший лейтенант Краснодеревщиков! А теперь, следопыты, рассказывайте!

— Что рассказывать-то? — потупился Вован.

— Все рассказывайте. Что это у вас за следопытская организация такая и с какой целью вы явились на квартиру гражданина Змеева Дракона Горыновича?

— Так он же вам все, наверное, сам рассказал.— Вован еще ниже склонил голову и изо всех сил старался не смотреть на гвардии оперуполномоченного.

— Он-то рассказал. Но я хочу вас послушать. Потому как что-то не слыхал я ни о какой следопытской организации при историческом музее. И в милиции она не зарегистрирована.

— Мы зарегистрируемся,— пообещал Вован.— Вот прямо сейчас пойдем и зарегистрируемся.

— Конечно, зарегистрируемся,— поддержал его Седой.— Мы просто не успели еще. Мы же только сегодня организовались.

— А почему ты, следопыт, по городу без ботинок ходишь?

— Волю воспитываю,— нашелся Седой.

— Ах, волю! — сказал гвардии оперуполномоченный.— Понятно! Что-то не нравится мне ваша компания! Ох, не нравится! Крутите, вертите, правды не хотите милиции открыть. Уж не по плохой ли дорожке собрались идти?

— Не, мы по хорошей,— заверил оперуполномоченного Лева.

— Ну, если по хорошей, тогда ступайте пока. Но смотрите мне,— младший лейтенант погрозил нам на прощанье пальцем.— Регистрируйтесь!

Мы ушли. А Краснодеревщиков с Чернодеревщиковым остались и начали шептаться.

ГЛАВА СЕКРЕТНАЯ (без номера)

Эта глава секретная, потому что мы узнали ее содержание, когда вся эта история уже кончилась. Но вам, дорогие читатели, гвардии участковый оперуполномоченный разрешил рассказать ее сейчас. Конечно, под секретом.

Вот о чем шептались тогда два милиционера:

— Придется вам, сержант, за этой компанией хорошенечко последить,— шептал Краснодеревщиков.— А я поспешу в отделение. Неспокойно что-то стало в городе. По агентурным данным, на одиннадцать часов пятнадцать минут два каких-то новых нехороших человека зарегистрировано. Но местонахождение их пока не обнаружено. Как бы не начали шалить! К тому же Хорошенькая-Прехорошенькая куда-то исчезла. Ну да ладно, разберемся. Удачи, сержант!

— Служу родной милиции, товарищ гвардии оперуполномоченный! — шепнул в ответ Чернодеревщиков.

ОКОНЧАНИЕ БЕЗУМНОГО ДЕТЕКТИВА В ЭТОМ ЖЕ НОМЕРЕ.

ЧАСТЬ 2

ОН НАМ НРАВИТСЯ

Рассказывает Лев ЯКОВЛЕВ

Рисунки И. ПАНКОВА.

Сначала он понравился Вовке. Но мы еще об этом не знали. Мы спокойно жили, как и раньше, даже не догадываясь, что он уже появился, уже существует в нашей жизни. Потому что одному из нас четверых, Вовке, он уже нравился. Как это происходило у них, я не в курсе, Вовка мне не рассказал. Просто позвонил по телефону и говорит: есть, мол, человек один, хороший в общем, и танцует хорошо, с выкрутасами, смешно очень. А среди нас никто как раз не умел так танцевать. Маринка, например, выразительно пела и кости доисторические собирала. Колян бороду выращивал и переводил все что попало с английского языка на родной. Я на зиму маслята заготавливал и в пинг-понг всех обыгрывал. Вовка в драмкружке выступал и микробов по баночкам рассаживал. А вот такого, который бы танцевал с выкрутасами, еще не было. И такой, конечно, нам бы пригодился.

Ладно, говорю Вовке, приводи его к дяде Яше и дяде Сереже. Это наши старшие друзья. Мы частенько, раза два в месяц, собирались у них дома и слушали полезные советы — как кости собирать, бороды выращивать, с английского переводить, маслята заготавливать, микробы рассаживать и тому подобные важные вещи. Пускай, думаю, приведет его, проверочку устроим, нет ли у него какого-нибудь неприятного недостатка. Может, он на пол плюется или почесывается, или жует постоянно. Но он превзошел мои самые смелые подозрения. Никто такого не ожидал. Просто с ума сойти.

Рассказываю по порядку. Он пришел. Дяди Яши в тот злополучный день почему-то не было. Ну а дяде Сереже он шибко не понравился. Дядя Сережа как увидел то, что он сделал, весь красный стал, как плащ тореадора, и начал: «Вы чего это тут... почему так себя ведете, здесь девочки сидят, а вы... как можно такое при девочках, да и при мальчиках тоже... у нас так не делают... не много ли вы себе позволяете?» А он? Даже не смутился, надел ботинки и ушел. Да, я сказать забыл, что все дело в ботинках было. То есть в их отсутствии. То есть он снял ботинки, прямо при всех, и начал помахивать одной из ног — сейчас не помню какой — на высоте примерно тридцать сантиметров от пола. Сами видите, высота незначительная. Но у дяди Сережи были свои принципы, и он не собирался от них отказываться. И выгнал его. Так мы с ним познакомились.

А на следующий день Вовка позвонил мне и кричал в ухо, что мы все трусы и что он сейчас позвонит дяде Сереже, и тому солоно придется, а на мне лично теперь несмываемое пятно. Короче, неприятный разговор. Надо сказать, Вовка — крупный специалист по подобным разговорам. Но в этот раз он был, пожалуй, прав. Мне и самому поведение дяди Сережи не по душе пришлось. Но я в тот вечер какой-то сонный был, ленивый. А чтобы взбунтоваться, мне завестись надо. Вот я и завелся от разговора с Вовкой. И кое-что придумал интересное.

Прошло несколько недель. Шла обыкновенная жизнь, и ничто не предвещало взрыва. А он уже зрел, пока что в моей голове, но недолго взрыву было в ней оставаться. То есть в голове. Случай скоро представился. Дядя Сережа пригласил нас на день рождения. Ну а я привел его. И знаете, что он сделал самое первое, когда все мы уселись? Чувствую, вы догадались. Он снял ботинки и начал покачивать ногой. На дядю Сережу страшно было смотреть. В такой торжественный день! Такое страшное переживание! Только тут я понял, что план, созревший в моей голове, не слишком благородный и слишком рискованный. Чтобы снять напряжение, кто-то включил радиолу. И напрасно. Он перестал покачивать ногой, залез под

это дядя Сережа...

стол и стал размахивать руками в такт звукам. Дядя Сережа сидел очень сосредоточенный и неподвижный. Никогда никто не узнает, что дядя Сережа пережил в эти бесконечные секунды. Ну а он ни с того ни с сего вылез из-под стола и... затанцевал. Это было потрясающе смешно! Я услышал икотную трель за спиной и обернулся — это смеялся дядя Сережа, как маленький.

Вот тогда он мне окончательно понравился. Потому что веселый, упрямый и нахальный. Моя мечта — стать таким. Но не выходит. Я либо веселый, либо упрямый, либо нахальный. А тут — все в одном человеке, и так легко получается у него, так просто, артистично. Господи! Он танцевал! Это надо было видеть! Слышать! Осязать! Мы стояли счастливые, просветленные. Так прекрасно! Смешно так! Не зря притащил я его! Ведь надо же! Короче, он понравился дяде Сереже. За что? Есть у меня одна мыслишка. Кажется мне, не то что я уверен, просто подумалось — и сам дядя Сережа не прочь бы вот так, запросто снять ботинки при девчонках и мальчишках и затанцевать с выкрутасами или заорать во всю глотку, или надеть там хлебницу на голову, или по проволоке пройти над проспектом, или что-нибудь в этом дурацком роде. Но только нельзя ему, дядя Сережа — важный человек, у него орден. И уважение коллег. Дядя Сережа — пример для многих. Не поймут. Вот и понравился он за то, о чем дядя Сережа втайне мечтает. А может, и другая какая причина. Хотите — сами у дяди Сережи спросите, его везде знают.

А потом он понравился Маринке. Маринка обалдела, как его увидела. Она даже ни секундочки не сомневалась — свершилось. И среди нас — несумасбродных, небезрассудных, непотрясающих — возник наконец-то он, долгожданный, ни на кого не похожий, самородочный. Наверное, Маринка уже думала, что не встретит такого, не повезет ей. Вот ведь повезло ей, сказочно! Хотя мы раньше и цапались с Маринкой, из-за чего — до сих пор не пойму, но теперь я рад за нее был. Даже горд немножко. Имел ведь я отношение к их счастливой встрече. Очень они подходили друг другу — Маринка пела, он танцевал...

Теперь про Коляна. Он и Коляну понравился, хотя уж Коляну, я вам скажу, редко кто нравился. Колян критически к окружающим относится. Почему же Коляну понравился, а? Думаете, из-за танцев? Да вряд ли. Колян мне самому говорил, что его танцы чересчур похожи на дикарские мезозойские хороводы вокруг жареного мамонта. Танцует, мол, неплохо — но ведь было это, было уже, чего особенного. И веселость его похожа на что-то, было. И упрямство — было. Можно даже примеры привести. И нахальство, кстати, достаточно вторичное. Короче, все, что меня поразило в нем, для Коляна оказалось малоинтересным. Было такое тысячу раз и до рождения Коляна, и после рождения. Никаких открытий. Я знаю, почему он все-таки понравился Коляну. Потому что не выкаблучивался. Такого еще не было.

Ну а Вовке, как помните, он с самого начала понравился. Таким образом, понравился всем четверым (плюс дяде Сереже) — и нас стало пятеро.

А потом мы призадумались. Осталось главное испытание. Понравится ли он дяде Толе? Уж на что дядя Сережа сердитый, дядя Яша строгий, а дядя Толя всех их за пояс заткнет. Он очень серьезный, серьезней и не бывает, наверное. Редко улыбается. Заботы одолевают — не до смеха. Он директор. У него кабинет, правда, маленький, с видом на Савеловский вокзал. Зато на одиннадцатом этаже. Такое положение обязывает. Вот как их свести — это вопросик! А надо сводить, тем более и дядя Толя почувствовал уже, что у нас появилось кое-что новенькое, а мы от него скрываем. Да, чувствуем, пора. Но возможен скандал. И стали думать. И придумали.

И вот открывается дверь в дяди-Толин директорский кабинет. И мы входим, друг за другом, первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый — и так сорок восемь человек. Представляете! Почти полсотни! Побледнел дядя Толя. Но держится. А стульев-то — главное — не хватает. И начинаем устраиваться вповалку и вперемешку. И попробуй теперь разгляди, кто в ботинках, кто без, кто сидит, кто танцует. Вы поняли, для чего мы такую ораву притащили? Точно — чтобы он затерялся и остался незамеченным. Зря старались. Есть у него способность всегда оставаться замеченным. И сделал он единственное, чего не надо было,— лег перед дядей Толей вроде коврика полового. Дядя Толя еще чуть-чуть побледнел и спросил нас бровями — мол, что за птица? И мы бровями же ответили — наша птица, и все! И смирился дядя Толя. А что ему делать оставалось?!

Постепенно он и всем остальным понравился. Не всегда шло гладко. Многие говорили: да он специально ботинки снимает и выкрутасничает, чтобы быть на виду! Да мы и сами еще получше можем!.. А если можете, давайте, чего же вы, начинайте, ну скорей, давайте получше, все дороги вам открыты, умницы, не медлите, покажите... Но даже и этим в конце концов он понравился.

Есть идея одна. Чтобы он всем понравился, всем-всем-всем-всем-всем-всем-всем-всем... в РСФСР, в СССР, в Европе, в Америке и Антарктиде, на земном шаре, и даже космонавтам, которые несут вахты на орбитах, и даже инопланетянам. Чтобы ни один раскровожадный диктатор, распоследний фанатик не взорвал атомную бомбу. Вот уже все, допекло его, и ему ничего на планете не жалко, и пора бомбу взрывать. И только его жалко одного, который так смешно танцует! Он должен жить — нет ядерной зиме!

Одного боюсь — не выдержит он такой нагрузки. Одно дело, когда четверым нравишься, ну, пятерым, шестерым, сорока восьми. А когда всем мыслящим существам? Тяжело ему придется. Сереге нашему. Его Серегой зовут. Тяжело.

ЧАСТЬ 3

МАРИНКУ УНЕСЛО...

Рассказывает **Сергей СЕДОВ**

Рисунки **И. ПАНКОВА**

Маринку унесло!

Говорил я ей: «Брось ты эти воздушные шары!»

Мы ей все говорили.

И Володька ей говорил, и Колька, и Левка, все мои друзья. Мы ведь ее все любили, жениться хотели, а она...

Ее унес ураган.

А может быть, это и не ураган был...

Но сначала мы все думали, что это простой ураган, мы тогда еще ничего не знали. Мы просто очень любили Маринку. И хотели на ней жениться.

Не все, конечно, а кто-нибудь один! Кого она сама выберет. И она как раз хотела выбрать.

— Вот,— сказала,— слетаю на воздушном шаре, приземлюсь и выберу.

Не тут-то было! Проклятый ураган.

— Подождите,— сказала,— часок, ну, максимум два, а там и свадьбу сыграем,— сказала бы хоть — с кем...

А теперь думай, ломай голову, кого же она любила и кому теперь ее искать...

— Эх, Маринка, Маринка! Маринка, Маринка! — говорил Володька, который видел далеко-далеко, но никак не мог сочинить стихотворение.

— Эх, Маринка, Маринка! — говорил и Колька, у которого никак не росла борода, но зато он был такой худой, что мог пролезть в любую щелочку...

— Эх, Маринка, Маринка,— говорил и Левка, который был ужасно ленивый и неповоротливый, но зато такой умный, такой умный!

Если бы нам сказали про тех чудовищ и про того колдуна, и про то, что мы окажемся даже в другом времени, и про то, как страшно будет ЖДАТЬ СМЕРТИ У ТОГО ЛЮДОЕДА В ПЕЩЕРЕ, мы бы, конечно, посмеялись над такими сказками, мы же все были серьезные люди.

Очень серьезные. Вот Володька, например, очень хотел стать поэтом, но у него ничего не получалось: только сочинит какую-нибудь строчку или две, сразу оказывается, что это уже раньше Пушкин сочинил, или Лермонтов, или хотя бы Некрасов... Но зато глаза у него были! Он за километр все видел и за сто километров.

Он первый заметил на горизонте что-то неладное...

— Смотрите,— сказал он,— БУРЯ МГЛОЮ НЕБО КРОЕТ!

А Маринка, дура: «Пушкин, Пушкин!» — при чем здесь Пушкин? Вовка правильно предупреждал: не нужно было лететь.

И Лева тоже сказал: «Не надо»,— на что уж ленивый был — лишнего слова не скажет, лишнего шага не сделает,— а тут три шага сделал, два слова сказал — и не зря! Левка вообще зря не говорил.

И не двигался...

Зато голова у него была!.. Недаром мы его с собой таскали по тем скалам, если бы не Левкина голова — где бы мы были сейчас?

Я думал, Маринка его выберет. Женщины вообще умных любят...

Сейчас, после наших удивительных и страшных приключений, мы уже не те, что раньше. И Левка уже не такой умный. Умный, конечно, очень умный, но не такой. И не такой ленивый, даже наоборот, он теперь деятельный! А Володька — настоящий поэт, член Союза писателей. Так, как он сочиняет, никто никогда не мог и не сможет. Такие стихи! А еще он теперь очки носит — глаза уже не те... А какие были глаза, какие глаза!!! «Это ничего,— говорит Володька,— зато у меня теперь развилось другое зрение — внутреннее!» Конечно, ему видней, а мне все-таки жалко

Володькиной зоркости. Бывало, скажет: «Во-он, самолет летит». Мы потом еще полчаса ждем, и тогда уже сами видим: действительно, летит самолет.

Ну да что говорить, все это в прошлом. И у Кольки тоже. Теперь Колька толстый. И борода у него растет не хуже, чем у Хемингуэя. А раньше не росла. А как он хотел, чтобы росла!!! Как хотел. И все зря — она не росла. И был он такой худой! Он был самый худой в мире человек. И даже вошел из-за этого в книгу рекордов Гиннесса — там на 764-й странице он записан как самый худой. Его даже можно было не заметить, когда он боком стоял,— такой он был плоский, как мишень.

Людоед тогда не догадался — не заметил Кольку... А то не писать бы мне сейчас этих воспоминаний, а перевариваться в людоедском желудке. Да уж сейчас бы, наверно, давно переварился...

Когда Маринку унесло, мы думали — это конец. Но это было только начало! И первым это понял Левка, наш умница. Он сказал: «НЕ НРАВИТСЯ, РЕБЯТА, МНЕ ЭТОТ УРАГАН». Мы сразу притихли. Потому что если Левка что сказал, то это уже не зря. Значит, действительно ураган какой-то не такой — не наш ураган, не простое природное явление. Левка так и сказал: ЭТОТ ураган — именно ЭТОТ. Другие ураганы бывают и ничего себе, они могут кому-то и понравиться, но ЭТОТ... Здесь явно было что-то не то. Я сразу подумал: если Левка так говорит, значит, здесь не обошлось без таинственных явлений человеческой психики!!! Без гипноза, телепатии, биополя и летающих тарелок. Тогда мы еще не знали, что все гораздо страшней и таинственней: в нашу безоблачную жизнь незаметно ворвались настоящие Маги, Колдуны и Путешествия во времени... Левка тогда уже обо всем догадывался, но сказал он только это:

«НЕ НРАВИТСЯ, РЕБЯТА, МНЕ ЭТОТ УРАГАН!»

С этого момента началась наша СУДЬБА.

Она у нас и раньше была, у каждого своя. Но раньше она была какая-то не такая — не очень неизбежная. Например, можно было в кино пойти, а можно было и не пойти — как захочешь. Можно было даже пойти, а потом выйти раньше времени и погулять, если кино неинтересное. А можно было и до конца досмотреть, мол, скучно, а я все равно досмотрю, раз уж пришел, и никакая Судьба нам была не указчица!

А теперь...

Шар был красивый. И Маринка тоже была очень красивая. Рот до ушей. Глаза горят... У Маринки всегда горели глаза, но ТАК они еще никогда не горели. Она, конечно, глупая была, Маринка, да и теперь не поумнела. Ну что хорошего в этих воздушных шарах? Стой себе на балконе и мечтай потихоньку, что летишь над какой-нибудь Америкой,— я так всегда делаю... Нет, ей нужен НАСТОЯЩИЙ воздушный шар... Полет... Вот и долеталась... Ураган действительно был какой-то странный — подхватил только тот шар, на котором летела Маринка, а другие шары как ни в чем не бывало спокойненько парили себе... Даже Колька, которого не только ураган, а простой ветерок мог подхватить и унести куда-нибудь, метров на десять,— даже худой и легкий, как перышко, безбородый Колька — и тот остался стоять, как настоящий пень. Вот тут и началась наша общая, неизбежная СУДЬБА. Наступило молчание. А потом: «ПОРА, МОЙ ДРУГ, ПОРА» — это, конечно, Вовка сказал. А еще раньше Пушкин. Но Пушкин-то, когда говорил, не знал, что нам пора бросить все свои дела, свою работу, свои планы на завтра, на послезавтра и скорее всего даже на послепослезавтра и идти, бежать за нашей Маринкой, чтобы ее СПАСТИ. Потому что если не мы, то кто? Конечно, никто!

Настала пора бросить привычную, спокойную жизнь и подвергнуться страшным опасностям, необыкновенным приключениям и, может быть, даже не вернуться обратно. Все могло случиться... Все!

У Кольки могла бы так и не вырасти борода! Так и не вырасти... А как все хорошо было! Она вот-вот должна была вырасти — лучшие врачи, лучшие мази, полный покой,— профессор Сретенский сказал: «Николай, еще неделя, максимум две — и я вам обещаю, если не такая, как у Маркса, то хотя бы как у Ленина — будет!..»

Колька, конечно, мечтал, заимев бороду, явиться к Маринке НАСТОЯЩИМ ЖЕНИХОМ И ЗАТМИТЬ ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ НЕНАСТОЯЩИХ. То есть нас... И вот теперь все рухнуло! Конец специальной диете и режиму, конец регулярным осмотрам у лучших специалистов страны и даже Европы. Да и зачем борода, если Маринки НЕТ! Это теперь он понимает, что можно жить и без Маринки. Тем более с такой бородой! Теперь он успокоился: о чем волноваться с такой бородой — не о чем! Он теперь толстый. И жена у него есть, и дети, и уважение сослуживцев — особенно много уважения... Но это теперь. А тогда он рыдал больше всех: «Ма-а-арин-н-нка-а!» Упал на землю и слился с ней по причине своей абсолютной плоскости. Мы его с трудом отодрали — не за что было зацепиться.

И тогда Вовка сказал: «ПОРА, МОЙ ДРУГ, ПОРА!»

Мы даже не зашли домой, не предупредили родных и близких, не взяли с собой в дорогу ни одной вареной курицы, ни одного тушеного гуся, ни одного коржика. Мы просто пошли. За Володькой. Потому что он все видел... Мы же, остальные, не видели ничего. Зато Левка напряженно думал, а мы с Колькой иногда несли его на руках, лентяя. Честно говоря, нес его по очереди всегда я. Колька сам все время качался на ветру, Володька неотрывно смотрел вперед. А я нес Левку.

Теперь, когда все позади и у нас с Маринкой трое прекрасных детей, я иногда думаю: Маринка потому выбрала меня, что я нес Левку...

Шли мы долго. Потом, через много лет, мы пытались вспомнить и решить, сколько времени мы на самом деле шли, но так и не пришли к согласию. Левка заявил, что мы шли больше трех лет... Вовка сказал, что всего-то три дня... Колька утверждал, что у него были часы и прошло ровно три часа и три минуты...

Я же был убежден, что время просто остановилось... Но все равно — шли мы долго! Очень долго — тут Левка прав. По крайней мере я очень устал его нести...

Людоед был страшен.

Нет. Людоед был ужасен.

Нет.

Людоед был намного страшнее, чем просто страшен, и ужаснее, чем просто ужасен.

Мы сразу поняли, что пощады ждать не приходится. Людоед был абсолютно беспощаден, АБСОЛЮТНО, что и подтвердили дальнейшие события.

И еще он был огромен.

И еще оказалось, что мы в пещере! Как мы туда попали, как? Этот вопрос мы особенно бурно обсуждали спустя много лет. Помнится, вокруг нас были какие-то скалы. Володька, лишившись из-за них способности видеть далеко, стал смотреть внутрь. Он плелся сзади и шептал: «Выхожу один я на дорогу...» А я... Я нес Левку и никак не мог быть впереди.

Впереди шел Колька. Чем легче человек, тем удобнее ему скакать по скалам. Вот Колька и скакал. Впереди. Это он нас завел, он! Конечно, не заведи нас Колька в эту безвыходную пещеру, где нас ждала НЕИЗБЕЖНАЯ гибель, мы бы не испытали того страшного ужаса. Такого страшного, что и теперь, через

двадцать лет, мы просыпаемся с жутким криком: «А-А-А-А-А-А!!!»

Не пытайтесь повторить этот крик — это невозможно. Только тот, кто видел ЛИЦО того людоеда, может ТАК кричать. Да, у людоеда БЫЛО ЛИЦО! И УСЫ!!!

Так вот, не заведи нас Колька в эту пещеру, не было бы не только ужаса. Не было бы тогда и нашего общего смирения перед неизбежностью ужасного конца и покорного ожидания смерти. А теперь, может быть, у нас не было бы столько седых волос и мы не так сильно любили бы спокойные прогулки в тихие сентябрьские дни... Мы бы, наверное, больше любили весну и занимались спортом. Теннисом, лыжами, купались бы в проруби...

Но мы не купаемся в проруби. Гуляем тихо...

Потому что испытали ЭТО! А если бы не испытали, Маринку бы он СЪЕЛ! Точно бы съел! И не было бы наших детей, наших мальчиков. И не стал бы Володька ТАКИМ поэтом... С чего бы он стал?

А Левка? Все могло бы остаться по-старому, если бы не Колька. И кому бы теперь была польза от Левкиного ума? Но Левка стал человеком! Настоящим, энергичным! Тридцать три изобретения, двадцать две книги, одиннадцать орденов, сотни писем каждый день от благодарных почитателей. Он изобрел столько полезных изобретений, сделал столько великих открытий, стольким людям дал работу, кров, вернул здоровье и радость жизни!

Всего этого могло не быть.

Если бы не Колька!

Поэтому, когда через много лет у нас с Маринкой родился первый сын, мы недолго думали, как его назвать! Мы назвали его Колькой...

А тогда наше положение было совершенно безвыходным.

Как и сама пещера.

А главное, что Маринка, наша Маринка, наша любимая Маринка была у людоеда в руках.

Мы не издали ни звука.

Левка мгновенно проснулся. У меня на руках.

Мы сразу поняли, что этот людоед — именно людоед.

Это было ПОНЯТНО... Но почему?

А тогда у нас не было времени размышлять об этом.

Мы сразу, не договариваясь, подумали: «Съест, обязательно съест — и Маринку, и нас!»

Людоед курил трубку и был...

Тут тоже странности. Колька говорит теперь, что людоед был нормального роста, а Левка — что абсолютно ненормального.

Володька убежден, что у людоеда не было ног — были только лицо с усами и страшные руки: в правой — трубка, в левой — Маринка. А я говорю, что людоед был необычайно огромный. И злой.

Людоед смотрел на нас...

Мы понимали, что это конец. Но это была всего лишь середина.

Почему же мы сразу поняли, что это был людоед? Почему? Не бандит, не колдун, а просто людоед.

Нос, рот, уши?.. Не-е-т...

Глаза — вот в чем разгадка!

В них был какой-то блеск. Какой-то ТАКОЙ. Не от радости. И не от печали. Людоедский. Он проник в наши сердца.

Сердца сжались, заболели, зарыдали и сказали нам, кто ОН и ЧТО нас ждет...

Людоед смотрел на нас.

И мы сдались. Сразу. Все.

Даже теперь, спустя десятилетия, никто из нас не хвастается, что, мол, тогда он сохранил самообладание и пытался найти выход из положения, что он не струсил и не смирился...

Смирились все. Даже Вовка.

«Предполагаем жить и, глядь, как раз умрем»,— тут же сочинил он свою, как он думал, последнюю строчку.

Но он ошибался. Во-первых, это Пушкин сочинил. А во-вторых, это была последняя НЕВовкина строчка, Вовкины все были впереди! И какие...

Он не сказал вслух, что мы как раз умрем, но мы услышали. В той пещере мы вообще слышали все мысли друг друга. Это была телепатическая пещера.

Потом, когда Левка станет ученым, он защитит диссертацию по телепатическим пещерам — это открытие признают выдающимся открытием, открытием ГОДА и даже десятилетия. Левка получит Нобелевскую премию, станет почетным доктором сорока университетов и двухсот академий наук, и его будут уважать не меньше, чем Кольку, ну, может быть, чуть-чуть меньше... Но в тот момент нельзя было уважать.

И всех остальных — тоже.

Нас практически уже не было! Мы практически уже умерли!

И вдруг раздался чистый и громкий, звонкий и любимый голос Маринки! Да, Маринка не умерла! Маринка жила и боролась! Хотя ей было тяжелее, чем нам. Все ее маленькое, хрупкое тельце сжимал людоед в своем кулаке. Наружу торчали только голова и ботинки...

Что она сказала тогда, не открывая, конечно, рта? Зачем открывать, когда можно телепатически! Что же она сказала? Об этом мы яростно спорим и сейчас. Сама Маринка лукаво отмалчивается, как будто это не она говорила. Я все помню точно. Она сказала: «Серега, я тебя люблю, не умирай, мы поженимся, вот только этот дурацкий людоед умрет... Не бойся!»

А надо сказать честно, что я, конечно, боялся больше всех. Я вообще трус. Только один человек может со мной сравниться в трусости — нет, не Колька и не Левка, про Вовку я уж не говорю — он при мне как-то семерых хулиганов так отделал! Нет, сравниться со мной в трусости может только мой лучший друг, Андрюха Антонов. Так вот, я боялся больше всех. Больше бояться было просто нельзя. Невозможно. Я был готов умереть не только почти, но и совсем-совсем! Короче говоря, сердце готово было выскочить или остановиться. И оно бы остановилось, если бы Маринка не сказала мне: «НЕ БОЙСЯ». И еще про любовь, и еще про женитьбу. На несколько мгновений я отвлекся от страшного ужаса — подумал о будущей семейной жизни, о том, что у нас будут дети — интересно, сколько? Этих мгновений хватило — сердце отдохнуло на ходу и решило пока не останавливаться. «ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР»,— шепнула мне Маринка, когда я был возвращен к жизни. Как оказалось, навсегда...

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР!

Откуда она знала? Ведь действительно, как потом ОКАЗАЛОСЬ, был НЕ ВЕЧЕР! Когда пещера рухнула, было утро! И дурацкий людоед умер. И мы поженились. Все так и было. Маринка всегда была ясновидящей. Всегда. Просто она скрывала это. Да и сейчас не любит предсказывать — зачем — пусть будет, что будет,— говорит она,— и действительно — все есть, как есть — и слава Богу! Но тогда был ТАКОЙ момент — я умирал — Маринка не могла этого допустить — и она открыла мне будущее...

Хотя Колька утверждает, что в тот страшный миг Маринка сказала совсем другое. Она сказала: «Колька, КАКАЯ БОРОДА вырастет у тебя, не успеешь ты еще вернуться домой, КАКАЯ БОРОДА!! И в КАКОМ «МЕРСЕДЕСЕ» я вижу тебя разъезжающим!

Людоед

Ты, Колька, настоящий БОГ,— сказала, по его словам, Маринка,— что тебе этот гнусный людоед...» «Я,— говорит Колька,— сразу как-то приободрился!» Я не знаю, правда ли это, могла ли Маринка ОДНОВРЕМЕННО говорить нам абсолютно разные вещи? Но иногда я думаю, что Маринка может все. У Кольки теперь именно такая борода. Когда смотришь на нее, так и хочется сказать:«КАКАЯ БОРОДА!» А вот насчет «мерседеса»... Да, у Кольки был «мерседес», но очень давно. Теперь у него «роллс-ройсы» — 99 штук,— он их коллекционирует. Скоро будет 100 — юбилей,— Колька нас всех приглашает на грандиозный праздник. Будут Рокфеллер, Морган и другие американские богачи — они все уважают Кольку, ведь он один из самых богатых людей на земле — да к тому же еще борода — богачи ему страшно завидуют. Они все суетятся, зарабатывают свои миллионы. Сухие, поджарые, с бегающими глазами. Колька не такой. Он спокойный, толстый и добрый. Он помогает бедным, строит больницы, детские дома, туберкулезные санатории. Он, конечно, не Бог, но почти. Почти уже...

Это сейчас. А тогда, после слов Маринки: «Ты, Колька, настоящий БОГ, что тебе этот гнусный людоед!» — после этих слов худой, безбородый Колька только чуть-чуть приободрился — чуть-чуть. Но и то хорошо! Он стал шевелиться. Это имело большое значение! Как потом оказалось.

Что же сказала она Левке? Чем вывела его из состояния сомнамбулического оцепенения? И тогда он наконец начал думать, шевелить мозгами. Это и сыграло решающую роль. Потом... Что она ему сказала? Левка молчал двадцать пять лет. Только получив Нобелевскую премию, он частично раскололся. Да, Маринка сказала ему про премию еще тогда. Но это еще не все. Что же еще, что?..

Нам пришлось ждать десять лет, и тогда наконец мы узнали, что Маринка предсказала, будто его именем, именем нашего Левки, назовут целую страну в Южной Америке. И вот — объявления в газетах... Назвали. И именно в Южной Америке...

Людоед смотрел на нас. А Володька вдруг затанцевал, как суфий,— с закрытыми глазами и блаженно. Маринка, видно, ему такое сказала!.. Людоед смотрел на нас. То, что произошло дальше, не поддается разумному объяснению. Во всем этом не было никакой логики. Во всем этом была только СУДЬБА и ничего больше. Людоед вдруг страшно обрадовался. Он выпустил Маринку из рук и закричал: «ХАЛАБАР-БАЛАБА!!!» И заколотил кулаками себе в грудь, как настоящий Кинг-Конг.

— Радуется, гад,— сказал начавший шевелить мозгами Левка,— жадный, видно, до жратвы!

Людоед был вне себя: «ХАЛАБ-ХАЛБА!!!»

Он осматривал нас по очереди своими людоедскими глазами и сладко улыбался, и посасывал трубку — такой противный! А потом принялся считать. Он тыкал в нас своей трубкой и рычал: «Халабдора!... Хамдалалабабба!» А Маринка переводила: «Один... два...» Маринка умеет переводить с любого языка — она вообще чудная! «Бахарамдарабада!!!» — проорал людоед и затих. «Пять!» — объявила Маринка. Людоед сосчитал всех. И ужасно обрадовался. Да, жрать он, видно, любил... И еще считать свои жертвы. Это было, наверное, его хобби. На этом он и погорел! Потому что захотел еще раз ПОСЧИТАТЬ. И посчитал! Тут-то и началось наше спасение. На этот раз людоед досчитал только до четырех. ПОЧЕМУ-ТО.

Он ужасно расстроился, рассердился и укусил свою трубку. Левка первый понял, в чем дело. Колька шевелился! И не просто шевелился. Он повернулся к людоеду боком и совершенно случайно стал невидимым... Абсолютно! Тем более что в пещере было плохое освещение. Вот людоед его и не посчитал! И получилось всего четыре. И людоед расстроился. И вновь стал пересчитывать. Мы ничего не понимали. Левка зато понимал! «Повернись лицом к этому болвану!» — приказал он Кольке. И Колька повернулся. Людоед снова насчитал: «Бахарамдарабал!» Пять! Он так обрадовался! Как ребенок. Заплакал от радости, покачал головой, затянулся из любимой трубки — медленно и с большим удовольствием. А потом снова решил пересчитать свои жертвы — видно, это было ему очень приятно. Очень.

Но Колька по Левкиному знаку опять повернулся боком к людоеду, и тот опять насчитал только четыре жертвы. Да, Левка придумал прекрасную игру! Наш второй сын, мы назвали его Левкой, он тоже очень умный и любит играть в веселые, остроумные игры.

Людоед был очень тупой и ничего не понимал. Он возбуждался! Все больше и больше.

И пересчитывал. И пересчитывал. Наконец он взбесился. Что и следовало ожидать после стольких-то раз! Но мы не знали, что может сделать бешеный людоед. Даже Левка не знал... А бешеный людоед вдруг уставился на кружащегося в танце Вовку. Что чувствовал тогда наш Вовка, наш любимый поэт, кружась в танце, почему он вообще кружился, закрыв глаза, неизвестно. Но людоеду он явно не нравился. Явно. Мы слишком поздно это поняли. Людоед уже схватил Вовку и бросил его в рот!

Как какую-нибудь кильку. Бешеный людоед совсем забыл, что пищу надо пережевывать. Он хотел проглотить Вовку целиком. В ярости. Не тут-то было. У Вовки плечи что надо. Он застрял! Людоед чуть не задохнулся. Он хлопнул себя по шее и кашлянул. Вовка вылетел и полетел.

Во время этого полета и родился Поэт. Именно в том полете родились его первые замечательные стихи:

МУРКА ЗАДУМЧИВО В НЕБО ГЛЯДИТ —
МОЖЕТ БЫТЬ, ТАМ КОЛБАСА ПРОЛЕТИТ?

Вовка летел. Пещера была большая, и до стены далеко... А Левка улыбался. И смотрел на людоеда, как на дурака. А людоед был очень гордый.

Потому что он был очень большой и сильный. Он мог всех съесть. Всех. И еще у него были красивые усы. А Левка смотрел на него, как на простого дурака. И еще улыбался. Людоед откашлялся после Вовки, увидел Левку и не стерпел. Затопал ногами, заорал, как бык, выбросил трубку, оторвал один ус, схватил огромный кухонный нож и замахнулся. Вовка все летел... Я подумал: «Сейчас людоед проткнет бедного умного Левку. Ленивый Левка не увернется, не отпрыгнет, не убежит». Но... Левка увернулся!

Наш ленивый Левка, ленивый-ленивый-ленивый. Людоед заорал, как медведь, и снова замахнулся. И снова опустил страшный тесак на грудь моего друга. Но Левкина грудь отпрянула в сторону, как грудь настоящего тореадора. Нож просвистел мимо. Людоед заорал, как слон, и стал тыкать ножом в Левку часто-часто. А Левка отпрыгивал. Отпрыгивал и отпрыгивал... Как кузнечик. Как настоящая блоха. Как кенгуру. Перед лицом неизбежной гибели умирала Левкина лень. На наших глазах рождался Великий Деятель. Вовка летел... Пещера была очень большая, а людоед собрал все свои силы и в последний раз ткнул ножом в Левку... Нож сломался. Мы закричали: «УРА!!!» Людоед рыдал. Мы думали, что по-настоящему. Мы потеряли бдительность, расслабились. И вот... Я направлялся к Левке. Хотел пожать его руку. Хотел его обнять и поздравить с таким успехом.

А оказался... в людоедовом кулаке. Как раньше Маринка. Только у Маринки торчали голова и ботинки, а у меня голова и мои собственные ступни с пальцами. Людоед не плакал. Уже. Он смеялся и хохотал. Он ржал! Лицемер, притворщик, гадина. «Хапраба заплара ваба ба!» — сказал людоед и показал нам язык. «Он сказал, что он самый лучший людоед и всех нас съест! — сообщила Маринка.— И еще он сказал, что теперь будет тщательно пережевывать пищу. Прежде чем проглотить». Я подумал: «Грустное известие... Сейчас начнет меня пережевывать»... Больно будет, наверное. Очень больно. И я опять страшно испугался и задрожал... А Вовка летел и летел... У него успела родиться еще одна строчка:

ПО НЕБУ ЛЕТЕЛА ШВАБРА.

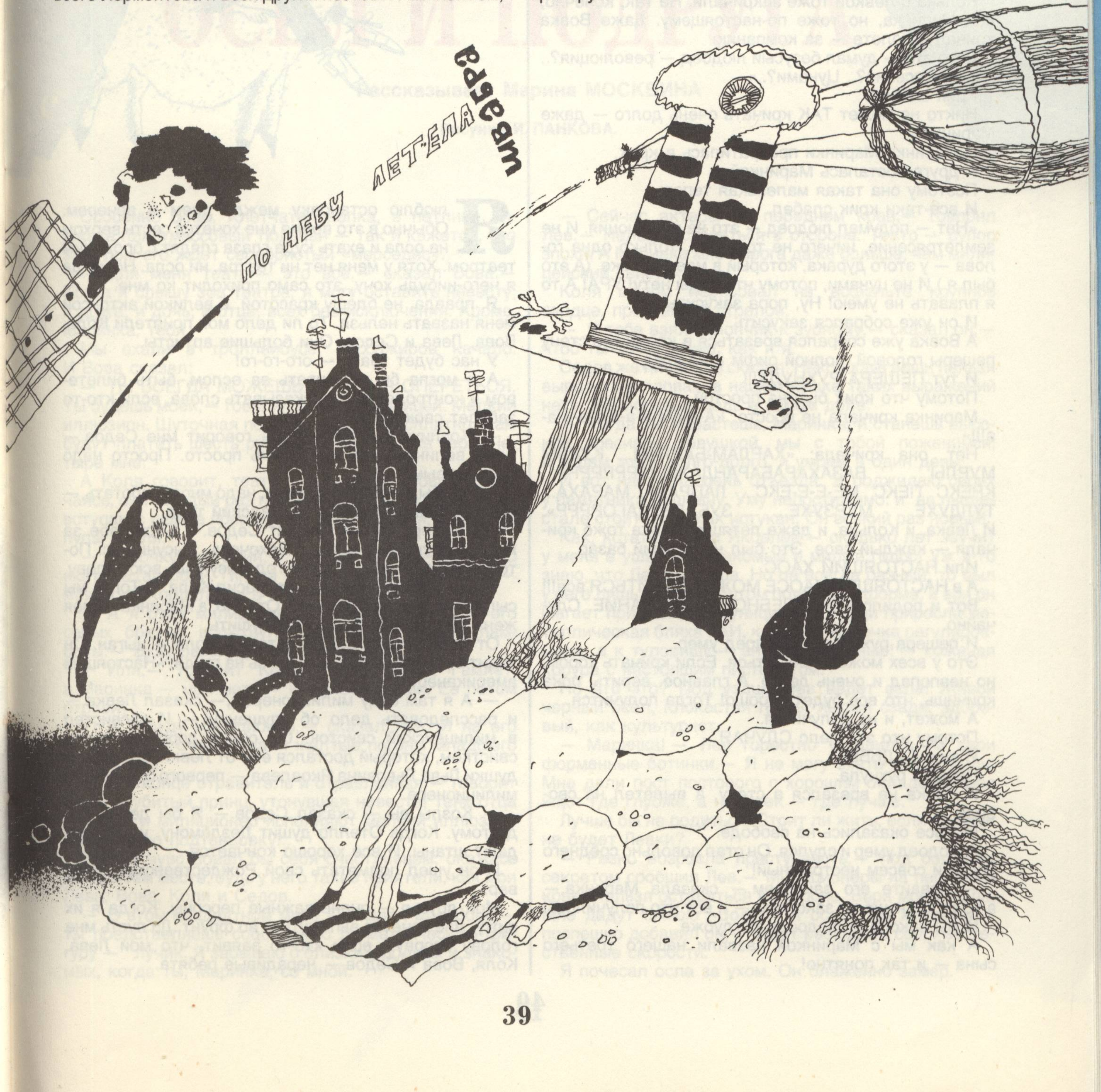
И еще он успел подумать: «Неужели это тоже какой-нибудь Пушкин уже сочинил или Лермонтов, неужели?..» Мы потом прочитаем всего Пушкина, всего Лермонтова и всех других поэтов. И мы поймем, что никто, кроме Вовки, этого сочинить не мог!!! Так что зря он сомневался. Это было уже начало! По воздуху летел НАСТОЯЩИЙ, хотя и начинающий поэт. Но приближалась стена.

«Неужели я ударюсь о нее и разобьюсь? — подумал Вовка.— А кто же тогда сочинит те стихи, которые читала мне Маринка, когда я умирал в этой жуткой пещере?»

Да, Маринка читала Вовке стихи в тот страшный миг — его собственные. Которые он потом сочинит, через много-много лет. Это были ТАКИЕ ПРЕКРАСНЫЕ СТИХИ, что Вовка, если вы помните, даже закружился в танце — закрыв глаза и блаженно.

«Кто же их сочинит, если я разобьюсь? — подумал Вовка и снова зажмурил глаза, потому что стена была уже совсем близко, а скорость его полета была почти первой космической скоростью.— Неужели Маринка обманула меня?.. Неужели?..» — думал Вовка.

Я дрожал. Как осиновый лист. Как заяц. Как настоящий трус.

Людоед собирался откусить мне голову.

А голова тоже дрожала.

Она стукалась о верхние и нижние людоедские зубы.

В полной тишине раздавался этот стук.

Тук-тук-тук-тук-тук-тук...

Что могло меня спасти? Только чудо.

И оно произошло.

Это же чудо спасло и Вовку.

Это же чудо освободило всех!

Этим чудом была Маринка.

И то, что она сделала.

Она заорала!

Она так заорала!

Никогда никто нигде так не орал и не сможет.

Это был КРИК НАСТОЯЩЕГО МАГА.

Людоед замер. Остолбенел. Челюсти свело.

Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук — стучала моя голова.

Людоед даже не моргал. Второй людоедов ус оторвался сам и полетел вниз, как осенний лист.

Колька с Левкой тоже закричали. Не так, конечно, как Маринка, но тоже по-настоящему. Даже Вовка кричал в полете — за компанию.

«Что это,— думал безусый людоед,— революция?.. Землетрясение?.. Цунами?..»

Крик слабел.

Никто не может ТАК кричать очень долго — даже Маринка.

Половинка Маринки превратилась в крик.

А другая осталась Маринкой.

Поэтому она такая маленькая теперь.

И все-таки крик слабел.

«Нет,— подумал людоед,— это не революция. И не землетрясение, ничего не трясется, только одна голова — у этого дурака, который в моем кулаке. (А это был я.) И не цунами, потому что воды нету! УРА! А то я плавать не умею! Ну, пора закусить!»

И он уже собрался закусить. Мной.

А Вовка уже собрался врезаться в каменную стену пещеры головой, полной рифм и надежд.

И тут ПЕЩЕРА РУХНУЛА!!!

Потому что крик был не простой.

Маринка кричала не просто: «А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!»

Нет, она кричала: «ХАРЛАМ-БАРЛАМ... КУРЛЫ МУРЛЫ ВАЗАХАРАБАРАНДАЖАЗАРРРРРРР... КРЕКС ПЕКС МЕ-Е-Е-ЕКС... ЛАПРАХА МАРАХА... ТУЛДУХЕ МУРЗУХЕ... ЗУБАЛЕНДАГОРРРР». И Левка, и Колька, и даже летящий Вовка тоже кричали — каждый свое. Это был настоящий базар.

Или НАСТОЯЩИЙ ХАОС.

А в НАСТОЯЩЕМ ХАОСЕ МОЖЕТ РОДИТЬСЯ все!!!

Вот и родилось ВОЛШЕБНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ. Случайно.

И пещера рухнула. И людоед умер.

Это у всех может получиться. Если кричать хором, но невпопад и очень долго. А главное, верить, пока кричишь, что все будет хорошо! Тогда получится.

А может, и не получится.

Потому что это дело СЛУЧАЯ.

И еще СУДЬБЫ.

Пещера рухнула.

И Вовка не врезался в стену, а вылетел на свободу...

Мы все оказались на свободе.

А людоед умер и сдулся. Он стал довольно среднего роста и совсем нестрашный!

— Давайте его закопаем,— сказала Маринка,— а то его раньше не закопали — и вот что получилось!

И мы закопали людоеда поглубже.

А как мы с Маринкой назвали нашего третьего сына — и так понятно!

Я люблю остановку между днем и вечером. Обычно в это время мне хочется сесть верхом на осла и ехать куда глаза глядят с бродячим театром. Хотя у меня нет ни театра, ни осла. Но когда я чего-нибудь хочу, это само приходит ко мне.

Я, правда, не блещу красотой, и великой актрисой меня назвать нельзя. То ли дело мои приятели Коля, Вова, Лева и Седов. Они большие артисты.

У нас будет театр — ого-го-го!

А я могла бы ухаживать за ослом, быть билетером и контролером, подсказывать слова, если кто-то забудет свою роль.

— Козлиха ты, Маринка,— говорит мне Седов.— Быть великим, как я,— очень просто. Просто надо быть живым.

— Чтобы выглядеть живым, надо много работать,— говорит Лев.— Театр — это адский труд.

— Не верь ему,— говорит Седов.— Стой себе за кулисами сколько влезет. Захочешь, высуни нос. Потом появятся уши. А через год высунешь всю голову.

— Но только с шеей,— попросил Коля.— Тогда мы сыграем Шекспира. Чур я — Отелло, а Маринка — моя жена Дездемона. Я буду ее душить.

От Коли пышет, как от батареи. Коля — цыган. Он ходит в рыжей майке, и надпись на груди: «Настоящий американец».

— А я там буду милиционером,— сказал Левка,— и расследовать дело об удушении! — И засвистел в милицейский свисток. Он очень дорожил своим свистком, который достался ему от Левкиного прадедушки Льва Львовича Яковлева — первого советского милиционера.

— Козлы вы,— сказал Седов.— Я бы делал по-другому. Когда Отелло душит Дездемону, у него падают штаны. И все хорошо кончается.

И он ушел подметать свой Рождественский бульвар.

Мои друзья — очень важные персоны. Когда я их вижу, мне хочется вытянуться во фрунт. Да пусть мне голову оторвут, если кто-то заявит, что мои Лева, Коля, Вова и Седов — нерадивые ребята.

ЧАСТЬ 4, которая называется

ЧЕТЫРЕ ДРУГА, ОСЕЛ И ПОДРУГА

Рассказывает Марина МОСКВИНА

Рисунки И. ПАНКОВА.

Особенно Вова. Клетчатая кепка, в петлице пиджака пластмассовый тюльпан — так и кажется, что за углом его ждет серебристый «мерседес».

— Для меня театр — это все,— сказал Вова.— Когда я слышу зов театра, я могу оставить невесту, и друга, и дочь, и отца, всех без исключения. Кроме, Маринка, тебя.

Мы ехали в троллейбусе, пассажиров качало. И Вова сказал:

— ТЫ ВСЕГДА МОЖЕШЬ НА МЕНЯ ОПЕРЕТЬСЯ. Ты будешь моей,— говорил он,— напарницей. Мелкий иллюзион. Шуточная подтанцовка. Небесплатно. Нам будут платить шесть рублей за выход. Два тебе. Четыре мне.

А Коля говорит, театр — это море крови. Встречаясь, они каждый раз препираются. Я же никогда не вступаю с ними в пререкания. Ведь все они, я считаю, пупы земли.

— Парочку трагедий,— говорит Коля,— и можно ехать на гастроли. Типа: я — король Лир, а Маринка — моя дочь Корделия. Ее потом повесят.

— А я буду милиционер,— сказал Лев, и на его серых брюках вспыхнули алые милицейские лампасы.— Буду расследовать это дело.

— Или,— говорит Коля,— я — принц Гамлет, а Маринка — моя мать — королева Дании. Ее потом отравят.

— А я буду милиционер,— сказал Лев. И на его плечи прямо с неба упали желтые погоны младшего лейтенанта.

— А в конце отравитель и отравленная,— говорит Вова,— убитый принц, утонувшая невеста, тень отца Гамлета и милиционер исполняют мелкий иллюзион и шуточную подтанцовку!..

Всякий чувствовал бы себя счастливцем, окажись он на моем месте, будь у него такие приятели, как мои Лева, Вова, Коля и Седов.

— В этом квадратном мире,— сказал мне Вова,— ты представляешь собой иную геометрическую фигуру — лучик. Я забываю о близких, родных и знакомых, когда ты, Маринка, со мной.

— Сейчас актеры на переднем крае,— говорил Лев.— Нельзя оставаться в стороне. Театр — рупор эпохи. А Маринка мне дорога даже больше, чем милицейский свисток.

Коля мелом нарисовал на асфальте крупное сердце, пронзенное стрелой.

— Я тебе взял талончик к зубному,— сказал он,— чтоб ты жила вечно, как и я.

Седов же ничего не сказал. Некоторые вещи нельзя выразить в словах, в нашем языке таких выражений нету. Не скажешь ведь в самом деле:

— Когда ты вырастешь, Маринка, и станешь высокой красивой девушкой, мы с тобой поженимся, и будем жить долго-долго, и умрем в один день.

И вот наступил день отъезда. Я поджидаю своих у памятника Пушкину. Уму непостижимо: и на пьедестале стоит он не как истукан. Он всякий раз новый!..

Как, кстати, Левка Яковлев — сколько лет звучит у меня в ушах его знакомый и милый голос! Уж я-то знаю, что Лев за птица. Но он всегда разный: то был у него лишь свисток, потом появилась форма, а вон он шагает при полной амуниции — к груди приросла металлическая бляха ГАИ, к руке — палочка регулировщика, а к туловищу — ангелы небесные! — кожаная кобура с настоящим пистолетом.

Но что это? Под уздцы Лев ведет осла! Живой черный осел, клокастая грудь, лысый сзади, здоровый, как культурист.

— Маринка! — Лев горестно уставился на свои форменные ботинки.— Я не могу ехать на гастроли. Мне дали пост постового с хорошим окладом. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше.

Лучше бы не родиться! Стоит ли жить, если со мной не будет Левки?

— Резко возросла преступность,— под большим секретом сообщил Лев.— Милиционеры на переднем крае. Нельзя оставаться в стороне. Бери моего осла. Мне дадут синюю «Волгу». А ослы при желании,— поспешно добавил он,— могут развивать сверхъестественные скорости.

Я почесал осла за ухом. Он блаженно замер.

— Ты не гляди, что он сзади лысоват,— сказал Лев.— В это время года они обычно линяют.

— Дай хоть из пистолета пострелять,— говорю.

— Не могу,— развел руками Лев.— Я при исполнении...

Я прождала целую вечность, хотя, может, прошло всего несколько секунд, когда на горизонте появился Вова. Он катил телегу с оглоблями, а в телеге лежала сбруя.

— Вперед, Маринка! — сказал Вова.— Сбывается моя мечта! С тобой! Театр! Все дни и ночи на колесах!.. Гори все синим пламенем!

Он впряг в телегу осла.

— Погоди,— говорит, — минутку. Мне надо позвонить. У тебя нет двушки?

А у меня столько двушек — весь мир могу обзвонить. Я дала ему все. Зачем они? Завтра в это время мы будем далеко-далеко. Будем гулять везде, фотографироваться, театр открыт — актеры играют на улице. Как говорит Седов, кинь в нас свой помидор! Играй вместе с нами, пой, плачь, танцуй, целуйся, дерись! Все могут, как мы, каждый. Но у нас должна быть своя тайна.

— Алe! — говорит Вова.— Оля? Это Вова. Ну как вы там живете? Разъединили. Оля? Это Вова. Как вы живете? Это Вова. Позови Юлю. Юля, это Вова. Ну как вы там живете?

— Вова! — позвала я.

— Что вы там делаете с телефоном? — кричал Вова.— Юля! Позови Олю!

Я ждала и ждала, пока меня не осенило, что Вова никогда не выйдет из этой будки. Он прозвонит здесь всю жизнь. Когда мы вернемся в глубокой старости, покорив мир, мы найдем его тут, еле слышно бормочущим:

— Юля, это Вова. Как вы живете? Позови Олю.

И у меня не хватило духу подойти к нему попрощаться.

Давай теперь к Кольке, осел! Ничего, мы еще отпляшем качучу. Мы сыграем Дон-Кихота. Колька — Дон-Кихот. Седов — его конь Россинант, ты — осел, а я — Санчо Панса — оруженосец, влюбленный в Кольку, слуга, который не получает жалованья, а только обещания какого-то призрачного острова.

Я позвонила в дверь. Колькин вид поверг меня в смятение. Он был огромен! Как бессарабский купец в полосатых брюках, с пузцом, с седою бородой и в майке, которую можно купить в одном лишь магазине «Богатырь», с картинками из жизни туземцев Таити.

— Маринка,— он сказал,— мне что-то ни с того ни с сего исполнилось восемьдесят лет. Меня выбрали президентом Академии наук. Вон мои дочери,— зашептал Колька.— Гляди, какие дородные.

Три Колькиных дочери, мужья дочерей, внуки, правнуки щелкали орехи, жевали груши и лопали, как картошку, клюкву в сахарной пудре.

Мне захотелось убежать, но я подумала, что этим напугаю Колю. А он наверняка нуждается в моей поддержке. Поэтому я сказала, сохраняя спокойствие:

— Возраст нешуточный. Береги себя, Николай.

А он:

— На тебе, Маринка, денег на жизнь. Это маленькая сумма, если тратить безрассудно, и это целое состояние, если не делать больших расходов.

Где мой Седов??!!!

Иногда я представляю: я — вся в белом — иду по Рождественскому бульвару, сворачиваю в Малый Кисельный переулок, и там — в Кисельном — потрясенный мною дворник Седов с метлой из ДЭЗа номер один.

Как я живу?! Я живу на вулкане. В любой момент я готова выйти из дома в сад и взлететь над вишнями. Но когда со мной Седов — я ничего не боюсь. И никого! И я сказала ему об этом. А он ответил:

— После твоих слов должен выскочить тигр и сожрать нас обоих... Да, и учти,— добавил он,— я буду гораздо главнее тебя. Главнее и первее.

— Идет,— говорю я.

Мы поехали на ярмарку и купили антоновских яблок, горячий хлеб, яблочный пирог, винограда без косточек и мед — липовый и гречишный.

Из парка доносилась музыка, и мы туда свернули — взглянуть, что делается, чтобы не прошляпить праздник.

— Ух ты! — говорил Седов, останавливая осла у каждого дерева.— Ух ты-ы!..— говорил он около дубов.— Ух ты-ы-ы!..— около осин и берез.— И ты говори «Ух ты!» — велел он мне.— Дереву это приятно.

Впереди показался «японский» садик. Его охранял милиционер.

— Куда? — В милиционере, охраняющем садик, мы узнали Льва.— Надо покупать билеты на экскурсию!

— Пусти бесплатно,— попросили мы.

— Ведь сегодня праздник,— сказал Седов.— Праздник обнюхивания сакур.

— Цветы сакур опрысканы ядохимикатами,— твердо сказал Лев.

Над нами летали утки. На эстраде играл оркестр. Белый клоун расхаживал с голубым пулеметом. Он стал зазывать на сцену из публики.

— Маринка, ты здесь? — спросил Седов.

— Я тут,— говорю.— Я с тобой.

— А ну-ка подержи мои сандалии!

И он пошел своей удивительной походкой — походкой человека, который никуда не идет.

Клоун выстроил в ряд всю компанию, вскинул игрушечный пулемет и прицелился.

— Трах-тах-тах! — застрочил барабан.

Наши из публики повалились как подкошенные. Оркестрик грянул финал. Концерт окончился, все встали и ушли. Один Седов остался лежать на сцене с пробитым сердцем.

— Пам-пам-пам-дру-ту-ту-ту-ту! — Кто-то с факелами на шапках появился из-за деревьев. Боже правый, да это горят сами шапки! Горящее колесо с горящими спицами катится по их следам. Шум, гам, галдеж, такого светопреставления Москва не видела с пожара 1812 года.

Небритый лилипут из аргентинского шапито страшным басом устроил скандал продавщице кваса, она не дала мальчикам попить.

— Вы чего? — кричал он.— Старым людям кваса не даете в порядке очереди?! — И банку сует.

Бродячие актеры заняли город, воду, землю, воздух, дома, руины, площади, церкви, аэропорты, мосты, витрины, балконы, крыши, лифты, трамваи, Комитет государственной безопасности и Птичий рынок.

Не отставай от них, осел! Мы так этого ждали с Левкой, Вовой, Колей и Седовым. Но только вот что я тебе скажу: тот, кто ты хочешь, чтоб был рядом,— РЯДОМ. Да лопни мои глаза, если вон те четверо не они!..

— Тебе померещилось, Маринка,— сказал осел.

— Козел ты! — говорю я.

Наутро в «Правде» напечатали заметку:

«По Москве прошел караван странствующих театров мира».

И фотография: уходящие фургоны, автобусы, пикапы, в хвосте — осел, его ведет Седов, потом шагает Левка в штатском, за Левкой — Вова, рядом с Вовой — Коля. А на телеге — я: сижу и машу шляпой.

ЧАСТЬ 5

Похищение Маринки, или Четверо идут по следу

Окончание безумного детектива. Начало было чуть раньше.

Николай ЛАММ

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

ГЛАВА VII.

«ПОЧЕМ НЫНЧЕ «РОЛЛС-РОЙСЫ»?»

Мы позвонили в квартиру Хорошенькой-Прехорошенькой один раз. Потом второй. Потом третий. Но дверь никто не открывал.

— Звони в четвертый. И подольше,— посоветовал мне Седой.

— Хватит трезвонить, все равно не открою,— раздался тут голос из-за двери.

— Почему? — удивился я.

— Потому что «потому» оканчается на «у». Не велено, вот и не открою.

— А вы кто? — спросил у голоса Вован.

— А вы кто? — спросил, в свою очередь, голос.

— Мы — следопыты. А вы Хорошенькая-Прехорошенькая?

— Нет, я Хорошенький-Прехорошенький, ее сын.

— А где же Хорошенькая-Прехорошенькая? — продолжал допытываться Вован.

— Ее нет дома. Она уехала покупать автомобиль марки «Роллс-Ройс», импортный видеомагнитофон «Буратино» и тридцать кооперативных пирожных «Бизе». И велела без нее никому дверь не открывать.

— А когда она уехала?

— Рано утром.

— И когда вернется?

— Обещала вернуться ровно в семь вечера.

Мы не могли ждать до этого времени. Мы должны были во что бы то ни стало спасти нашу Маринку до шести часов. Отсутствие Хорошенькой-Прехорошенькой обрывало последнюю ниточку в нашем расследовании. Однако Вован не терял надежды:

— Послушайте, Хорошенький-Прехорошенький, а вы правда один дома?

— А чего мне врать-то?

— И совсем-совсем никого, кроме вас, нет?

— Сказал же: нет.

— Ну, извините. До свидания.— Теперь и Вован потерял всяческую надежду.

Чуть не плача, склонив головы, спускались мы по лестнице. Прости нас, Маринка. Ты, наверное, надеялась на нас. Ожидала нашей помощи. А мы... Мы не смогли тебя спасти. И нет нам прощения! Но, поверь, мы старались, мы изо всех сил старались тебе помочь!

— Эй, следопыты! — вдруг донеслось до нас откуда-то сверху. Мы задрали головы. Из окна второго этажа на нас смотрела незнакомая толстая физиономия.

— Это я, Хорошенький-Прехорошенький,— сообщила она.— А у вас видеокассеты «Детство Рембо» случайно не найдется?

— Не найдется,— ответил Седой.

— Тьфу ты,— ответили Вован, Лева и я, потому что поначалу подумали, будто Хорошенький-Прехорошенький решил сообщить что-то важное.

Мелькнувшая было надежда вновь развеялась как дым. Бедная, бедная Маринка! Кто же теперь споет нам все песенки до конца? Кто же теперь назовет нас нежно и ласково — «ребя»? Нет, никогда у нас больше не будет столь замечательной подружки!

Так думали Лева, Седой и я и шли понурив головы, смотря себе под ноги. А Вован хоть и думал так же, как мы, но смотрел не под ноги, а по сторонам. И, оказалось, правильно делал.

— Стойте,— неожиданно остановил нас он.— Смотрите.

Мы остановились и послушно уставились на витрину, куда указывал Вован. Но ничего интересного там не увидели. Витрина как витрина.

— Вы что, ничего не замечаете? — удивился Вован.

Сам он, видимо, заметил что-то очень важное, потому как очень внимательно глядел то на витрину, то почему-то в телеграмму, которую мы так и не донесли до Маринкиных родителей.

— По-моему, я знаю, кто похитил Маринку,— наконец сказал он.

Мы ничего не могли понять. Какое отношение имеет витрина к похищению Маринки?

— Только нужно на всякий случай еще все проверить,— продолжал Вован,— Коляма, ты не знаешь, сколько стоит «Роллс-Ройс»?

— Не знаю,— сознался я.

— Тогда возьми с собой Седого и быстренько узнай! Заодно узнайте и сколько стоят кооперативные пирожные «Бизе», тридцать штук.

— Это я и так знаю,— отозвался Седой.— Одно пирожное стоит тридцать копеек. А тридцать пирожных стоят в тридцать раз больше.

— Хорошо,— сказал Вован.— Я сейчас подсчитаю, а вы пока выясняйте про «Роллс-Ройс».

И мы с Седым побежали выяснять, гадая на ходу, для чего вдруг Вовану понадобились «Роллс-Ройсы»? Но, добежав до первого угла, вдруг поняли, что абсолютно не знаем, где и у кого это можно выяснить. Решили спрашивать у всех прохожих подряд:

— Гражданка, извините, почем нынче «Роллс-Ройс»?

— Дяденька, вы случайно не знаете, какая цена у «Роллс-Ройса»?

— Бабушка, не подскажете, сколько стоит «Роллс-Ройс»?

Никто из прохожих цен почему-то не знал. Лишь один молодой человек, похожий на студента, предположил:

— Наверное, тысячу. А может, две. Или даже три.

— Точнее не знаете?

— Точнее не знаю.

И нам с Седым пришлось ни с чем возвращаться к Вовану.

— Узнали? — еще издали заорал он.

Мы с Седым расстроенно закачали головами.

— Эх, вы,— рассердился Вован.— Никакого дела поручить нельзя. Хорошо хоть я на вас не понадеялся и послал Левку в сберкассу лотерейные таблицы смотреть. Там все цены указаны. Но, по-моему, «Роллс-Ройс» стоит ровно четыре тысячи девятьсот девяносто один рубль.

Мы смотрели на Вована и по-прежнему ну ничегошеньки не понимали. Тут, пыхтя под тяжестью сумки с Анри-Барбосом, появился Лева.

— Я все узнал! — кричал он радостно.— «Роллс-Ройс» стоит четыре тысячи рублей.

Вован аж посерел. На него даже смотреть стало страшно. Но Лева и не смотрел, он был весь под впечатлением только что выполненного задания.

— Но это государственная цена,— продолжал он.— И за такую цену его купить очень трудно. Поэтому спекулянты в соседнем городе продают их за четыре тысячи девятьсот девяносто один рубль.

— Ура! Все сошлось! — завопил Вован.— Теперь Маринка спасена!

— Да что сошлось-то? — не выдержали мы с Седым.— Можешь ты объяснить наконец по-человечески?

— Все очень просто.— Лицо Вована сияло теперь, как алюминиевая сковородка.— Маринку похитила Хорошенькая-Прехорошенькая.

— А мои ботинки тоже она? — заинтересовался Седой.

— Конечно, она.

— Откуда ты знаешь?

— Смотрите, вот телеграмма, в которой похитители требуют выкуп — шесть тысяч восемьсот семьдесят пять рублей 43 копейки. Мне сразу эти сорок три копейки показались подозрительными. Потом мы узнали, что Хорошенькая-Прехорошенькая отправилась покупать автомобиль «Роллс-Ройс», импортный видеомагнитофон «Буратино» и тридцать кооперативных пирожных «Бизе». Теперь взгляните на витрину. В ней как раз стоит видеомагнитофон «Буратино». И цена его,— Вован поднял указательный палец,— ровно тысяча восемьсот семьдесят пять рублей сорок три копейки, поняли?

— Не-а,— признался Седой.

— Ну как же? — расстроился Вован.— Следите внимательно за ходом моих мыслей. Тут, на витрине,— сорок три копейки. И там, в телеграмме,— сорок три копейки. Как я это увидел, у меня в голове будто что-то щелкнуло и повернулось. Я взял и вычел из суммы выкупа стоимость видеомагнитофона. Из оставшихся денег отнял еще девять рублей — цена тридцати пирожных. Получилось четыре тысячи девятьсот девяносто один рубль. Но столько, как сейчас выяснил Лева, стоит у спекулянтов «Роллс-Ройс». Значит, чтобы Хорошенькая-Прехорошенькая могла приобрести все те вещи, которые она обещала сыну, ей нужно именно 6875 рублей 43 копейки. И ровно такую сумму требуют похитители. Понимаете? Мало того, Хорошенькая-Прехорошенькая обещала быть дома в семь часов. То есть через час после передачи выкупа за Маринку. Давайте считать. Пять минут из Загорода в соседний город, пятнадцать минут — чтобы купить «Роллс-Ройс», двадцать — чтобы доехать до нашего города, десять — чтобы купить видеомагнитофон, и еще десять — чтобы купить пирожные и добраться до дома. Как видите, все сходится! Ну а ботинки они просто так забрали. Попутно. Потому что они им понравились.

Ай да Вован! Так все подсчитать! Да это никакому Шерлоку Холмсу с братьями Вайнерами не под силу.

— Нашему Вовану,— заорал во всю глотку Седой,— троекратное гип-гип!..

— Ура! Ура! Ура! — дружно подхватили мы.

Вован раскраснелся, потупил взгляд и начал зачем-то ковырять носком ботинка асфальт.

— Хорошо, что я папины часы захватил,— сказал он.— С ними считать можно быстро.

Вот какой у нас, оказывается, Вован скромный! Мол, это не он сам все вычислил, а папины часы ему помогли. Да мне, Леве или Седому хоть тысячу таких часов дай, все равно мы так вычислять не научимся.

— Ну что теперь делать будем? — спросил заметно развеселившийся Лева.— Пойдем в милицию и все доложим?

— К сожалению, нельзя,— замотал головой Вован.— Вы забыли, что мы пока не знаем, кто двое других соучастников преступления. Вдруг Маринку вовсе не на квартире у Хорошенькой-Прехорошенькой прячут? Милиция нагрянет, никого не найдет и уедет отдыхать в свое отделение. А бандиты затаятся, опасность переждут и что-нибудь плохое Маринке сделают. Поэтому нам надо сначала точно разведать, где Маринка — у Хорошенькой-Прехорошенькой или нет?

— Попробуй разведай, если сынок никого в дом не пускает? — махнул рукой Седой.

— А давайте ему «Скорую» вызовем, если милицию нельзя! — предложил Лева.

— Он скажет: никого не вызывал — и дверь не откроет,— отверг Левину идею Вован.

— Тогда пожарников! — не сдавался тот.

— Дались тебе сегодня эти пожарники. Да не пустит он их, так же как и «Скорую»!

— А вы знаете,— неожиданно для самого себя сказал я,— кажется, я придумал.

ГЛАВА VIII.

КОТ АНРИ-БАРБОС IV БЕРЕТ СЛЕД

Для выполнения моего плана нужен был один рубль. Он нашелся у Седого. И Седой его не пожалел, отдал. Хотя уже почти год копил этот рубль, чтобы приобрести себе в «Военторге» настоящие солдатские погоны.

Вместо погон мы купили пачку бумаги, клей, кисточку и четыре простых карандаша. Теперь дело оставалось за малым: наточить карандаши, написать ими на листочках объявления, а листочки расклеить по всему городу.

Мы управились за 63 минуты по точным часам папы Вована. А как управились, поспешили к дому Хорошенькой-Прехорошенькой. Там уже собралась огромная толпа. Мой план начинал действовать.

Собственно, он был очень простым. Весь фокус — в объявлениях. А в них всего несколько слов: «Срочно продается новый импортный видеомагнитофон «Буратино», цена — 25 рублей. Просьба в дверь не звонить, а стучать». И адрес Хорошенькой-Прехорошенькой.

Понятное дело, прочтя объявление, все захотят такой видеомагнитофон. И побегут стучать в дверь к Хорошенькой-Прехорошенькой. Либо они дверь эту сломают, либо милиция приедет разбираться, в чем дело. И в том, и в другом случае квартира окажется открыта, и можно будет проверить: там Маринка или нет.

При этом все главные условия были соблюдены: мы милиции про Маринку не сообщали, сами в квартиру не прорывались, бандитов не вспугивали. Могли просто сидеть и ждать, какой из двух возможных случаев произойдет. Что мы и стали делать. А толпа все росла и росла. Можно только себе представить, что там творилось у двери.

Вдруг к дому подъехала на мотоцикле крепкая такая тетенька, слезла с него и стала пробираться к подъезду. Тетенька показалась мне знакомой, кого-то она напоминала. Я даже Вовану об этом сообщил. Но Вован сказал, чтоб я не отвлекался, а внимательно следил за толпой. И я стал следить за толпой, которую как раз в тот момент сильно раскидала та самая тетенька. Затем она проникла в подъезд, и я про нее забыл. Но ненадолго. Потому что через пару минут она выскочила обратно на улицу, неся на плече мальчика. Небольшого, толстенького. Того самого — Хорошенького-Прехорошенького.

— Вперед, за ней,— скомандовал Вован, и мы побежали.

Первым бежал Седой. Потому что был без ботинок. И так разогнался, что с налету врезался в тетеньку, когда та садилась на мотоцикл. Седой упал. Мотоцикл с грохотом рванул с места. Под его колесом что-то громко треснуло. В Левиной сумке заскулил и забился кот Анри-Барбос.

Лева начал успокаивать кота, а мы с Вованом — поднимать Седого. Седой плакал.

— Что, больно? — спросил я.

— Нет, не больно,— ответил Седой.— Пузырек жалко.

— Какой пузырек?

— С валерьянкой. Который у мамы для опытов взял. Он, когда я падал, из кармана выпал. А она его мотоциклом переехала.

— Ребята,— вдруг задумчиво сказал Вован,— а вы знаете, по-моему, это была Хорошенькая-Прехорошенькая.

И тут до меня дошло:

— Вован, помнишь, я тебе говорил, эта тетенька мне кого-то напоминает. Так вот, я теперь вспомнил кого. Того утреннего похитителя с бородой. Только она без бороды.

— Точно, напоминает,— подтвердил Лева.

— Эх, а мы ее упустили! — хлюпнул носом Седой.

Вован посмотрел на маленькую лужицу с осколками пузырька, на Левину сумку, в которой никак не мог успокоиться Анри-Барбос IV, и еще раз доказал, что не зря мы весь день им восхищаемся.

— А вот и не упустили. Лева, у нас Анри-Барбос в ошейнике?

— В ошейнике.

— И с поводком?

— С поводком.

— Тогда выпускай его из сумки. Только поводок держи крепче. Он нас сейчас прямиком на Хорошенькую-Прехорошенькую выведет.

— Как это? — не поняли мы.

— Да ведь Анри-Барбос даже капельку валерьянки из-под земли чует. А Хорошенькая-Прехорошенькая целый пузырек переехала. Теперь ее мотоцикл по всей дороге валерьяновый след оставляет. Анри-Барбос и поведет нас по этому следу.

Лева тотчас выхватил из сумки кота.

— След, Анри, след! — закричали мы.

Слизнув остатки валерьянки вокруг разбитого пузырька, Анри-Барбос IV бодро рванул по следу. Мы, естественно, рванули за ним.

Бежали долго. По улице, по переулку, по проспекту, по шоссе, по проселочной дороге...

И пока мы бежали, я о многом успел подумать.

Сначала я думал: как хорошо, что мотоциклы все-таки по дорогам ездят, а не по разным свалкам и буеракам. Потому что Анри-Барбосу свалки и буераки нипочем. Он бы и там след своей валерьянки отыскал. А нам бегать по свалкам и буеракам очень неудобно.

Потом я подумал, какой Вован у нас умный. А Маринка — хорошая. И Лева с Седым — хорошие. И я, наверное, тоже неплохой. Иначе почему бы они со мной дружили?

А еще я подумал, что никогда больше не буду судить о людях по фамилии. Ничего, оказывается, фамилия о человеке не говорит. Вон Дракон Горынович! Уж какая у него фамилия гадкая, а он к хорошему тянется. А у Хорошенькой-Прехорошенькой, наоборот, фамилия замечательная, а сама она...

Эту мысль я додумать не успел, потому что мы прибежали на окраину знаменитого дачного поселка Загород.

Дальше Анри-Барбос бежать отказался. То ли устал, то ли запах валерьянки с дороги улетучился, то ли и то, и другое, вместе взятые. Только лег наш Анри-Барбос на землю и заснул. Пришлось Леве снова его в сумку класть.

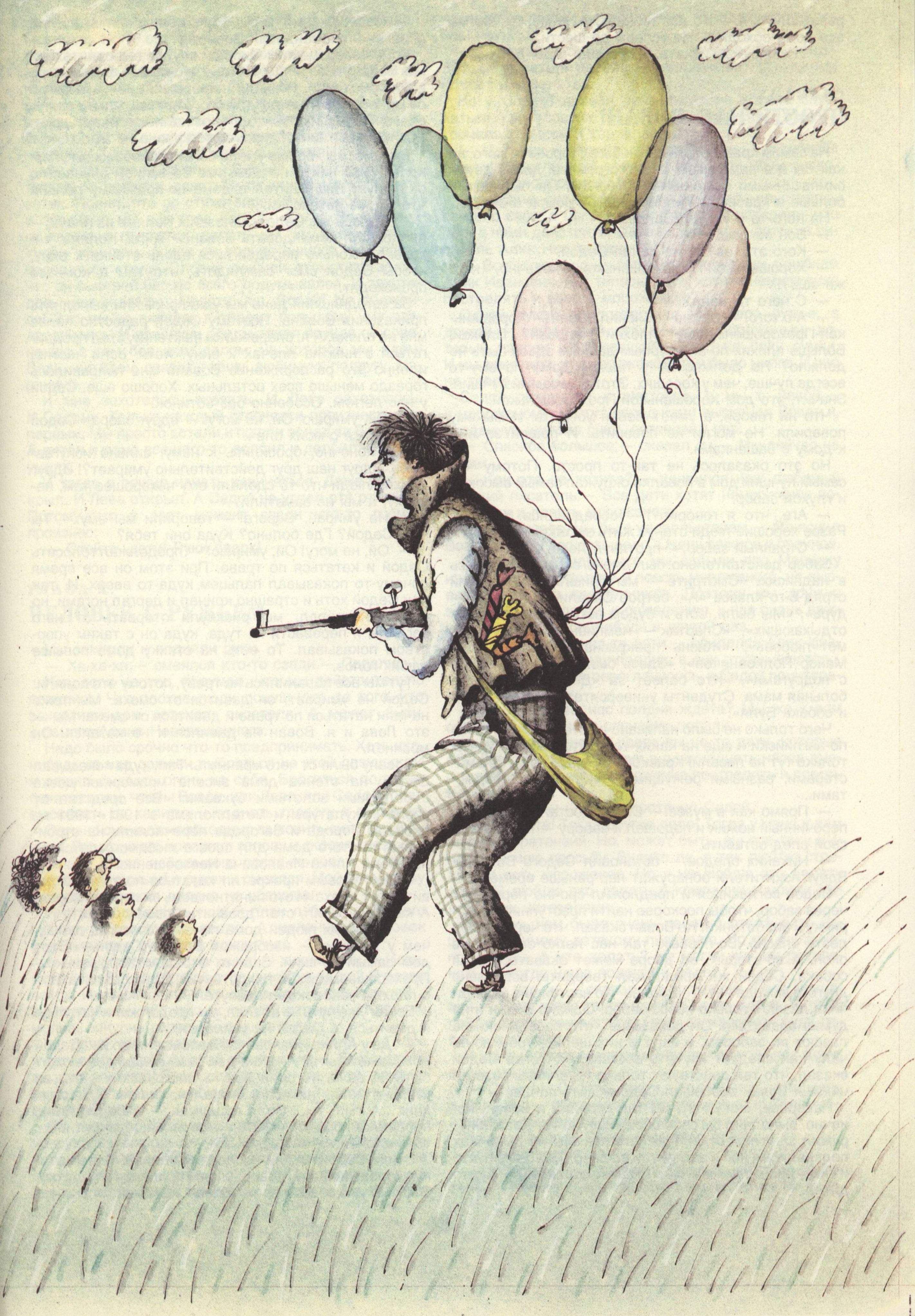
Но, главное, мы не знали, что же делать дальше. Стояли и смотрели на дачный поселок, на веселенькие домики с железными и черепичными крышами, на глухие заборы и аккуратные штакетники, на холм за маленькой березовой рощицей, посередине которой возвышалась старая водонапорная башня. Однако весь этот вид, честно говоря, не радовал.

— Ничего,— утешил нас и сам себя Вован.— Главное, мы знаем, что Хорошенькая-Прехорошенькая и, видимо, Маринка где-то тут.

— А если они просто по этой дороге дальше поселка проехали? — усомнился я.

— Дальше не могли,— сказал Лева.— Я это место хорошо знаю. Здесь мой детский сад был. Дальше дороги нет. За тем вон холмом с башней будет дуб, под который надо выкуп класть, а потом болото начнется...

— Хорошо, предположим, они даже здесь,— стал

размышлять я.— Но как их найти? Не можем же мы все дома обходить. Не успеем до шести.

— Я знаю, как искать,— прервал меня Вован.

ГЛАВА IX.
ПРОСТИ НАС, ВОВАН!

На самом краю поселка, как бы в стороне от него, но как бы и в нем самом, стоял огромный дом с двумя симпатичными башенками по бокам. Он был выше, больше и красивей всех остальных домов в округе.

На него-то и указал Вован:

— Вон ее дом!

— Кого это, ее? — не понял Седой.

— Хорошенькой-Прехорошенькой, конечно, кого же еще?!

— С чего ты взял?

— А с того! — важно объяснил Вован.— Хорошенькая-Прехорошенькая — плохой человек? Плохой! Больше плохих по агентурным данным здесь быть не должно? Не должно. А у плохих дома почему-то всегда лучше, чем у хороших. Этот дом самый лучший. Значит, это дом Хорошенькой-Прехорошенькой.

Что ни говори, а умеет Вован убедить. И мы ему поверили. Не могли не поверить. И пошли за ним к дому с башенками.

Но это оказалось не так-то просто. Потому что самый лучший дом в поселке окружал самый высокий и глухой забор.

— Ага, что я говорил?! — обрадовался Вован.— Разве хорошие люди станут жить за таким забором?!

— Странный забор,— протянул Лева.

Забор действительно был очень странным — весь в надписях: «Смотрите — мы пришли. Пионерский отряд 6-го класса «А», остров Сахалин», «Светка — дура», «Мы были, есть и будем есть. Группа хорошо отдыхающих», «Спартак — чемпион», «Соня+Магомет=любовь», «Жизнь прекрасна и удивительна! Майор Полковников», «Здесь был писатель Иванов с подругами», «Кто болеет за «Динамо» — у того больная мама. Студенты университета», «Витя, Катя и собака Буля».

Чего только не было написано на этом заборе! Даже по-английски и еще на каких-то других языках. И чем только тут не писали! Краской, карандашами, фломастерами, разными режущими и колющими предметами...

— Прямо как в музее.— Седой достал из кармана перочинный ножик и подошел к забору.— Надо и нам свой след оставить.

— Никаких следов,— остановил Седого Вован.— Вдруг похитители обнаружат нас раньше времени.

Седой согласился и предложил срочно перелезть через забор, чтобы поскорее найти преступников, Маринку и его ботинки. Но Вован сказал, что через забор лезть опасно. Во-первых, так нас легко заметят из окон. А во-вторых, во дворе может оказаться злая собака. Седой же продолжал твердить: все равно другого выхода нет. Тем более что настоящие разведчики лазают только через забор. Однако Вован и не думал сдаваться. Он доказывал, что разведчики не лазают по заборам, а ищут в них щели, чтобы поначалу как следует изучить обстановку. Тогда Седой сказал, что так действуют только трусливые разведчики. А Вован пообещал Седому дать по шее.

Наверное, они долго бы так спорили и Вован, конечно, выполнил бы свое обещание, но тут Лева обнаружил за углом открытую калитку. Мы на цыпочках подкрались к ней и заглянули во двор. Там было пусто и тихо. Лишь в доме что-то странно стрекотало. Будто дятел.

— Перебежками по одному к дому и прячьтесь под окнами,— скомандовал Вован.

Кому-то, возможно, было бы трудно выполнить приказ Вована. Но не нам. Потому что мы все фильмы про войну смотрели. И знали: перебежками — это бегом от одного укрытия до другого. И обязательно пригибаясь. Так мы и побежали — от калитки сразу к дому. Других укрытий поблизости все равно не было.

Видимо, мы хорошо умели бегать перебежками, поскольку нас никто не заметил. Во всяком случае, не окликнул. Лишь дятел в доме по-прежнему долбил что-то без остановки.

— Теперь ты, Седой, залезай к Коляме на плечи,— продолжал командовать Вован.— А ты, Коляма, тихонько-тихонько передвигайся вдоль стенки к окну, чтобы Седой смог разглядеть, что там в комнате происходит.

За сегодняшний день мы уже привыкли выполнять приказания Вована. Поэтому Седой радостно полез мне на плечи. А я, оперевшись на стенку, стал продвигаться с ним на плечах к окну. Хотя, если честно, именно это распоряжение Вована мне понравилось гораздо меньше всех остальных. Хорошо еще, Седой у нас легкий. Особенно без ботинок.

— Ой, умираю! Ой, не могу! — вдруг заорал Седой и свалился с моих плеч.

Мы, конечно, бросились к нему, сильно испугавшись. Вдруг наш друг действительно умирает?! Вдруг плохие люди что-то сделали ему нехорошее там, наверху, а мы не заметили.

— Не умирай, Серега! — говорили мы ему.— Ты что, Седой? Где больно? Куда они тебя?

— Ой, не могу! Ой, умираю! — продолжал голосить Седой и кататься по траве. При этом он все время почему-то показывал пальцем куда-то вверх. И, так как Седой хоть и страшно кричал и дергал ногами, но пока не умирал, мы рискнули оторвать от него взгляды и перевести их туда, куда он с таким упорством показывал. То есть на стенку дома повыше наших голов.

Тут мы все повалились на траву, потому что поняли: Седой не умирает, он давится от смеха. Мы тоже начали кататься по траве и давиться от смеха. Мы — это Лева и я. Вован не давился и не катался. Он мрачнел.

Вовану было от чего мрачнеть. Там, куда показывал Седой, на стенке дома висела мраморная доска с большими золотыми буквами: «Все средства от сбора макулатуры и металлолома в 1961—1981 гг. пионеры Города и Загорода перечислили на строительство этого дома для своего любимого детского писателя Алика Ивановича Невзвешенного».

Седой первым прекратил кататься по траве и давиться от смеха. И это понятно: ведь он первым начал. А как прекратил, стал дразнить Вована:

— У плохих людей дома почему-то всегда лучше, чем у хороших,— изображал Вована Седой.— Этот дом самый лучший. Значит, это дом Хорошенькой-Прехорошенькой. Эх ты, детектив! Детского писателя с плохим человеком перепутал!

Вован уже чуть не плакал, мы продолжали кататься и давиться, а Седой не унимался:

— Да у Алика Ивановича Невзвешенного и не такой дом может быть. У него в два раза лучше дом может быть. И даже не один дом, а много. Потому что он столько книг написал... Столько таких классных книг... А ты... Ты... Во, я придумал.— И Седой гордо продекламировал: — Стал Вован наш детективом, только очень-очень вшивым!

Стихи Седого стали последней каплей. Вован втянул голову в плечи, повернулся и поплелся к калитке. Это был уже совсем не тот Вован, который только что

так бодро и энергично вел нас по следу похитителей Маринки. Ноги его двигались еле-еле, словно цепляясь одна за другую, спина согнута, а плечи подозрительно подрагивали. Но он не спешил скрыться за калиткой, наш Вован, он будто бы ждал, что вот сейчас мы крикнем ему: «Да ладно, не переживай! Ты что, шуток не понимаешь?! Ну, ошибся разок! С кем не бывает?! Зато как здорово ты вычислил, что Маринку похитила Хорошенькая-Прехорошенькая!»

Мы посмотрели на спину Вована и прекратили кататься по траве и давиться от смеха. Даже Седой затих. Понял, что со стихотворением переборщил. А в общем-то мы все трое хороши. Когда Вован свои гениальные открытия делал, мы им восхищались, «ура!» кричали. А как он только ошибся, так сразу издеваться стали. Словно решили отомстить за то, что он быстрей нас до всего додумывался. И захотелось нам сказать: «Прости нас, Вован! Не обижайся! Это мы из зависти к твоему большому уму раздразнились! И все наши обиды такая ерунда по сравнению с тем большим делом, на которое мы идем! Ведь мы идем спасать нашу любимую подругу Маринку!»

И мне захотелось сказать. И Леве захотелось. И Седому. Только каждый стеснялся произнести это первым. Мы просто встали и пошли вслед за Вованом. А дятел в доме все чего-то долбил и долбил. И вдруг умолк.

И тогда я решил начать извиняться. Даже рот открыл. И Лева открыл. А Седой не успел рта открыть. Потому что в этот момент сзади кто-то громко произнес:

— Стойте, дети! Руки вверх!

ГЛАВА X.

ЧЕЛОВЕК С РУЖЬЕМ

Мы замерли и подняли руки.

— Ха-ха-ха,— смеялся кто-то сзади.— Попались!

И я, если честно, подумал, что мы действительно попались. Что плохие люди дошли уже до того, что захватили дом детского писателя. А может быть, и самого Алика Невзвешенного.

Надо было срочно что-то предпринимать. Хоть кто-нибудь из нас должен выбраться из этой ловушки. И я решил вызвать огонь на себя. Броситься под ноги похитителям, чтобы Вован, или Лева, или Седой успел выскочить за калитку и поднять тревогу в поселке.

Однако сначала необходимо выяснить силы противника. Я тихонечко повернул голову и скосил глаза. На крыльце стоял небольшого роста человек с самым настоящим ружьем в руках и смеялся. Мой план сразу рухнул. От ружья далеко не убежишь.

Я стал обдумывать новый план побега, но ничего путного в голову не лезло. А маленький человек с ружьем уже суетился вокруг нас.

— Что, испугались, ха-ха-ха! — хихикал он.— Испугались, да? Я что, такой страшный, ха-ха-ха? Я разве похож на Бармалея? Или, ха-ха-ха, на крокодила?

Мы поняли, что путь к побегу отрезан. И стояли молча, понурив головы и подняв руки.

— Дети, вы будете отвечать или нет? — Голос у человека с ружьем стал обиженным.— Да опустите вы руки наконец! Я же пошутил! Вы что, дети, меня не узнали? Я же ваш любимый детский писатель Алик Невзвешенный!

От такого признания мы, честно говоря, обалдели, но руки на всякий случай не опустили. Потому что первый раз видели живого детского писателя и не знали, как они шутят. То ли когда говорят «руки вверх», то ли когда просят их опустить. Но тот, кто назвался Аликом Невзвешенным, начал сам опускать наши руки.

— Опускайте, опускайте,— приговаривал он.— Детские писатели детей не арестовывают. Они с ними играют и веселятся.

Но у Седого правая рука никак не хотела опускаться. Уж человек с ружьем ее и так, и сяк, а она все торчала торчком и торчала.

— Мальчик,— утомившись, сказал он,— из тебя бы получился отличный семафор на одной моей знакомой железнодорожной станции.

После этих слов рука Седого почему-то опустилась сама по себе, а мы все заулыбались и поверили, что перед нами действительно наш любимый детский писатель Алик Невзвешенный.

— Вот и хорошо,— обрадовался нашим улыбкам Алик Иванович.— А теперь, дети, хотите немножечко пострелять и поесть мороженого?

Одной рукой он протягивал нам свое ружье, а другой — вафельный стаканчик с мороженым, который извлек из висевшей у него на боку сумки. И мы заметили, что мороженого там было много. И оно не таяло.

Седой потянулся к винтовке, а мы с Левой — к мороженому. Но тут перед нами выскочил Вован и, раздвинув широко руки, остановил нас.

— Спасибо большое,— сказал он.— Мы сейчас не хотим.

— Как это не хотите? — удивился наш любимый детский писатель.— Все дети хотят немножечко пострелять и поесть мороженого.

— Понимаете, мы бы с удовольствием,— объяснил Вован.— Но у нас есть дело. Очень важное и срочное.

Нам стало стыдно, что мы забыли про Маринку и надумали пострелять и поесть мороженого, не вырвав ее из лап преступников. Поэтому мы дружно закивали: мол, да-да, к сожалению, у нас очень важное дело. Мол, как-нибудь в другой раз.

— Странные какие-то дети,— обиделся Алик Иванович.— Я их тут жду полдня, а они отказываются...

Мы с удивлением переглянулись, а Седой поинтересовался:

— А почему вы нас полдня ждете? Мы же к вам сегодня совершенно случайно попали.

— Как случайно? А разве вы не те дети, которые обещали приехать сегодня в одиннадцать часов вместе с телевидением немножечко пострелять и поесть мороженого?

— Не-ет, мы не те,— протянул Седой.

— Ах, не те! Тогда другое дело! Тогда у меня к вам никаких претензий. Но, может быть, вы все-таки выполните мою просьбу? Видите ли, я так люблю стрелять и есть мороженое. Но я не люблю это делать один. Я люблю это делать в компании с моими маленькими читателями.

Конечно, нам было очень нелегко отказывать нашему любимому детскому писателю. Но мы были непреклонны. А что делать? Не могли же мы развлекаться, когда наша подруга в беде?

— Ну что ж,— сказал на прощание Алик Иванович.— Если у вас такое важное дело, идите. Я тоже пойду делом заниматься. Сяду за машинку, буду повесть дописывать.

И мы было уже совсем вышли за калитку, как вдруг вновь услышали:

— Стойте! Стойте, дети, подождите! Мальчик, а мальчик,— обратился Алик Иванович к Седому,— а почему ты ходишь босиком?

На этот вопрос Седой уже знал ответ:

— Волю воспитываю.

— Молодец,— похвалил Седого детский писатель.— Только здесь так волю воспитывать не надо.

Потому что здесь всю природу осколками от бутылок засорили. Знаешь что, я, по-моему, могу тебе помочь. У меня, по-моему, есть случайно пара сандалий как раз твоего размера. Подожди-ка секундочку...

С этими словами Алик Иванович Невзвешенный исчез в доме, а возвратился оттуда, неся в руках... ботинки Седого:

— Вот, примерь.

— Да чего тут примерять-то?! Чего примерять? И так видно, что в самый раз! — заволновался Седой и быстро-быстро натянул ботинки на ноги. Он так обрадовался башмакам, что даже не задал себе простейшего вопроса: откуда?

ОТКУДА У НАШЕГО ЛЮБИМОГО ДЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ АЛИКА ИВАНОВИЧА НЕВЗВЕШЕННОГО МОГЛИ ОКАЗАТЬСЯ БОТИНКИ СЕДОГО, ПОХИЩЕННЫЕ ВМЕСТЕ С МАРИНКОЙ ХОРОШЕНЬКОЙ-ПРЕХОРОШЕНЬКОЙ?

Зато мы этот вопрос задали. Сначала самим себе. Мысленно. А потом писателю. Вслух. Мол, где это вы такие ботиночки хорошие раздобыли? Но Алик Иванович моментально развеял родившиеся у нас подозрения.

— Откуда у меня ботинки? — переспросил он.— О, это очень странная история. Я утром все время выходил к калитке. Хотел встретить моих маленьких читателей. Ну, тех, которые обещали приехать ко мне вместе с телевидением. А они все не ехали и не ехали. Вот я, значит, стою, жду, и вдруг мимо меня на огромной скорости мотоцикл с коляской пролетает. А с него эти самые ботинки сваливаются. Я их, конечно, быстренько подобрал и стал кричать: «Стойте! Стойте! Вы ботинки обронили!» Они на секунду притормозили, на меня посмотрели, потом ка-ак газанут и за угол. Только я их и видел.

— Значит, вы их все-таки видели? — перебил Алика Ивановича Вован.— Как они выглядели?

Мы замерли, ожидая ответа.

— Не разглядел я их. Я вблизи хорошо вижу. Вдали я вижу плохо. Профессиональная болезнь писателей. Вот так вот. А ботиночки, значит, я взял. Подумал, если им не нужны, может, кому-нибудь из моих читателей пригодятся. И, видите, был прав.

— Но, может быть, вы хоть видели, в какую сторону они поехали? — не унимался Вован.

— Я же сказал — за угол. А это что, ваши знакомые были?

— Да нет. Я так просто спросил.

— Жаль. Я думал — ваши знакомые. Тогда бы вы им ботиночки сами и вернули. Ну, ладно, дети, рад был с вами познакомиться. Заходите, как сделаете ваше дело. Постреляем, мороженого поедим.

Через минуту до нас вновь донеслось знакомое стрекотание. Но теперь мы знали: это вовсе не дятел. Это наш любимый детский писатель Алик Иванович Невзвешенный дописывал на машинке свою новую повесть.

В тяжелом молчании мы шли по Загороду. Казалось, что след Маринки пропал навсегда.

ГЛАВА XI. «ХОЧЕТЕ ВКУСНО КУШАТЬ И КРАСИВО ОДЕВАТЬСЯ?»

— А знаете что? — нарушил молчание Лева.— Давайте залезем на ту водонапорную башню. Она старая и заброшенная. Но с нее все-все дворы Загорода как на ладони видны. Вдруг увидим что-нибудь подозрительное.

Так как других идей все равно ни у кого не было, мы решили последовать Левиному предложению.

Башня стояла посреди березовой рощи на высоком холме. К ней вела весьма подозрительная старая-престарая деревянная лестница. А рядом в траве была протоптана вполне приличная тропинка. Мы решили идти по тропинке. Но Седой вдруг идти отказался.

— Это почему? — грозно посмотрел на него Вован. Он, видимо, еще не забыл, какое обидное стихотворение сочинил про него Седой.

— Понимаете,— ничуть не смутившись, стал объяснять Серега.— Вы так загрустили после разговора с Аликом Ивановичем, что мне при вас радоваться неудобно. А я еще на ботиночки свои любимые нарадоваться не успел. Так что вы идите, а я тут сяду, ботиночки сниму, полюбуюсь ими и нарадуюсь вдосталь в одиночестве.

Вован с Левой очень рассердились. И даже снова захотели дать Седому по шее. Но я за него заступился.

— Ладно, пусть остается,— сказал я.— Вдруг мы там на башне в засаду попадем? Должен же кто-то на «атасе» стоять. Пусть Седой и стоит.

— Хорошо, пусть стоит,— согласился Вован.

— Только я буду не стоять, а сидеть на «атасе», можно?

— Сиди,— махнул рукой я, и мы полезли по тропинке наверх. А Седой уселся на траву, снял ботинки и начал ими любоваться.

Тяжелая железная дверь башни отворилась на удивление легко. Пыльный луч солнца, спускавшийся через люк второго этажа, тускло освещал какие-то железяки, обломки ящиков, клочки газет. Вован довольно ловко пробрался меж ними и начал карабкаться по приставленной к люку лестнице. Лева и я последовали за ним. Но, как только последний из нас ступил на пупырчатый бетонный пол второго этажа, лестница с грохотом упала, и мы услышали довольно противный смех. Эхо, разносившее его по всей башне, делало этот гогот совсем противным.

— Го-го-го-га! Что, голубчики, сами пришли! Га-а-а.— Голос был писклявый и до боли знакомый.

Мы склонились над люком. Внизу в дверном проеме чернели три силуэта. Один большой и два маленьких по бокам. И хотя цветастые платки закрывали их лица до самых глаз, сомнений быть не могло: перед нами стояли Хорошенькая-Прехорошенькая и двое ее подручных.

— Я же говорила, что у них там собралась очень хорошая компания,— издевалась над нами Хорошенькая-Прехорошенькая.— Видите, пришли спасать свою подружку. Чем еще раз доказали, что дружба — очень полезное чувство. Почему, спросите вы? Да потому, что своим приходом сюда они избавили нас от нескольких дней очень трудной работы по похищению детей. Сегодня всего лишь за один день каждый из нас сможет заработать по автомобилю «роллс-ройс», импортному видеомагнитофону «Буратино» и по тридцать пирожных.

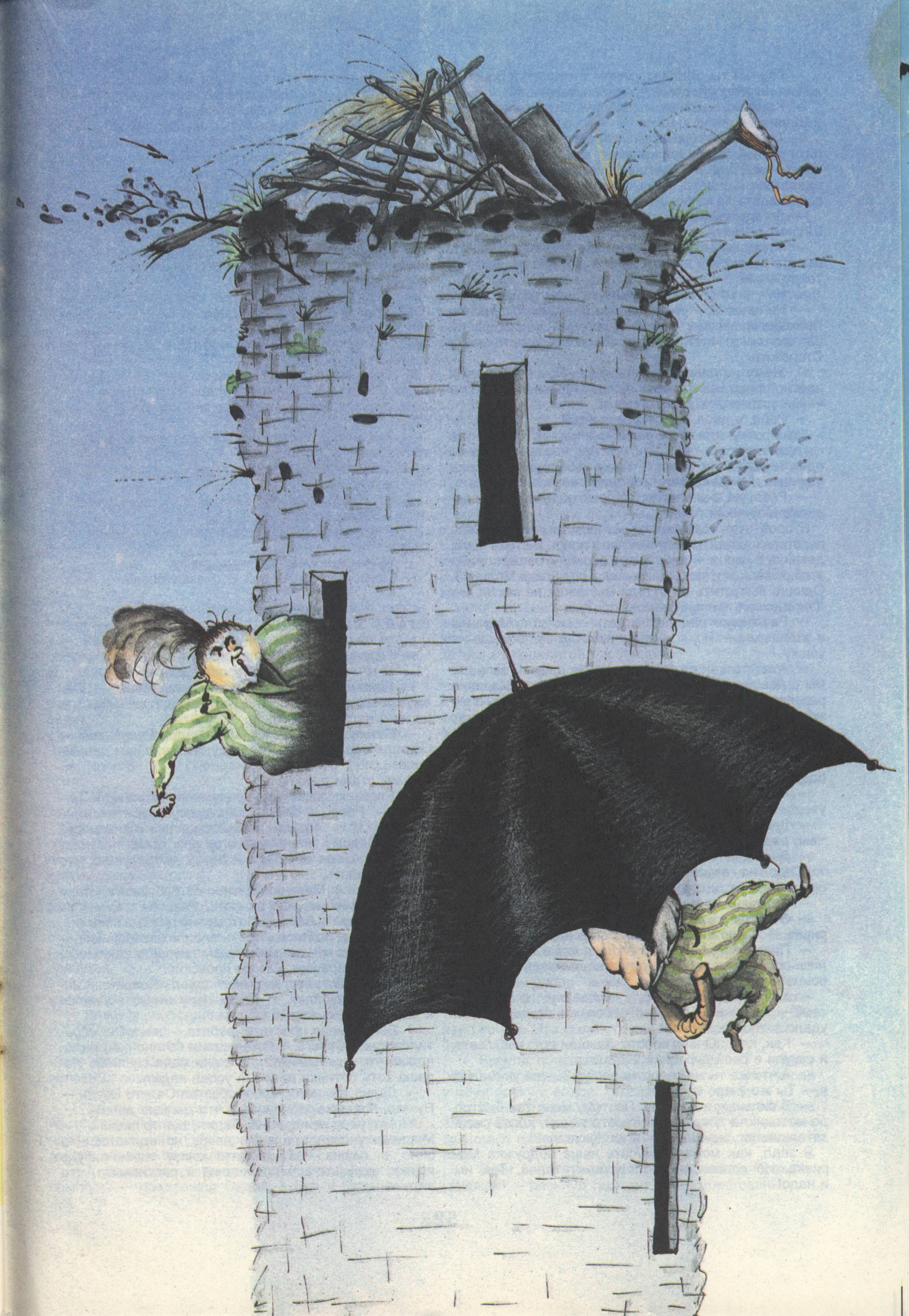
— Раз, два, три,— посчитал наши головы один из сообщников Хорошенькой-Прехорошенькой.— И одна девочка уже есть. Получается — четыре. Значит, у нас будет четыре «роллс-ройса», четыре видеомагнитофона и... и уйма пирожных.

— Га-а-а,— снова загоготала Хорошенькая-Прехорошенькая.— Посмотри на своего брата, Винт. Он хочет иметь четыре «роллс-ройса», четыре видеомагнитофона и уйму пирожных.

— А что в этом плохого? — не понял тот, кого, оказывается, звали Винт.

— Как что?! Ты посчитай! Нас-то трое. Зачем же нам четыре машины и четыре магнитофона?

— А как же нам тогда быть с четвертым ребенком? Отпустить, что ли?

— Глупый ты, Шплинт. Зачем отпускать? Вы ведь хочете вкусно кушать и красиво одеваться?

— Конечно, хочем,— хором ответили Винт и Шплинт.

— Так вот, на те шесть тысяч восемьсот семьдесят пять рублей сорок три копейки, которые возьмем за четвертого, мы и будем вкусно кушать и красиво одеваться. А знаете, сколько можно всего съесть и на себя надеть за такие деньги?

— Догадываемся,— снова хором протянули Шплинт и Винт.

— Молодцы, что догадываетесь. А теперь, Шплинт, быстро вскакивай на мотоцикл и дуй давать еще три телеграммы.

— Нет, я хочу на мотоцикле,— заныл Винт.

— Не канючь,— резко оборвала его Хорошенькая-Прехорошенькая.— Ты уже сегодня ездил, пусть Шплинт покатается. А мы с тобой здесь останемся. Сторожить.

С этими словами Хорошенькая-Прехорошенькая плотно прикрыла за собой входную дверь. Мы в молчании уставились друг на друга.

— Ребя, а ребя, вы откуда здесь?

Это прозвучало столь неожиданно, что Вован чуть не провалился в люк. Так мог нас называть только один человек на свете — наша любимая подружка Маринка. Мы завертели головами во все стороны.

— Ребя, да я же здесь, за решеткой,— вновь раздался Маринкин голос.

Второй этаж башни, на котором мы находились, перегораживала обитая жестью стенка. В стене была дверь, а в двери — небольшое оконце с решеткой. За этой решеткой и находилась наша подружка Маринка. Однако выпустить ее оттуда мы никак не могли. На двери висел крепкий замок.

— Ребя, как я рада вас видеть,— сказала Маринка и заплакала.— Я уж думала: никогда вас больше не увижу.

— А мы-то как рады! А мы-то! — дружно заорали мы с Левой, изо всех сил стараясь не дать Маринке разреветься. Мы понимали, как скучно и неуютно может быть за решеткой. Особенно когда рядом нет настоящих друзей.

— Здорово, что мы снова вместе! — крикнул Лева.

— Здорово, что мы нашли тебя, Маринка! — поддержал Леву я.

— Ага, здорово,— согласилась с нами Маринка, утерла рукой слезы и улыбнулась.

— Здорово, здорово, — передразнил нас Вован.— Чему радуетесь-то? Маринку нашли, а сами попались!

— Да ладно тебе, Вован! — успокоил я друга.— Там же Седой на «атасе» стоит. То есть сидит. Увидит, что нас долго нет, и поднимет тревогу.

— Не очень-то я на Седого надеюсь.

— Это ты, Вован, напрасно,— возразила Маринка.— Лично я на Седого всегда надеюсь.

— Правильно, Маринка! — Леве тоже не понравились слова Вована.— На друга надо надеяться. Особенно в трудные моменты.

— Хватит про Седого,— поспешил я сменить тему.— Ты лучше, Маринка, расскажи, как же это им удалось тебя похитить?

— Как, как... Очень просто. Зажали рот, нос, глаза и сунули в свой дурацкий мотоцикл.

— А что же ты не сопротивлялась? — не унимался я.— Ты же у нас сильная.

— Я сильная, но легкая. Поэтому меня так быстро до мотоцикла дотащили. Но зато потом, когда сюда заталкивали, знаешь, как я их покусала?!

Я знал, как может покусать наша подружка Маринка. Но совсем не жалел похитителей. Так им и надо!

— Ну, что мы все про меня да про меня? — не захотела Маринка вспоминать о неприятном.— Лучше расскажите, как вы здесь оказались.

Вован начал рассказывать о наших приключениях. Но мы с Левой стали его перебивать. Он обиделся и замолчал. Тогда рассказывать принялся Лева. Но мне не понравилось, как он это делает. Я хотел рассказать все сам. А Лева с Вованом сказали, что я дурак. А я сказал, что от таких слышу. А Маринка сказала, что мы все дураки и она ничего не понимает. И пусть рассказывает кто-нибудь один.

В общем, мы так ничего и не успели рассказать Маринке, потому что вдруг страшный-престрашный крик донесся до нас снизу.

— Ребя, что это? — испуганно спросила Маринка.

Мы подбежали к люку. Дверь в башню распахнулась, и на пороге появились Винт и Шплинт с каким-то тюком в руках. За ними шла Хорошенькая-Прехорошенькая.

— Бросьте его тут. И пошли скорее. Твоя очередь, Винт, давать телеграмму. Теперь у нас будет в два раза больше денег, чтобы вкусно кушать и красиво одеваться.

— А вы говорили, что они хорошая компания,— ныл то ли Винт, то ли Шплинт.— Разве люди из хорошей компании так кусаются? Сначала одна покусала, потом другой...

Дверь захлопнулась. Нехорошие мысли зашевелились в наших головах.

— Ребя, что там? — спросила из-за решетки Маринка.

— М-м-м-м,— услышали мы снизу.

— По-моему, это Седой,— сказал Вован.

ГЛАВА XII. ПОБЕГ

— Седой, это ты? — крикнул я в люк.

— М-м-м-м,— снова донеслось до нас.

— Конечно, это Седой,— вздохнул Вован.— Они ему просто рот чем-то заткнули. Говорил же я вам, что на него нельзя надеяться.

— Сейчас не об этом думать надо,— укоризненно сказал Лева.— Сейчас надо думать, что нам дальше делать.

И мы стали думать.

— Ребя, я, кажется, придумала,— сказала Маринка.— Ребя, я сейчас вам просуну зонтик моей бабушки. И кто-нибудь из вас спрыгнет с ним через люк к Седому. Развяжет его, приставит лестницу и залезет сюда обратно. А потом я придумаю, что дальше делать.

Мы взяли у Маринки зонтик ее бабушки и стали спорить, кому из нас прыгать. Решили, что лучше всего это делать Вовану. Потому что он самый легкий.

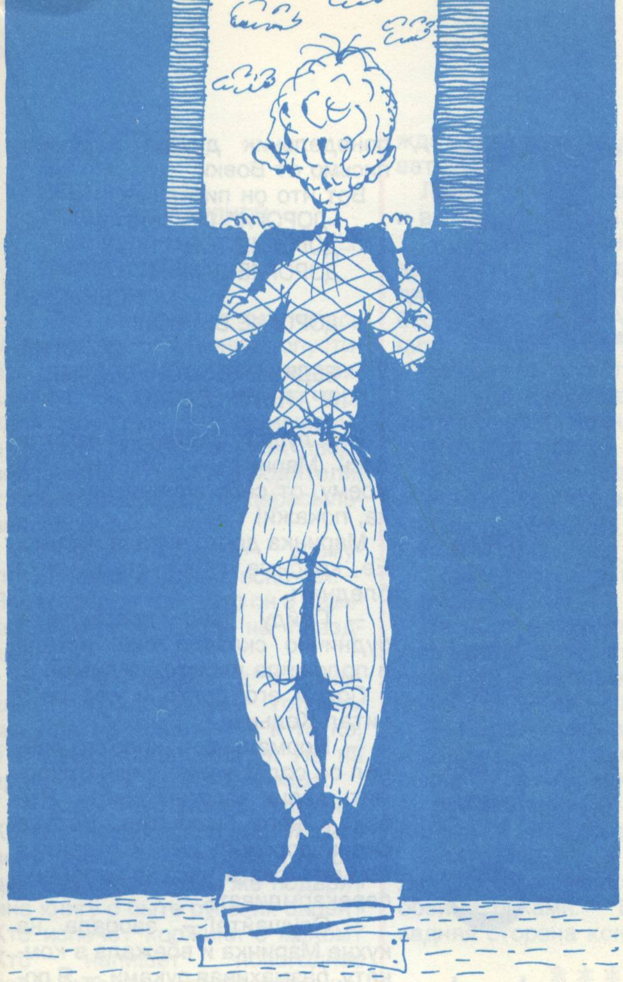
— Да вы не бойтесь,— успокаивала нас Маринка.— Я точно знаю, что его можно использовать как самый настоящий парашют. Он же японский.

Зонтик действительно не подвел. Вован ни капельки не разбился. И через пару минут поднялся к нам наверх вместе с Седым.

— Вы уж меня простите, ребята,— жалобно обратился к нам Серега.— Я так своим ботиночкам радовался, что и не заметил, как они меня сцапали. Хорошо хоть ботинки вовремя успел надеть.

— Ладно уж, чего там,— простил Седого Вован.— Ну что, Маринка, придумала, что дальше делать?

— Ага, ребя, придумала. Видите вон то окошко? — Маринка указала пальцем вверх на единственное окно в башне.— Притащите снизу какие-нибудь ящики, залезьте на подоконник и расскажите, что видите.

Мы так и сделали. Первым на груду ящиков залез Вован.

— Вижу поселок, березовую рощу, через нее ведет дорога. Мы по ней сюда шли. Теперь по ней едет на мотоцикле Винт. Телеграмму давать.

— Да,— хлопнул себя по лбу Седой,— совсем забыл спросить: про какую они телеграмму-то говорили?

— Про телеграмму твоей маме,— объяснил я.— Чтоб она выкуп за тебя под большой дуб принесла.

— Вот горе-то,— побледнел Седой. Но я его успокоил:

— Да ты не расстраивайся, нашим родителям тоже такие телеграммы послали.

Однако Седой продолжал расстраиваться. Мое сообщение вовсе его не обрадовало. И правильно. Когда тебе самому плохо, ни к чему радоваться, если другим тоже несладко.

— Хватит болтать,— прервала наш разговор Маринка.— Скажи, Вован, что ты еще видишь?

— Еще я вижу склон холма, на котором башня стоит. А рядом с башней маленький домик. В нем, наверное, Хорошенькая-Прехорошенькая с Шплинтом прячутся.

— А что внизу, под самым окошком? — продолжала допытываться Маринка.

— Внизу ящик с опилками, железная бочка с водой. И больше ничего.

— Седой, у тебя веревка есть? — Маринка знала, что у нашего Седого всегда в кармане много всяких полезных вещей.

— Есть. Вот,— показал веревку Серега.

— Теперь слушайте,— сказала Маринка.— Вы сейчас эту веревку привяжете к зонтику и будете прыгать через окошко вниз. Один прыгает, а другой на веревке зонтик обратно поднимает и прыгает следом.

— А может, достаточно, чтобы кто-нибудь один прыгнул? — предложил Седой.— Вон у Вована это здорово получается.

— Нет, одному прыгать нельзя. Вдруг поймают. А если прыгнут все четверо, то обязательно кто-нибудь один да убежит и сообщит о нашей судьбе в милицию, ясно? Только прыгайте лучше на ящик с опилками. Все-таки помягче.

— Колямa, тебе лучше прыгать последним,— сказал Лева.

— Это почему? — не понял я.

— Потому что ты самый тяжелый. Зонтик может тебя не выдержать и сломаться.

— А если он меня не выдержит, когда я буду прыгать последним?

— Тогда ты упадешь, и тебе, конечно, будет больно, но зато мы успеем убежать и сообщить обо всем куда следует.

Уж чего-чего, а отказать Леве в умении логически мыслить никак нельзя. Я согласился прыгать последним.

Вован, Лева и Седой прыгнули хорошо. Но не убежали. Стояли и ждали внизу. Видимо, все-таки волновались за меня. И волновались они не напрасно. Мне, как всегда, не повезло.

Во-первых, когда я прыгал, у меня из-за пазухи выскочила свернутая простыня, о которой я совсем забыл и которую мы собирались использовать, чтобы наряжаться в привидения. Мало того, что она выскочила, она развернулась и залепила мне лицо.

Во-вторых, сбоку подул ветер. И вместо ящика с опилками я попал в бочку с водой.

А, в-третьих, эта бочка с водой, оказывается, стояла на тележке с колесами. И когда я попал в бочку, тележка со страшным грохотом понеслась вниз.

Меня швыряло из стороны в сторону. Я то нырял, то выныривал, стараясь при этом как можно крепче держаться за края бочки, почему и никак не мог избавиться от проклятой простыни.

Но если я несся вниз на огромной скорости, то все, что творилось вокруг, казалось, происходило будто в немом кино. Сквозь простыню я довольно отчетливо мог разглядеть, как Хорошенькая-Прехорошенькая и Шплинт выскочили из домика и помчались за мной и моими друзьями. Как Хорошенькая-Прехорошенькая по очереди сбивала Леву, Вована и Седого с ног. Как Шплинт поднимал их с земли и выкручивал им руки.

Я понял, что на воле остался я один. И только я теперь мог спасти своих друзей. Правда, я был в бочке с водой, а на голове у меня запуталась простыня. Однако если тележка и дальше неслась бы с такой скоростью, у меня все-таки оставался шанс доехать до поселка и поднять там крик.

Хорошенькая-Прехорошенькая продолжала меня преследовать. Даром, что была большая и толстая — бегала она будь здоров! Тут еще тележка, съехав на ровное место, резко сбавила скорость. А Хорошенькая-Прехорошенькая, наоборот, ее прибавила.

Я с надеждой смотрел вперед. Вдруг кто-нибудь из жителей Загорода вышел погулять в рощу. Тогда я смогу закричать и позвать на помощь. И действительно, я увидел одного человека. Но помочь он мне явно не мог. Это была старенькая-престаренькая бабушка. Она сидела на пеньке и вязала.

— Бабуля, помогите задержать хулигана! — закричала Хорошенькая-Прехорошенькая.— Он украл у меня бочку с водой, тележку и простыню.

— Какая я вам бабуля? — сказала вдруг бабушка басом. Она отбросила вязанье, встала и оказалась знакомым мне сержантом милиции Чернодеревщиковым.

— Руки вверх, гражданка Хорошенькая-Прехорошенькая! — рявкнул сержант.— Вы арестованы!

Хорошенькая-Прехорошенькая подняла руки. В этот момент моя бочка налетела на дерево. Я кубарем вылетел из нее, даже не поцарапавшись. Простыня осталась висеть на ветке. Когда я встал и подошел к сержанту Чернодеревщикову, из рощи вышел большой отряд милиционеров с автоматами и промаршировал к башне.

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе,—

пели милиционеры.

— Они идут спасать моих друзей? — спросил я у Чернодеревщикова.

— Конечно, мальчик,— ответил он, зорко глядя вслед своим товарищам.

Через минуту мы увидели, что отряд возвращается. Впереди шли Маринка, Лева, Седой, Вован и Шплинт. Шплинт шагал с поднятыми руками.

— Товарищ Чернодеревщиков,— сказал я.— Но там был еще один. Он поехал на почту телеграмму давать.

— Некто Винт уже задержан,— улыбнулся мне Чернодеревщиков, достал из кармана маленькую рацию и передал по ней: — Товарищ гвардии оперуполномоченный, ваше задание выполнено. Нехорошие люди во главе с Хорошенькой-Прехорошенькой задержаны.

Тут из-за рощи вылетел вертолет и приземлился рядом с нами. Из него вышел гвардии оперуполномоченный Краснодеревщиков.

— Молодцы, следопыты,— похвалил он нас.— Теперь вижу, что не по плохой дорожке идете. Но в следующий раз я вас все-таки накажу.— Краснодеревщиков погрозил нам пальцем.— Ничего нельзя скрывать от родной милиции.

Потом он обратился к милиционерам:

— Благодарю за отлично проведенную операцию!

— Служим родной милиции! — дружно ответили милиционеры.

— Все свободны,— сказал Краснодеревщиков.

— И мы тоже? — обрадовалась Хорошенькая-Прехорошенькая.

— Нет, вы еще не скоро будете свободны,— строго глянул на нее гвардии участковый оперуполномоченный.

Всех арестованных погрузили на вертолет. И он улетел. А отряд милиционеров ушел пешком. С той же самой песней.

Мы остались одни.

— Ну, что будем делать? — поинтересовалась Маринка.

У Левы в сумке проснулся кот Анри-Барбос IV и громко замяукал. Тут Вован схватился за живот и начал хохотать.

— Ты чего? — удивился я.

— Да понимаешь... ха-ха-ха... Да понимаете,— не мог остановиться Вован.— Я подумал, что мы все дела, которые намечали, сделали. Смотрите, зонтик как парашют использовали — раз. Анри-Барбоса с помощью валерьянки дрессировали — два. С часами моего папы поработали — три. Ну и Колями немножко привидением побыл — четыре.

— А главное, мы спасли Маринку,— добавил Лева.

— Что же, выходит, у нас сегодня и дел никаких не осталось? — расстроилась Маринка.— Тогда я спою.

— Нет,— сказал Седой.— Ты нам после споешь. А сейчас пойдем в гости к Алику Ивановичу Невзвешенному. Мы ему обещали.

И Маринка, Вован, Лева, Седой и я отправились к Алику Ивановичу Невзвешенному, надеясь, что он уже закончил свою повесть и мы сможем наконец немножечко пострелять и поесть мороженого.

Вместо послесловия

Последнее письмо Владимира ДРУКА*

В понедельник друзья получили письмо от Вовки.

Вот что он писал:

«ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!
ДОРОГИЕ ДАМЫ И
МОНСЕНЬОРЫ!
ДОРОГИЕ ВЫ МОИ!
ДОРОГИЕ!
БЕДНЫЕ ВЫ МОИ, БЕДНЫЕ!
БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!..»

— Слушай, Седов! — возмутилась Маринка.— Это ты, по-моему, от себя сочиняешь... Ну-ка, покажи!

Маринка долго читала письмо. Ее красные щеки стали тихо бледнеть.

— Пойду чаю поставлю,— буднично сказала она, встала и положила письмо на диван.

Потом его долго и про себя читал Колька.

— Нормально,— коротко оценил он содержание и начал кормить своих золотых рыбок. Рыбок у него было три. Колька очень дорожил ими и старался кормить раз в час, но чтобы не перекармливать.

— Слушайте! — заорала на кухне Маринка и вбежала в комнату, размахивая руками.— Я поняла! Оно написано симпатическими чернилами! Мой дедушка-революционер...

— Симпатическими? — грустно усмехнулся Левка и начал читать с того места, на котором остановился Сереня.

«БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!
ТЕТКИ И ДЯДЬКИ!
БОЙЗ ЭНД ГЕРЛ!
МАТРОСЫ И СТАРШИНЫ!
ДОПРИЗЫВНИКИ И
ДОПРИЗЫВНИЦЫ!
ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ!
СЫРЫЕ И ГОРЕЛЫЕ!..»

— А по-моему, это шифр,— буркнул Колька, не отрываясь от рыбок.

— Какой шифр! Сплошная абракадабра, а под ней симпатические чернила! — орала Маринка, размахивая руками.

— Дай-ка.— Колька взял письмо, встал на диван и продолжил чтение, со значением произнося каждое слово, причмокивая и слегка подпрыгивая, выставив указательный палец над головой:

«КОРЕШКИ!
ДИА ФРЕНДЗ!
МОЛОДЕЖЬ!
ЮНОШЕСТВО!

* Правда, потом В. Друк заболел, и продолжить писать письмо было поручено Б. Минаеву.

ПОДРОСТКИ!
ДЕТИ!
ЦВЕТЫ ЖИЗНИ!
УЧАЩИЕСЯ СРЕДНЕЙ
ШКОЛЫ!
ПАРНИ и ДЕВКА!..»

— Это он мне? — смутилась Маринка и оглушенно опустилась на стул.— Это что-то возвышенное. Но симпатические чернила все-таки тут замешаны, я просто уверена в этом предположении. Деспоты-родители, строгая конспирация, пересыльная тюрьма...

— Какая тюрьма! — возмутился Левка и нервно вскочил.— Я же говорил тебе, что он в Харьков уехал, к тетке на праздники...

— Не в Харьков, а в Камышин,— равнодушным голосом сказала Маринка.— Не к тетке, а к двоюродной сестре. Не на праздники, а до Нового года.

— Как? — страшно зашипел Колька, неожиданно дернувшись всем телом.— И Новый год будем без него? А кто же подарит мне книгу о быте русских царей? Кто испечет коржики с маком? Кто напишет новогоднее поздравление советскому народу? (Новогоднее поздравление всегда писал Вовка.)

Все это время Седов молчал, глядя в окно. По его лицу струилась печаль.

— Да это и есть поздравление,— почесав лопатку, тихо произнес он.— Вы что, не поняли? Шутка.

— Ха-ха-ха,— саркастически сказал Левка.— Очень смешно. Прямо животики лопаются. Давайте-ка я вам лучше анекдот расскажу. Сидят на берегу Василий Иванович с Петькой...

— Ой, у меня чайник весь выкипел! — вскрикнула Маринка и, стукнувшись головой о книжную полку, пошла на кухню плакать.

Стало неуютно. Друзья сидели молча, думая каждый о своем.

— А что, нормальная шутка,— угрюмо высказался Седов.— Всем шуткам шутка.

— Тонкий юмор рыжих не всегда понятен брюнетам,— глухо и сонно сказал Колька из подушки.— А потом, это точно шифр. Задание на дом.

— Так с друзьями не прощаются! — отрубил Левка и начал набирать чей-то телефон.— Алло, редакция! — закричал он в трубку.— Вы мое письмо получили? Позовите старшего! Ну кто у вас старший?

Сереня заскучал.

— Ладно, меня мама к обеду ждет,— сказал он и начал надевать ботинки.

Левка зажал ладонью трубку и вытаращил глаза.

— Никуда ты не пойдешь! — зашипел он.— Мы должны обсудить ситуацию с письмом! Это беспрецедентно! Алло, редакция! Я вам писал об ошибке в номере от 9 августа! Жду-жду...

— Ты о чем, Лева? — поморщился Сереня, начиная зашнуровывать ботинок.

— Я все-таки подержу его над огнем,— решительно сказала Маринка, выйдя из кухни с чайником в руке.

...Все сгрудились вокруг плиты и Маринки.

Письмо начинало медленно желтеть. Потом стали проступать бурые пятнышки. Симпатические чернила не проявлялись.

— Надо помазать хлебным мякишем на всякий случай,— всхлипнула Маринка.— Хотите, я вам блинчики приготовлю? Колька, у тебя сода есть?

— Стойте,— воскликнул Левка, схватившись за голову обеими руками.— Есть же еще задняя сторона конверта!

* * *

Седов издавал утробные звуки, медленно танцуя вокруг Левки и целующей его в лоб и темя Маринки.

Колька в пятнадцатый раз читал мелкую строчку по ободку конверта, нацарапанную красными чернилами, вооружившись канадской лупой:

«Лева и Коля, Марина и Сереня! Я уезжаю, но хочу оставить вам стихотворный опус номер один для поднятия вашего настроения. Не обижайтесь. Ваш В.».

А Лева стоял скромно, с видом народного героя и обалдело повторял:

— Это же стихи! Как я сразу не догадался! Это же стихи...

Теперь они читали их снова и снова, хохоча от удовольствия. Вот как они кончались:

«МИЛЫЕ БРОДЯГИ!
ДЕТЕКТИВЫ И
ПИНКЕРТОНКИ!
ИНДЕЙЦЫ И СЛЕДОПЫТЫ!
РЫЦАРИ И МЕНЕСТРЕЛИ!
ПОСТРЕЛЫ ВЕЗДЕ
ПОСПЕЛИ!
ЧЕРТИ И ДЬЯВОЛЫ!
САЛАГИ И САЛАЖАТА!
ЛЕВЫЕ И ПРАВЫЕ!
БЛЕДНЫЕ И КУДРЯВЫЕ!
ОЧКАСТЫЕ И ГРИВАСТЫЕ!
УШАСТЫЕ И ХВОСТАТЫЕ!
ЛЮДИ И ЗВЕРИ!
ОКНА И ДВЕРИ!
СТЕНЫ И ПОТОЛКИ!
БУМ-БУМЫ И БУМ-БУМКИ!
...ЖИВИТЕ!
ДА ЗДРАВСТВУЕТ
КУЧА-МАЛА!»

* * *

Отхохотавшись, они опять сидели тихо.

За окном, в сумерках, шел первый снег.

Блинчики были съедены. Приближалось седьмое ноября.

— Я хочу быть старой джазовой певицей,— вдруг сказала Маринка.

— А помнишь, как тебя чуть не съел людоед? — спросил Сереня.

— Давайте подарим Серене на Новый год по паре ботинок! — предложил Колька.

— А помните клоунов? — ни с того ни с сего вздохнул Лева.

...Вовка ехал на поезде. Он сидел с папой в вагоне-ресторане и жевал салат из парниковых огурцов.

Папа пил пиво и читал газету.

— Ничего,— говорил он ободряюще.— Челябинск — большой город. Там новых друзей найдешь. А потом, это ненадолго... Мы с мамой вернемся из Алжира через год. Магнитофон привезем!

Вовка молчал. Он почему-то в этот момент тоже вспоминал одновременно людоеда, клоунов, милиционеров и разбойников, вспоминал все то, что приключилось с ними в их дворе, в их городе, в их любимых и нелюбимых местах, где они встречались часто-часто, почти ежедневно.

Он вспоминал и о том, что Левка никак не исправляет двойку по физкультуре и часто не высыпается от нервного переутомления, Маринка осенью обязательно болеет гриппом, Сереня не ходит в школу и лежит на диване... Колька...

— Папа,— спросил он,— а почему дети не могут жить одни?

— Не положено,— коротко ответил отец и подозвал официанта.

Вагон разогнался, и его здорово качало.

Ничего не было видно из окна. Первый снег становился все сильнее и сильнее.

«Ничего,— думал Вовка.— Я им буду письма писать. Стихотворные опусы. И просто о жизни. Челябинск — большой город. Есть о чем рассказать друзьям. Зато когда мы встретимся, уже не будем расставаться всю жизнь».

Так оно и вышло.

КОНЕЦ «ЧЕРНОЙ КУРИЦЫ»

УШУ ПРОТИВ ТИГРА

«Тигр дико зарычал и, повернувшись к У Суну, со страшной яростью прыгнул вперед. Но У Сун отскочил в сторону шагов на десять, и передние лапы зверя оказались как раз у его ног. Отбросив обломок палицы, У Сун обеими руками ухватил тигра за загривок и изо всех сил прижал его голову к земле. Как ни силился тигр вырваться, ничего не выходило. У Сун все сильнее и сильнее прижимал его к земле, ни на минуту не выпуская, и непрерывно молотил его ногами по морде. Тигр страшно рычал и с такой силой скреб землю передними лапами, что вырыл яму и перед ним образовались две кучи земли. У Сун тыкал тигра мордой в эту яму, и зверь стал заметно ослабевать. Тогда У Сун, продолжая крепко держать тигра левой рукой за загривок, потихоньку высвободил правую руку, сжал ее в кулак, и, словно железным молотом, начал со страшной силой бить зверя по голове. После семидесятого удара из глаз, носа и ушей тигра хлынула кровь, и он повалился, испустив последний вздох».

Так известный китайский писатель Ши Найань (1296—1370 гг.) описывал в романе «Речные заводи» поединок странствующего монаха с тигром-людоедом. Этот монах мастерски владел ушу.

Что такое ушу?

Итак, что же такое ушу? Дословный перевод выглядит так: «у» — воин, «шу» — искусство, ушу — воинское искусство. Во времена, когда жил уже известный вам писатель Ши Найань, в понятие «искусство воина» включали не только умение хорошо драться, используя руки, ноги и другие части тела. Необходимо было еще владеть оружием, уметь сражаться верхом на коне, в горах и даже в воде, метко стрелять из лука, а также управлять войском.

Трудно назвать точное время возникновения ушу. В китайском музее ушу в качестве экспонатов представлены каменные топоры, наконечники для копий и стрел. Считают, что это самые древние виды оружия ушу. Что ж, наверное, это справедливо, и можно с уверенностью сказать, что воинские искусства появились тогда, когда первобытный человек впервые взял в руки изготовленное им оружие. А когда этот человек обучил своего сына умению владеть копьем или просто деревянной палкой, возникла традиция воинского искусства, то есть передача знаний из поколения в поколение.

История ушу

Чтобы подробно рассказать, как возникло и развивалось ушу, потребовалось бы написать очень толстую книгу, что, кстати, уже и сделано в Китае. Мы же остановимся лишь на отдельных, самых ярких моментах истории ушу.

Из глубокой древности дошло до нас имя величайшего врача Хуа То (141—203 гг.). Наблюдая за повадками оленя, медведя, тигра, обезьяны и журавля, он создал лечебную гимнастику, которая получила название «Игры пяти зверей». Она, видимо, и помогла развиться одноименным стилям ушу, к которым впоследствии добавились стили орла, змеи, богомола и многие другие. Они имитировали движения животных, отсюда и их название «сянсинцюань», что в переводе на русский язык означает: «стили имитации формы», или «имитационные стили».

В 520 году из Индии в Китай прибыл буддийский монах Бодхидхарма и поселился в монастыре Шаолинь, основанном в 495 году. Став его настоятелем, наряду с чтением молитв он ввел в программу подготовки монахов физические упражнения. С его именем и связывают возникновение знаменитого стиля «шаолиньцюань» (шаолиньский кулак).

Впоследствии монастырь Шаолинь несколько раз разрушался, и оставшиеся без крова монахи разбредались по стране, обучая своему искусству простой народ. Наиболее способные ученики, пройдя курс обучения, основывали свои школы, придумывали новые элементы, тем самым обогащая технику стиля.

Сейчас монастырь Шаолинь восстановлен, его посещает множество туристов. А совсем недавно здесь построили Дальневосточный центр обучения ушу. Это целый комплекс зданий с залом для показательных выступлений, помещениями для тренировок и гостиницей. Среди занимающихся немало иностранцев. И может быть, кому-либо из вас, нынешних энтузиастов ушу, повезет, и вы тоже попадете в знаменитый на весь мир монастырь с поэтическим названием «Молодой лес».

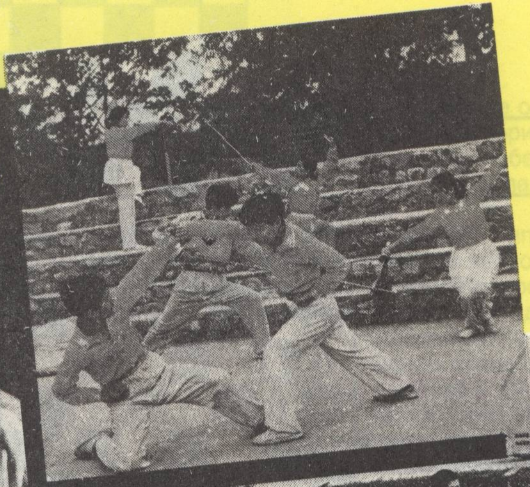
Ушу сегодня

В современном китайском ушу можно выделить два направления: традиционное и спортивное. Традиционное иногда еще называют народным, а людей, обучающих этому направлению,— «народниками». Это чаще всего мастера «закрытых» семейных школ, в которых занимаются только близкие родственники. «Народников» также можно встретить в парках, на набережных и площадях практически во всех уголках Китая. Рано утром или вечером они выходят на улицы заниматься. Иногда они собираются вместе, чтобы выступить с показом своего искусства.

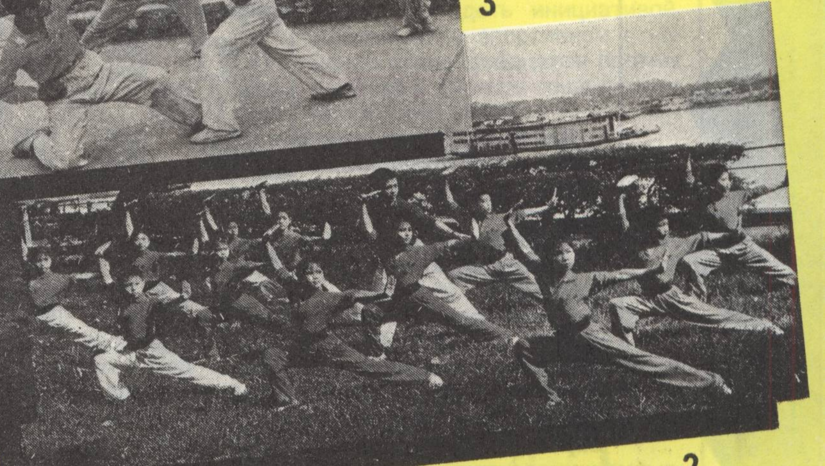
Спортивное ушу получило широкое распространение после образования в 1949 году Китайской Народной Республики. Была создана Ассоциация ушу Китая, федерации ушу действуют во всех крупных городах. Есть в Китае и Академия воинских искусств, которая готовит специалистов самого высокого уровня. Сейчас ведется подготовка к созданию Международной ассоциации ушу.

Дети начинают заниматься ушу с первого класса, так как оно включено в программу обязательной физической подготовки. Самые способные посещают специальные спортивные

Занятия в школах ушу: ЦИСЕ — бой с коротким оружием (1); ЦЗИТИ БЯОЯНЬ (2); тренировка «бой с тенью» (3).

3

2

1

школы — они станут спортсменами и будут выступать на соревнованиях.

Соревнования по ушу проводятся по пяти основным направлениям:

1. ЦЮАНЬШУ (искусство кулачного боя) — выполнение комплексов без оружия. Сюда можно отнести стили ЧАНЦЮАНЬ (длинный кулак), «НАНЬЦЮАНЬ (южный кулак), ТАЙЦЗИЦЮАНЬ (кулак Великого предела) и многие другие.

2. ЦИСЕ (упражнения с оружием). Они делятся на четыре типа:

а) короткое оружие — прямой и кривой мечи, ножи;

б) длинное оружие — копье, шест;

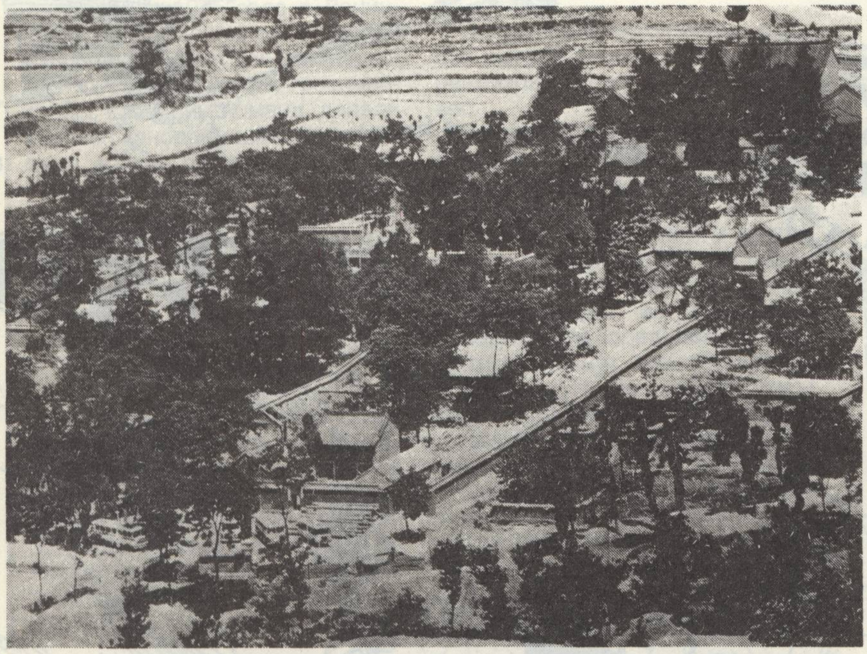
в) гибкое оружие — трехзвенная палка, девятизвенная цепь;

г) парное оружие — парные крюки, парные мечи. Иногда спортсмены выполняют комплексы, держа в одной руке, например, девятизвенную цепь, а в другой — кривой меч. Даже трудно себе представить, какой координацией нужно обладать, чтобы справляться с таким оружием, перемещаясь по площадке, выполняя всевозможные прыжки и падения.

3. ДУЙЛЯНЬ (парные упражнения) — показательные бои двух или нескольких человек с оружием и без него.

4. ЦЗИТИ БЯОЯНЬ (групповые показательные упражнения) — выступления шести и более человек, с оружием или без него. ДУЙЛЯНЬ и ЦЗИТИ БЯОЯНЬ — это самые зрелищные разделы соревнований.

5. ГУНФАН ЦЗИШУ (боевые поединки): саньда — спортивные бои в защитном снаряжении, где удары руками и ногами производятся в полную силу, и туйшоу — «толкающие руки» из стиля тайцзицюань.

В нашей стране ушу стало известно недавно, но уже созданы федерации ушу России и Союза, есть федерации также в Москве, Ленинграде и других крупных городах. Создано множество клубов и секций ушу, проводятся российские и всесоюзные чемпионаты, из победителей которых формируются сборные команды для участия в международных соревнованиях.

Игорь КАРОЛИК

Вниманию всех, кто интересуется ушу и кто хотел бы овладеть его секретами: в последующих номерах мы планируем напечатать серию материалов об этом восточном единоборстве.

НОВЫЕ ВАСЮКИ, 64

Включили мы на днях телевизор и увидели новую телепередачу — НОВЫЕ ВАСЮКИ, 64, с нашим старым знакомым Осей Б. Судя по той информации, что мы узнали, передача обещает быть интересной, а Ося Б.— знаменитым... Итак, передача № 1.

НАША ГОСТИНАЯ

После окончания чемпионата британских школьников младших классов главный судья турнира международный мастер Л. Барден сделал участникам несколько назидательных замечаний.

«Отдельные юные джентльмены, получив проигранные позиции в партиях с юными леди, позволяли себе бестактнейшим образом предлагать партнерше ничью, а некоторые юные леди, проиграв партию, в свою очередь, начинали вести себя крайне несдержанно и, в частности, норовили укусить партнера или расцарапать ему лицо...»

Большая ИГРА

В истории шахмат было немало периодов, когда какой-нибудь выдающийся шахматист ярко выделялся своими победами и не оставлял никаких надежд даже самым достойным своим соперникам. Иногда превосходство лидера шахмат продолжалось годы, даже десятилетия. Вспомним, например, Филидора, у которого не было равных противников почти всю вторую половину XVIII века. Через столетие, уже в начале нашего века, Эммануил Ласкер официально «царствовал» целых 27 лет.

Не было равных и у первого русского чемпиона мира Александра Алехина, но у него рекорды были иными. В пору своего расцвета он легко расправлялся со своими противниками и в матчах, и в турнирах. Так, к примеру, в весьма сильном турнире в Бледе (1931 г.) он опередил второго призера на пять с половиной очков. А ведь тогда индивидуальные коэффициенты не подсчитывались. Это только в наше время каждая лишняя половинка очка в соревновании увеличивает чрезвычайно важный для репутации шахматиста «рейтинг». А тогда Алехин «колотил» соперников лишь из чистой любви к искусству...

Однако бывают и иные полосы истории шахмат, когда на их горизонте ярко горят сразу две достойные друг друга звезды.

Болельщики со стажем помнят бескомпромиссное единоборство двух замечательных советских гроссмейстеров — Михаила Ботвинника и Василия

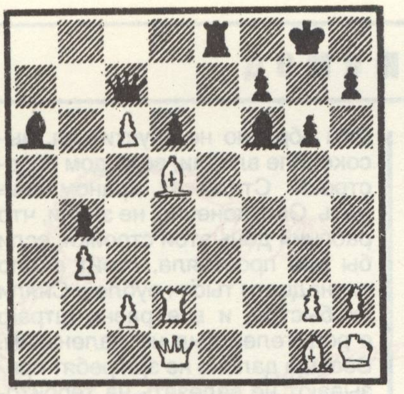

Диаграмма 1

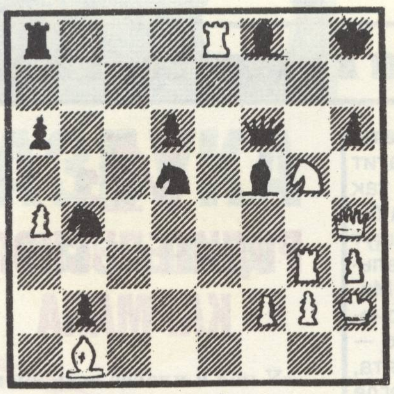

Диаграмма 2

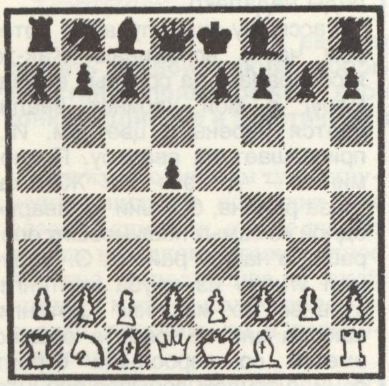

Диаграмма 3

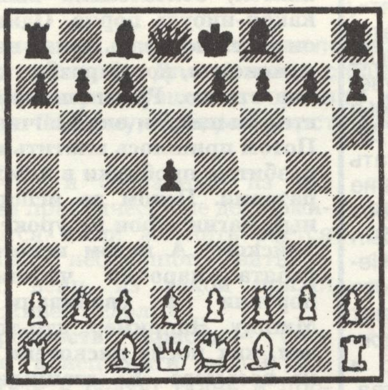

Диаграмма 4

Смыслова, сыгравших три матча на первенство мира. С учетом турниров их спор за шахматной доской продолжался 27 лет... А сыграно было 97 партий. Казалось, этот рекорд будет жить долго-долго. Но и он был побит.

Итак, вы уже догадались, о ком сейчас пойдет речь,— об Анатолии Карпове и Гарри Каспарове.

...В конце 1975 года в Ленинграде проходил третий Всесоюзный турнир Дворцов пионеров. В этих соревнованиях гроссмейстеры, капитаны команд, давали сеансы одновременной игры на семи досках ребятам из других городов. Именно тогда 24-летний чемпион мира Карпов, за полгода до этого увенчанный лавровым венком, в первый раз встретился за шахматной доской с 12-летним Гариком.

Диаграмма 1

28...Сс3. Ребята всегда предпочитают атаковать, и сейчас Каспарова, игравшего черными, прельстила возможность ворваться ладьей на первую горизонталь. Однако и у белых возникают угрозы по линии «f», поэтому сдержаннее и лучше было 28...Крg7.

29. Лf2 Ле1 30. Фf3 Сd4 31. С:f7 + Крg7 32. Сс4. Четкое опровержение атаки черных — грозит 33. Фf8x, под боем слон на а6.

32...Л:g1 +. Не спасло и 32...С:f2 33. Ф:f2 Л:g1 + 34. Кр:g1 Ф:с6 хотя бы из-за 35. Фf7 +.

33. Кр:g1 С:f2 + 34. Кр:f2 С:с4 35. bc Фа7 + 36. Кре2 Фd4 37. Фd5.

Осложнения закончились к явной выгоде белых, и вскоре они реализовали свой большой перевес.

После окончания турнира Карпов сказал, что ему понравился Гарик Каспаров «своим серьезным подходом к игре...». Однако ни чемпион мира, никто другой не мог предположить, что через девять лет, в сентябре 1984 года, впервые встретившиеся в пионерском соревновании шахматисты начнут свой гигантский поединок. И на многие годы борьба за звание сильнейшего в мире станет личным делом двух «К».

Прошло шесть беспокойных лет. И за это время в пяти матчах на первенство мира соперники сыграли 144 партии!

В последний, новогодний вечер минувшего года была перевернута еще одна страница шахматной истории, которая зафиксировала победу чемпиона мира Гарри Каспарова со счетом 12 ½ : 11 ½. Матч проходил в острой, напряженной борьбе. Лишь за несколько шагов до финиша Каспарову удалось полностью овладеть инициативой. Важнейшей в спортивном отношении стала двадцатая партия, в которой чемпион мира провел эффектную атаку.

Г. Каспаров — А. Карпов

Испанская партия

1. е4 е5 2. Кf3 Кс6 3. Сb5 а6 4. Са4 Кf6 5. 0—0 Се7 6. Ле1 b5 7. Сb3 d6 8. с3 0—0 9. h3 Сb7 10. d4 Ле8 11. Кbd2 Сf8 12. а4 h6 13. Сс2 ed 14. cd Кb4 15. Сb1 с5 16. d5 Кd7 17. Ла3 f5 18. Лае3 Кf3 19. Кh2 Крh8 20. b3 ba 21. ba с4 22. Сb2 fe 23. К:е4 Кf:d5.

Чемпион мира среди компьютеров «Дип сот» отыскал здесь красивый вариант с жертвой ферзя: 24. Фh5 К:е3 25. Ф:h6 + Крg8 26. Кg5 gh 27. Сh7x. Но черные не обязаны брать ладью, сильнее 23...с3.

24. Лg3 Ле6 25. Кg4 Фе8 (солиднее выглядит 25...Кd3) **26. К:h6 с3** (быть может, лучше 26...Л:h6) **27. Кf5 cb 28. Фg4 Сс8 29. Фh4 + Лh6 30. К:h6 gh 31. Крh2 Фе5 32. Кg5 Фf6 33. Ле8 Сf5.**

Диаграмма 2

34. Ф:h6 + Ф:h6 35. Кf7 + Крh7 36. С:f5 + Фg6 37. С:g6 + Крg7 38. Л:а8 Се7 39. Лb8 а5 40. Се4 + Кр:f7 41. С:d5 +. Черные сдались.

Через три года Каспарову вновь предстоит отстаивать звание чемпиона мира. Кто будет его соперником? Снова Карпов? Поживем — увидим...

ПОМОЗГУЙТЕ!

Сначала взгляните на такую позицию.

Диаграмма 3

Она возникла после четырех ходов. Каким образом с доски исчезли два коня за столь короткое время?

Диаграмма 4

А здесь нет уже всех четырех коней. Они ускакали с доски за пять ходов. Как это произошло?

Небольшая подсказка: разумеется, такие проблемы белые и черные должны решать совместными усилиями.

Из родительского кармана

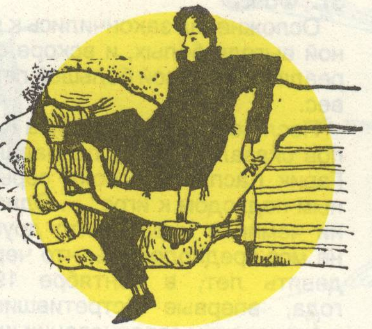
«У нас в классе есть «невезучий Мишка». Где он ни появится, обязательно выходит какая-нибудь порча. Один раз он хотел показать прием каратэ и, конечно, ногой разбил оконное стекло. Родители привели стекольщика и окно починили. Потом пришлось платить им за разбитые пробирки в химлаборатории. Потом за испорченный магнитофон на уроке английского. А потом некоторые ребята нарочно что-нибудь портили и сваливали на Мишку. Например, кто-то видел, как после дискотеки двое из восьмого «Б» стащили несколько хороших кассет. И опять вызвали Мишкиных родителей. Тут мы возмутились, стали требовать, чтобы нашли тех, кто на самом деле стащил, ведь видели. Но Миша заявил: «Да пусть платят, у них денег много». Это про своих родителей. Конечно, его запугали. А нам что, дальше тоже молчать?

Оля, Лена, г. Пермь».

...Нет, девочки, не молчать. Если, конечно, хватит пороху. Ведь, я уверена, не так много ребят, которых мучила бы совесть оттого, что они ищут приключений за счет родительского кармана. Конечно, Мишины неприятности приключением не назовешь, но и его — хорошим сыном тоже... Ребята, попадающие в переплет, всегда почему-то уверены, что родители тут же их как бы «выкупят», заплатив за нанесенный «материальный ущерб». Меня всегда неприятно удивляла такая уверенность — глядишь, ведь семья живет скромней скромного. Думаю, плохо учат детей считать родительские деньги, считать не корыстно, а беспристрастно: вот столько уходит на то, чтобы был сыт, столько — чтоб одет. Непредвиденные траты не просто обидны, они надолго выбивают семью из колеи. Поэтому к каждому случаю порчи личного и государственного имущества, кражи, хищения относятся неоднозначно. И тут тоже много зависит не просто от того, способна ли семья выплатить большую сумму, а от того, что вообще представляет из себя «товарищ несовершеннолетний», в первый ли раз это с ним случилось или далеко не в первый, и каковы надежды, что такое не повторится.

Вот почему мы внимательно прислушиваемся к тому, что говорят о парне или о девочке и в школе, и в доме, чтобы не ошибиться в выборе тактики, скажем так. А случаи самые разные, а если и похожи, все равно надо решать по-разному.

Угонят машину. Это довольно частые случаи. Могут покататься и где-нибудь бросить, могут унести радиоприемник, дорогую деталь. За угон машины, кражи велосипедов, мотоциклов, особенно повторные, ребята до 16 лет нередко попадают в спецшколу, в спецПТУ. После 16 заводится уголовное дело, и оно попадает в суд, где вряд ли виновный останется безнаказанным, даже если родители согласны возместить пропажу, порчу. Как известно, угнать, испортить, разрушить можно многое, собственно, все, что ты видишь вокруг себя, что построено, сделано, создано не тобой, не твоими руками. И тут я за строгость наказания.

Но ведь многое совершается из-за того, что ребята не умеют считать «не свои» деньги, не знают и не хотят знать, что почем, и никто им этого не рассказывает. Было такое: сбежали двое с уроков и «спрятались»... на верхнем этаже недостроенного дома. И тут же поняли: самим обратно не спуститься, высоко, еле влезли, ведь дом недостроен. Стали их краном снимать. Они, конечно, не знали, что рабочий день этой стройки, если бы она простояла, стоит около пятнадцати тысяч рублей. Сняли их быстро, и все равно штраф с родителей был не маленьким. Вообще далеко не зря ребят призывают не залезать на территории строек. Опасно, до любой беды недалеко.

Расскажу еще случай, о котором часто вспоминаю. Как-то я собиралась на срочный выезд. Вдруг в мой кабинет вваливается парень с цветами. И... приглашает на свадьбу. Припоминаю — да это же Женька, гроза района, бывший «главарь» одной из самых нашумевших операций в нашем районе. Он задумал угнать из клуба картингистов все их машины. Картинги, как вы знаете, ребята обычно вместе со взрослыми строят сами, с трудом добывая все, что нужно. Женька подбил еще коекого из приятелей, «операция» была тщательно разработана и осуществлена светлой летней ночью. Женю приметили. Грозило ему наказание очень серьезное. О том, чтобы «расплатиться» в буквальном смысле слова, не было и речи — такой суммы вовек не соберешь, семья — одна мама.

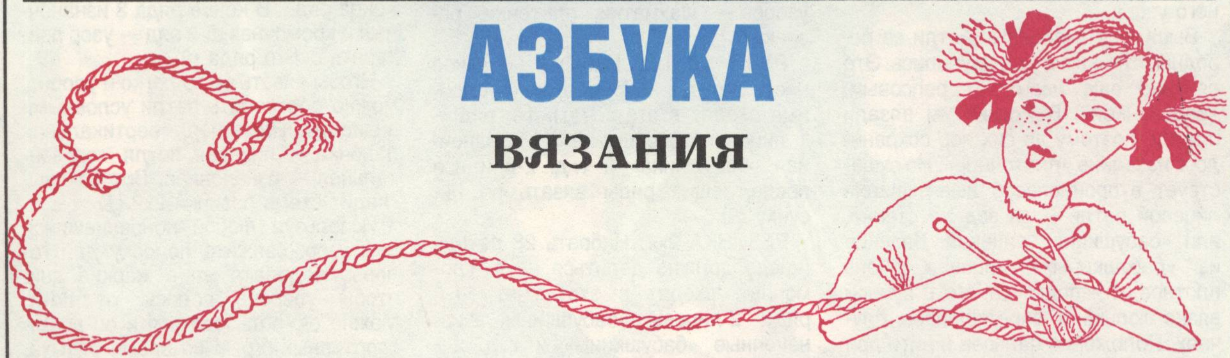
Тогда я почти целую неделю ходила, надев старое, неприметное платье, по всем окраинным улицам: конечно, ребята не смогли бы удержаться от соблазна прокатиться на картингах.

Так и получилось. Нашла одного. Стала упрашивать, чтобы передал всем остальным: если вернут похищенное — дело уголовное заводить не будем. Прошел день, второй...

Вернули все до последнего винтика! Самого страшного — лишения свободы — Женька уже мог не бояться. Я даже не ожидала, что все эти приятели так поступят. За себя не боясь, открыто... Эту историю я рассказываю для тех, кто боится открыть всю правду — даже в тех случаях, если только она, правда, способна твоего товарища спасти.

Н. КУЗЬМИНОВА,
подполковник милиции,
старший следователь
по делам несовершеннолетних

АЗБУКА ВЯЗАНИЯ

сли вас увлечет вязание, возникнет немало разных вопросов: какую вещь связать первой, каким узором, какого фасона. Для вязания спицами используют в основном шерстяную пряжу, реже — хлопчатобумажную. Лучшие из сортов те, которые имеют шелковистое, тонкое, длинное и эластичное волокно. Поэтому, выбирая шерстяные нити, обратите внимание на

крутку — слишком туго скрученная нить не подходит для вязания спицами, из нее лучше вязать крючком. Трикотажное полотно, выполненное из такой пряжи, может получиться не только жестким, но и перекошенным;

ровноту — внимательно посмотрите, нет ли на нити утолщений или тонких участков. Для неровной пряжи подойдут только те узоры, которые имеют рельефную поверхность, чулочная и ажурная вязка будет выглядеть неаккуратно;

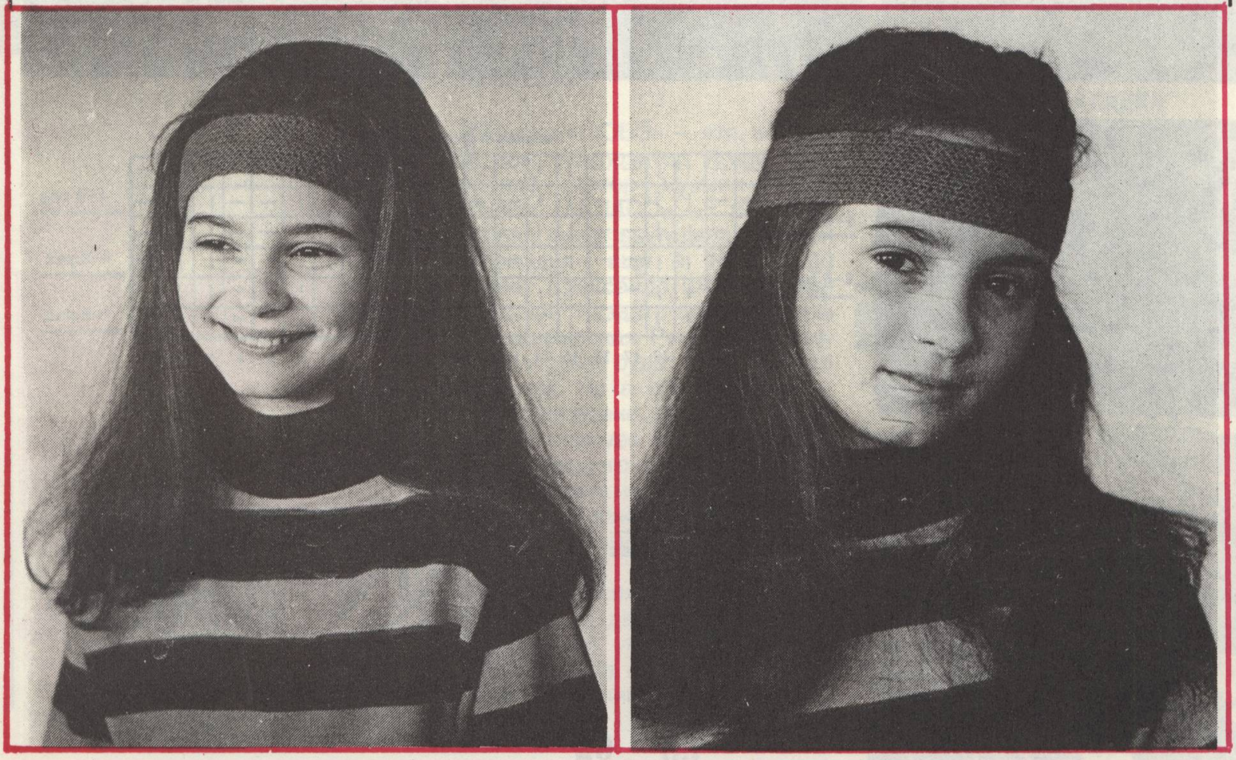
упругость — если при растяжении нить пружинит в руках, пытаясь восстановить первоначальную длину, то она прочна и связанные из нее вещи практически не деформируются. Если же нить рвется даже от небольшого натяжения, вещь из такой пряжи проживет недолго;

прочность окраски — смочите конец нити водой, заложите в белую ткань и прогладьте горячим утюгом. Если на ткани не появилось цветное пятно, значит, нить окрашена прочно.

На этикетке мотка фабричного производства вы можете увидеть цифры 32/2, 10/2. Что это значит? Цифры до черты указывают на толщину нити (чем больше число, тем тоньше нить), а после черты — из скольких нитей скручена пряжа. Чем пряжа пушистее, воздушнее, чем слабее она скручена, тем меньше ее расходуется.

Чулочное вязание

Вязание это старинное, одностороннее. Его используют при вязании спортивной и нарядной одежды, шапочек, а также как фон для выпуклых и ажурных узоров, для орнаментов и вышивки. Лицевая сторона чулочной вязки называется лицевой гладью, а изнаночная — изнаночной гладью. 1-й ряд — лицевые «бабушкины» петли. 2-й ряд — изнаночные «бабушкины» петли. 3-й ряд — узор повторять с 1-го ряда. Конечно, есть

Фотографии А. ЖМУЛЮКИНА.

в этом вязании и недостаток: полотно чулочной вязки закручивается, поэтому нижний край рекомендуется набирать с какого-либо двухстороннего узора.

Вывязывать лицевые петли за передние стенки вы уже научились. Это вязание еще называют репсовым, «веревочкой». В России им вязали платки, поэтому до сих пор сохранилось название «платочное». Но существует второй способ вывязывания лицевой петли — за задние стенки, или «бабушкина» лицевая. Вязание из «бабушкиных» лицевых очень плотное, и используют его в ручной вязке только в определенных случаях. Положение пальцев и нити при вывязывании «бабушкиной» петли остается таким же, как и прежде. Кромочную снимите, в следующую петлю введите спицу справа налево и, захватив нить с указательного пальца, протяните в петлю (1). Новую петлю переведите с левой спицы на правую.

Изнаночные петли тоже выполняются несколькими способами. «Бабушкина» изнаночная — кромочную петлю снимите, а рабочую нить расположите перед левой спицей. Правую спицу введите в петлю справа налево за рабочей нитью, затем подведите нить под конец правой спицы, втяните ее в петлю и переведите новую петлю с левой спицы на правую (2).

Чередуя изнаночные и лицевые петли, можно получить много разных узоров — шахматки, плетенки, резинки.

РЕЗИНКА 1х1. Набрать нечетное число петель, например, 29 (кромочные входят в этот счет). 1-й ряд — 1 лицевая «бабушкина», 1 изнаночная «бабушкина» и т. д. 2-й и все последующие ряды вязать по рисунку (3).

РЕЗИНКА 2х2. Набрать 28 петель (число должно делиться на 4, кромочные входят в этот счет). 1-й ряд — 2 лицевые «бабушкины», 2 изнаночные «бабушкины» и т. д. 2-й и все последующие ряды вязать по рисунку (4).

ПУТАНКА. Этот двухсторонний узор еще называют «рис», «песочек», «мелкое букле». Набрать нечетное число петель, например, 27 (кромочные входят в этот счет). 1-й ряд — 1 лицевая, 1 изнаночная и т. д. 2-й и все последующие ряды — над изнаночными вязать лицевые петли, над лицевыми — изнаночные (5).

ШАХМАТКА ИЗ ДВУХ ЛИЦЕВЫХ И ДВУХ ИЗНАНОЧНЫХ ПЕТЕЛЬ. Набрать 28 петель (число должно делиться на 6 плюс 2 дополнительные петли для симметрии узора плюс 2 кромочные). 1-й ряд — 2 лицевые, 4 изнаночные и т. д. 2-й ряд и все четные ряды — по рисунку. 3-й ряд — 3 изнаночные, 2 лицевые, *4 изнаночные, 2 лицевые. От* повторять до конца ряда. В конце ряда 3 изнаночные и кромочная. 5-й ряд — узор повторять с 1-го ряда (6).

Чтобы вязать было легко и удобно, можно обозначить петли условными знаками. Например, вертикальная палочка — лицевая петля, горизонтальная — изнаночная. Вот как выглядит схема резинки 2х2 (7).

Используя любой понравившийся вам узор, свяжите полоску для головы. Надевают ее в жаркие дни, чтобы уберечь волосы от пота. Можно ею пользоваться и во время спортивных игр, и во время отдыха. Ширина такой полоски 3—5 см, а значит, количество петель, которые вам нужно набрать, будет зависеть от того, какой узор вы выберете. Набрав нужное число петель для начала работы, пересчитайте их еще раз и только после этого начинайте 1-й ряд. Такой нехитрый прием поможет избавиться от самой распространенной ошибки: узор не получается из-за того, что число петель набрано неправильно.

С длиной дело обстоит намного проще: она должна соответствовать обхвату головы. А если захочется сделать полоску нарядной, украсьте ее вышивкой.

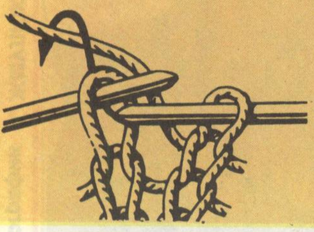

Лицевая сторона работы

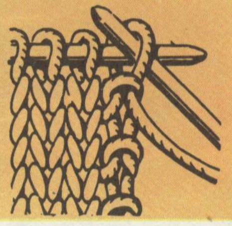
<table>
<tr><td>6-й ряд →</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td></td></tr>
<tr><td></td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>← 5-й ряд</td></tr>
<tr><td>4-й ряд →</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td></td></tr>
<tr><td></td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>← 3-й ряд</td></tr>
<tr><td>2-й ряд →</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td></td></tr>
<tr><td></td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>—</td><td>|</td><td>|</td><td>—</td><td>← 1-й ряд</td></tr>
<tr><td></td><td>21</td><td>20</td><td>19</td><td>18</td><td>17</td><td>16</td><td>15</td><td>14</td><td>13</td><td></td><td>11</td><td></td><td>9</td><td></td><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td></td><td></td></tr>
</table>

Кромочные не показаны

Фотография И. ЯКОВЛЕВА.

«ЛЮБЭ»

Группа «ЛЮБЭ» — это, во-первых, композитор Игорь Матвиенко (автор музыки песен группы «КЛАСС» — ее пластинка была выпущена фирмой «Мелодия» еще в 1988 году) и поэт Александр Шаганов (достаточно назвать его шлягеры «Владимирская Русь», «До завтра», и сразу будет ясно, что это за поэт). Ну а образ группы — это, безусловно, ее солист Николай Расторгуев из знаменитого подмосковного города Люберцы (отсюда одна из версий названия группы), певший когда-то в ныне забытом ансамбле «Здравствуй, песня!».

Первая песня группой была записана еще два года назад, но всесоюзный успех пришел год спустя, когда они «раскрутили» свой супершлягер «Атас!». Затем

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

СЕРИЯ «ЖУРНАЛ»

ГОРОСКОП

ДЕВА

Знак Земли под покровительством Меркурия.

Мальчики

Очень рассудительные и разумные, точны и обожают порядок. Чаще всего они отличники и глубоко увлеченные коллекционеры (собирают значки, марки, монеты и т. д.).

Девочки

Под стать мальчикам-Девам; но к тому же еще они очень застенчивы, хотя и пытаются научиться свою застенчивость скрывать.

Девы дружат с Тельцами, Скорпионами, Раками, Водолеями. Лучше всего со Львами.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

Друзья

Мы можем назвать выигрышные номера календарей-закладок. Это № 4 (серия «Журнал»), № 8 (серия «Красота»), № 12 (серия «Время») и, как вы уже знаете, № 3 — предложенный нами (серия «Рыцарь»).

Как и в прошлом году, в игре участвовали многие тысячи читателей «Пионера». Правильных ответов пришло тоже немало. И вновь мы проводим «суперфинал»— дополнительную жеребьевку среди победителей. В результате жеребьевки должно остаться ДЕСЯТЬ ЧЕЛОВЕК, самых удачливых, и эти «победители среди победителей» получат призы-сувениры «Пионера». Их имена — в следующем номере. Остальным — спасибо!

А мы вслед за серией «Рыцарь» начинаем печатать серию «Журнал».

4

пн	вт	ср	чт	пт	сб	вс
1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30					

Мы решили очень коротко рассказать вам о журнале «Пионер». Он появился на свет 15 марта 1924 года. Самый первый номер в редакции не сохранился. Зато имеются подшивки журналов за многие другие годы. Вот, к примеру, обложка одного из «Пионеров» за 1935 год. Журнал черно-белый, лишь обложка цветная. В нем 80 страниц.

появились «Батька Махно» («Алая заря»), «Таганка»... Концерты «ЛЮБЭ» собирали бешеные аншлаги. А тут еще и песня «Не рубите лес, мужики»... В общем, невероятнейшая удача первого магнитоальбома «Мы будем жить теперь по-новому», куда вошли тоже не менее популярные хиты «Рулетка», «Дуся-агрегат», лирические песни «Ночь», «Был душой я молод» и веселая — «Клетки». На подходе и второй альбом.

Мне кажется, не следует спорить о том, кто был родоначальником нового стиля «эскадрон» — Олег Газманов или «ЛЮБЭ» с «Батькой Махно». Главное — и Олег Газманов, и группа «ЛЮБЭ» одинаково нравятся нашим читателям, поклонникам этого стиля. Да и спорят-то не меломаны. По крайней мере в ваших письмах этих споров нет.

Группа «ЛЮБЭ» сейчас в зените популярности, а Игорь Матвиенко и Александр Шаганов создают новый проект под названием «Звездное лето». Появится конкурент оригинальной и неповторимой «ЛЮБЭ» или возникнет что-то совсем-совсем новое?

ПОП-ИНФОРМ

Группа Алексея Блохина «ЛАСКОВЫЙ БЫК», пришедшаяся по душе вам всем своим первым магнитоальбомом — «ПАЦАНЫ», «запустила в серию» второй — под названием «ТУСОВКА». Название говорит само за себя.

***

Еще одна группа из обоймы «Миража» — группа Степана Разина «КАРОЛИНА», громко заявившая о себе еще год назад магни-

тоальбомом «ДИСКОБАР», записала очередной альбом. Степан же Разин (кстати, родной брат Светланы Разиной, той самой «Феи») выпустил свой сольный альбом «А НУ, ДАВАЙ!». Очень напоминает Газманова и «Мираж» одновременно. Послушайте сами!

***

В Московском Дворце молодежи давно (пять месяцев назад) открылся музей рок-н-ролла. Особенность его в том, что извест-

ные музыканты и просто рокмэны могут принести и подарить этому музею все, что хоть как-то связано с роком. Экспонаты самые неожиданные, не буду перечислять — приходите, сами увидите.

* * *

«СЕКРЕТ» теперь уже не квартет, а трио. Остается только с улыбкой вспоминать об их неразлучности. Максим Леонидов уехал в Израиль, но оставшиеся Андрей Заблудовский, Николай Фоменко, Алексей Мурашов не унывают, выступая с совершенно новой программой в сопровождении биг-бенда. На их концертах очень весело!

* * *

С «НАУТИЛУСОМ ПОМПИЛИУСОМ» все в порядке! Правда, теперь ансамбль — это только Вячеслав Бутусов и Илья Кормильцев (кстати, вышла книга его стихов «СКОВАННЫЕ ОДНОЙ ЦЕПЬЮ», куда вошли не только тексты песен). У Дмитрия Умецкого — свой собственный проект. А «НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС» в новом составе записал альбом «НАУГАД».

Вести из страны «Ласкового мая»

Андрей Александрович Разин, которого вы все прекрасно знаете и любите, даже очень, избран народным депутатом Севастопольского района Москвы, с чем мы его от всей души поздравляем. Остается только позавидовать девчонкам Севастопольского района. Сам же Андрей Разин, выпустив свою книгу «ЗИМА В СТРАНЕ «ЛАСКОВОГО МАЯ», тут же заявил о выходе следующей — на этот раз романа «ЧЕЛОВЕК ТУСОВКИ».

* * *

Сергей КУЗНЕЦОВ, создав свою группу «МАМА», уже не обижается на Андрея Разина и выпускает альбом за альбомом. Их уже четыре. Конечно, это не «Ласковый май», но девочки на концертах всхлипывают. А вы?

«ПИОНЕР»СКИЙ ХИТ-ПАРАД

I место
Группа «КИНО».
Альбом
«ЗВЕЗДА ПО ИМЕНИ СОЛНЦЕ»

II место
Группа «СТАЛКЕР».
Песня «НЕ ПЛАЧЬ, АЛИСА»

III место
Группа «ЛЮБЭ».
Песня «АТАС»

Как видите, группа «Ласковый май» снова не попала в «звездный» парад нашего журнала. Что, интересно, по этому поводу скажет сам Андрей Разин? Чем завоюет сердца ваши? А пока ждем ваших открыток для летнего хит-парада.

Ведущий — Вит АПЛАТОВ.

ЧИТАЙТЕ В МАРТЕ:

Читайте в следующем номере повесть Владимира Александрова «Акука».

Сдано в набор 04.02.91.
Подписано к печати 18.02.91.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 883 000 экз. Заказ № 176.
Цена 70 коп.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. Правды, 24.

70 коп.

Индекс 70694.

Читайте в ближайших номерах:

Книгу протоиерея Александра Меня «Свет миру».

«В северной области Земли Израилевой, Галилее, в маленьком городке Назарете жила девушка по имени Мария. Она бесконечно любила Бога и всей душой верила, что Небесный Царь, Мессия, придет спасти людей. Она хотела целиком посвятить себя Создателю, жить в молитве и труде. Но в те времена женщина обязательно должна была иметь семью. Поэтому Мария вручила свою судьбу престарелому плотнику Иосифу, который дал торжественное обещание взять Ее в жены.

Но еще до того, как Она вошла в дом плотника, Марии было видение.

Перед ней появился таинственный вестник от Бога. Он сказал, что с этого момента Она становится Матерью Христа, Божественного Царя.

Земного отца у Него не будет. И назовется Он Сыном Божиим...»

Новый морской роман-сказку Владислава Крапивина «Портфель капитана Румба».

«Тук! Тук! Тук! — отдавались в тишине глухие удары. А потом — бух! — отозвалась под камнем пустота. Гвоздик взвизгнул от радости и ахнул топориком изо всех сил. Обух пробил тонкую плитку, открылась черная дыра. Гвоздик сунул руку.

— Там что-то круглое... Бочонок!»

Эти и другие произведения будут напечатаны в журнале «Пионер» во втором полугодии.

Стоимость подписки на шесть месяцев — 4 руб. 20 коп.

ISSN 0130 — 8009, Пионер, 1991, № 4, 1—64.